

БЕСМ

№6, 2016

Узкоколейная железная дорога. Шабровский тальковый комбинат.

Гигантская пила «Дружба».

СТАРАЯ ЛИНЗА ЛЕТОМ

О Старой линзе я слышал много, но ни разу там не был. И вот мы, трое моих друзей – Коля, Инга, Лена – и я, решили там побывать.

Описания точного маршрута проезда или прохода к Старой линзе мне нигде найти не удалось. Коля откопал где-то карту той местности, и нам пришлось отправиться туда, так сказать, «на ощупь».

Выбрали для поездки воскресный день. Встретились в 7 часов утра на ст. Южной (у Ботанического сада), откуда идут пригородные автобусы в сторону Горного Щита, Шабров, Курганово, п. Сысерть и пр.

Мы доехали до п. Шабры. Вышли на конечной остановке и двинулись по железнодорожной ветке широкой колеи в направлении Старой линзы, указанном местными жителями. Когда-то колея была двухпутной, но в настоящее время второй путь разобран. Пока мы шли, я рассказывал друзьям, что мне известно о Старой линзе.

Недра Шабровской земли отличаются богатством и разнообразием минералов. В XIX веке здесь работали многочисленные золотые прииски, а тальк, мрамор и змеевик добываются здесь до сих пор. В окрестностях также встречаются ценные минералы.

В 1829 году (5 июня по старому стилю) в Шабрах побывал и путешествовавший по России немецкий ученый Александр фон Гумбольдт со спутниками Густавом Розе и Христианом Готфридом Эренбергом. Экскурсию по Шабровским золотым россыпям для них устроил сам главный горный начальник хребта Уральского О.С.Осипов.

Во время посещения Шабровских золотых приисков немцы, помимо прочего, отметили встречающиеся здесь тальковый сланец, змеевик и кристаллы граната.

До открытия талька в этом месте его добывали в окрестностях Сысерти («Тальков Камень»). Разработка месторождения кустарными методами началась еще в 80-х годах XIX века. До 1917 года добыча талька производилась с большими перерывами. С 1917 по 1927 г. рудник вообще не использовался. Планомерная эксплуатация началась только в 1927 году, а механизирован был процесс в 1931 году с созданием объединения «Уралтальк», когда в СССР остро требовались огнеупоры. Талькомагнезитовый камень выпиливали блоками. В 1959 году в двух километрах на юго-восток от карьера начаты работы по разработке второго талькового карьера («Новая линза»). Вследствие чего разработка главного (старого) карьера «Старая линза» была прекращена. Изначально «Старая линза» представляла собой небольшой рудник – 10–12 метров в глубину, до нынешних размеров он разросся к 1974 году, когда и был законсервирован, в связи с появлением более простых технологий в добыче талька. Добываемый тут тальк использовался (да и сейчас используется) в самых разных областях промышленности. Он применяется при производстве резиновых изделий, пластмасс, керамики, в химической промышленности. Шабровский карьер был крупнейшим в бывшем Советском Союзе месторождением талька, составлявшем 65% общих запасов этого минерала.

(Окончание на стр. 79)

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Советская, 96)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 855).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Татьяна Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артемов	А.П.Мищенко (Тюмень)
Л.С.Богоявленский	Я.С.Недвиг
О.А.Бухаркина	(художественный редактор)
д.и.н. С.В.Голикова	к.и.н. Б.Б.Овчинникова
(Екатеринбург)	д.и.н. Д.А.Редин
В.Г.Дагуров (Москва)	(Екатеринбург)
к.и.н. А.С.Еремин (Ирбит)	С.И.Симонов
В.Н.Ермолаев (Тавда)	(Каменск-Уральский)
(зам. главного редактора)	Б.В.Соколов
д.и.н. В.В.Запарий	д.и.н. А.В.Сперанский
А.П.Комлев	<u>д.и.н. В.П.Тимошенко</u>
к.и.н. С.А.Корепанова	(Екатеринбург)
д.и.н. Г.Е.Корнилов	доктор культурологии
к.и.н. В.Н.Кузнецов	С.Г.Фатыхов (Челябинск)
Л.А.Ладейщикова	А.А.Федотов (Саратов)
к.т.н. Я.Л.Либман	Ю.П.Чернавин (Ирбит)
В.И.Липатников	Е.И.Щупова
(Екатеринбург)	Ю.В.Яценко
В.В.Лютков (Челябинск)	(Екатеринбург)
А.М.Марласов	
(Кисловодск)	

Корректор номера
Владимир Иванов

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 855
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора
и со ссылкой на журнал «Веси».

Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте
или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные для
издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безвозмездной основе.

12+

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложке: Фото Александра Автаева-Уральского.

Номер подписан в печать 30.08.2016 г.

Отпечатано в ИПШ «ОАО «Уральский рабочий»
Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

Сэлфи... Народ всё спорит и спорит – что же это такое? Одни называют это смертным грехом, связывая с самолюбованием и с сотворением кумира из своего собственного тела. Другие – обессивно-компульсивным расстройством, запугивая психическими ненормальностями и неизлечимыми болезнями. Третьи вообще говорят, что занятие это преступное по большей части и опасное для жизни по своей сути.

Когда я научилась сама себя фотографировать, все мои друзья и знакомые облегченно вздохнули. Потому что на их фотографиях я никогда себе не нравилась и обычно это высказывала.

Сэлфи – от английского Self – сам. И не более! Это просто способ, метод, инструмент, когда человек фотографирует себя сам. В чем тут проявляется самолюбование по сравнению, например, с тысячей фотографий, сделанных по моей просьбе подругой во время примерки шляпки?..

А в чем проявляется психическое расстройство, если человек запечатлевает себя на фоне аленького цветочка, водопада, горы, храма?.. Это благо для родных и близких, что они не участвуют в этом процессе! А то, что некоторые миллионами выкладывают в социальных сетях свои фотки, сделанные и ими самими, и их друзьями, и знакомыми-незнакомыми, к самому сэлфи не имеет абсолютно никакого значения! Вы понимаете, надеюсь, к какому органу это имеет прямое отношение?..

Что касается опасности и преступности, – то вновь можно опровергнуть. Ведь стоять на краю пропасти или на крыле взлетающего самолета одинаково опасно и в том случае, когда тебя снимает кто-то, и когда ты делаешь это сам. Способ съемки вовсе не уменьшает опасности и не дарит чудесных шансов. Если человек засовывает голову в пасть крокодила, то всё равно, кто его будет фотографировать. В этом случае гораздо важнее, кто будет заниматься его похоронами.

Как видите, сэлфи здесь ни при чем!

Даже если этих фотографий сотни на одно лицо, это не свидетельствует об особенностях сэлфи. Если для удовольствия человек вместо одной-двух мороженок съедает сотню, это ни с какой стороны не характеризует ни мороженки, ни способ их поглощения.

Кстати, первое русское сэлфи сделала Великая княжна Анастасия с помощью зеркала. Это произошло в 1900 году – более ста лет назад!

Мне кажется, прекрасно, что у людей есть такая возможность – сэлфи – сохранить свои впечатления, не рассчитывая на помощь близких. А некоторые, владеющие словом, делятся пережитым в воспоминаниях, открывая перед нами новые страницы истории, грани событий и их последствия.

Главный редактор
Татьяна Богина.

ВЕСИ

№ 6(122) ` 2016
июль – август

Издается с 2002 года

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Рудольф Сырейчиков</i>	<i>Лики времени</i>	
Кержак		4
<i>Стэф Садовников</i>	<i>Литературная коллекция</i>	
Гитара		10
<i>Дмитрий Гаврилов</i>	<i>Лики времени</i>	
В круговерти XX века		17
<i>Сергей Драчук</i>		
Город Тршебонь – столица «Зеркального края»		36
<i>Людмила Будрина</i>	<i>Мастерская</i>	
Возвращение из-за океана		41
<i>Любовь Двинских</i>	<i>Лики времени</i>	
Городок «Чекист». Начало		44
<i>Степан Недвига</i>	<i>Лики времени</i>	
Начало звукового кино в Советском Союзе		57
<i>Екатерина Лесникова</i>	<i>Лики времени</i>	
Сибирский десант		73
<i>Андрей Комлев</i>	<i>Литературная коллекция</i>	
«Просто живем в России...»		76
<i>Александр Автаев-Уральский</i>	<i>Лики времени</i>	
Старая линза летом		79

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2016 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс на сайте <http://www.ura -press.ru/>

Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.
Сотрудничают с зарубежными подписчиками:
Кудрявцева Елена +7(495)961-23-62 доб. 3777 kudr@ura -press.ru

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

Журнал награжден почетными
знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при
финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым комму-
никациям.

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO c ub s,
centers and associations

Издается под патронатом Всемир-
ной федерации ассоциаций, центров и клу-
бов ЮНЕСКО, Российской библиотечной
ассоциации и Российского представи-
тельства ТИССИН.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

генеральный секретарь
Урало-Сибирской федерации
АЦК ЮНЕСКО, казначей Европейской
федерации АЦК ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

аудитор Всемирной федерации
АЦК ЮНЕСКО
Данил Владимирович КУРАШОВ

президент
Российской библиотечной ассоциации,
заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Федеративного совета
Союза журналистов России,
главный редактор «Областной газеты»
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

**Рудольф
СЫРЕЙЩИКОВ**

Окончил Копейский горный техникум, служил в армии. Трудовую деятельность начал в 1966 году в должности мастера горно-обогатительного цеха Кыштымского графито-каолинового комбината. В 1997 году впервые принял участие в литературном конкурсе «Веселись, турист!», организованном газетой «Труд». Его рассказ «Неведомый пришелец» вошел в десятку лучших произведений и был отмечен поощрительным призом. Лауреат литературных конкурсов, организованных газетой «Труд-регион» и комитетом экологии города Кыштыма совместно с городской газетой «Кыштымский рабочий». г. Кыштым.

КЕРЖАК

(СТАРОВЕР)

«Чтобы русский народ, несмотря на все многочисленные потери в XX веке, несмотря на нынешний катастрофический упадок – материальный, физический, демографический, у многих моральный, не пал духом, не пресекался к существованию на Земле, но сумел бы воспрять, чтобы в мире сохранились русский язык и культура, я свидетельствую о поразительной стойкости старообрядцев в вере и о таком сохранении русского облика, речи и духа, какого уже и сыскать нельзя нигде больше».

А.И.Солженицын

...В детстве, играя на широком дворе дедушкиного дома, расположенного в Кыштыме в районе Егозинки, я невольно обращал внимание на плаху большого диаметра, лежащую под навесом на деревянных лежнях. Когда-то аккуратно отпиленная от лиственницы (особо почитаемого старообрядцами дерева), она смотрелась при более чем двухметровой длине идеально ровной. Она не путалась с другими деревяшками и строительным материалом, а лежала отдельно, как будто ждала особого случая. О ее практическом назначении я узнал после скоропостижной смерти деда.

В тот же день во дворе дома появился крепкий на вид, коренастый и бородатый, как сам дед, мужик. Топором он стал аккуратно вырубать из этой плахи колоду, делая так называемую погребальную «домовину» для покинувшего бренный мир деда.

А ведь только вчера дед на саях вернулся от своих ближайших родственников и знакомых. (Будучи уже на девятом десятке, дед, видно, понимал, что встречи с родными стали носить для него прощальный характер.) Он зашел в избу, попахивая заиндевелыми сосульками, намерзшими на широкой бороде, стянул с себя тяжелый медвежий тулуп и, добродушно улыбаясь, как всегда протянул мне гостинец в виде сахарного петушка на палочке.

Привычно отхрапевшись ночью на своей просторной русской печи, он решил днем прилечь на лавку. Да так и остался лежать неподвижно, словно приготовился проснуться в другом мире. Никого из домочадцев не побеспокоил предсмертной агонией, а тихо отошел в иной мир. Смерть его была характерна для старовера.

На протяжении всей своей долгой жизни дед напрочь отвергал курение, не увлекался и «бесовским зельем» – алкоголем. Эти качества отличали его от «мирских», тешащих себя иллюзорными удовольствиями, с их пагубными пристрастиями и порочными привычками, от которых потом сами же и страдали, нарушив главные христианские заповеди, рассматриваемые православной религией как отступничество или богохульство. Ничему не вняв, человечество пошло дальше, ударившись еще и в наркоманию. А мой дед – Василий Савинович Зотов за свою праведную жизнь получил как награду от Господа Бога такую вот легкую смерть.

Старообрядцы в большей степени проживали в экстремальных условиях, не балуя себя излишествами. Вели хозяйство и жили зачастую один на один с природой. Являли собой эталон добродетельного поведения, отличались и завидным долголетием. Дед Савинович прожил немало, а есть примеры и большего долголетия старо-

обрядцев, у которых сердечный мотор был крепче, сохраняя работоспособность до преклонных годов. Как порой удивлялись заезжие, видя, как восьмидесятилетний Ванька, по привычке слушая своего столетнего тятю, по-мальчишески прыгивал с печи, целясь на ходу попасть ногами в стоящие внизу валенки, и выскакивал из дома, чтобы распрячь лошадь.

Дед посещал моления в своей общине на дому или в часовне и был известен в старообрядческих кругах. И потому весть о его кончине быстро облетела всю округу. К вечеру того же дня в доме появились старушки-молельщицы, готовые к ночным бдениям, в темных одеждах и с молитвенниками на старославянском языке.

Пышная помпезность, свойственная официальной христианской церкви, здесь отсутствовала. Но, тем не менее, строго соблюдались свои условности в молитвах и обрядах: от них не следовало отступать. Сам дед был набожным человеком. Повсюду в углах были расставлены иконы, поэтому дом представлялся своеобразным храмом. Особо почитаемы были Николай Угодник, Богородица, Илья-Пророк. Впоследствии, в эпоху атеизма, из-за ненадлежащего пригляда исчезли куда-то из дома дедовские иконы.

Чтение молитв при горящих свечах продолжалось два дня и две ночи, но еще долго стоял в доме густой запах ладана и свечей, изготовленных из пахнущего медом воска. По окончании последней всенощной лицо деда покрыли тканью, и тело его стало ждать часа погребения.

Полу третьего дня, с восходом студеной декабрьской зари, к дому подкатили широкие сани. В них сел и мой отец. Не принадлежавший к старообрядческой общине, но уважавший деда, он поехал оборудовать могильник. Меня не взяли, чтобы не путался под ногами.

Увезли деда на отдельное для старообрядцев нижнекыштым-

ское кладбище. Водрузили на могиле крест и положили камень как погребальный символ, как предмет последнего поклонения и уважения перед земной природной обителью, которая помогала и сопутствовала умершему на протяжении жизни.

Поминальный обед сопровождался обилием пирогов, шанежек, каши с изюмом на меду, рисовой кутьи. На прощанье всем выдали платки.

Потерю дедушки я почувствовал остро, хотя не сразу. Он был для меня не только хозяином в доме, но и собеседником, особенно когда родители уходили вечером на работу. Дед ворчал по поводу поздних смен, вредящих здоровью и делающих человека заложником технического прогресса:

– И какой леший придумал эти ночные смены?! – всегда возмущался он. Испокон веку человек жил по принципу: «День хлопочи, а ночь спи на печи». Неужели ничего другого нельзя придумать?

Дед придерживался правила, что после дневных праведных трудов надо почувствовать, как прокаливается на печных кирпичах каждый суставчик, как уходит простуда и усталость. Ни одна суббота не обходилась без бани с березовым веничком, выгоняющим, по его убеждению, из человека любую хворь. После баньки он позволял себе расслабиться как следует и хряпнуть жбанчик с кваском или бражкой.

Одевался дед всегда тепло, следуя принципу: «Жар костей не ломит», попрекая при этом нас, молодых, не придававших одежде такого значения. По складу ума он был философом. Поглаживая бороду (главное внешнее достоинство старообрядцев), отвечал на мои вопросы на своем мудро-самобытном, неграмотном, но понятном языке. А темы для разговоров частенько подбрасывал ему я, будучи любознательным по природе.

– Дед, а Вселенная бесконечна? Ведь в жизни всё имеет начало и конец, – спрашивал я.

И дед со свойственной ему выдержкой и спокойствием, к моему удивлению, отвечал утвердительно:

– Вот ежели ты сидишь на стуле. Он, в свою очередь, опирается на пол, а пол на фундамент дома, а дом на земную твердь...

Так он давал мне понять, что планета наша тоже имеет какую-то опору.

И я снова допытывал деда уже другим вопросом:

– Как же на Земле, состоящей, как и все другие планеты, из твердой материи, могла возникнуть жизнь?

– Если семя какого-то растения посадить в грядку, то из него соответствующее его природе и вырастет. Так и человек приспособился к земной жизни.

– Но откуда же взялся механизм зарождения всего живого? – парировал я. – Кто же этот мудрый Творец, и как это ему удалось?

В конце концов, припертый сложными вопросами, дед показывал пальцем вверх, не называя Бога при этом. И только в споре о первичности происхождения яйца или курицы, отдавал предпочтение почему-то курице, затем переводил разговор на другие темы.

Любил дед рассказывать про травы, утверждая, что врач лечит, а природа излечивает, что жизнь человека находится в руках природы, которая дает ему не только материальные блага, но и жизненные силы. Ангина с аллергией, например, излечиваются еловой смолой с медом. А как полезен чай, заваренный тысячелистником, зверобоем, чабрецом, мятой или другими травами! И пить его, по рецепту деда, надо непременно с медом, клюквой или брусникой. Это от легкой простуды.

Не пользуясь официальными лекарствами, игнорируя больничные заведения, дед старался излечивать себя сам. А когда уже совсем было плохо, чтобы пропотеть и прогнать простуду, закрывался большой материей или фартуком, склоняясь над большим чугуном только что сваренного картофеля

в мундире. К горлу, если оно изрядно осипло, привязывал мешочек горячей золы, также для прогрева.

БолеЛ дед редко, отчасти потому что старался вести здоровый образ жизни. Проводил большую часть времени на природе. Работал лесником, удил рыбу, выращивал хлеб на своей заимке.

И все же один раз ему присоветовали обратиться в больницу, когда у него занедужил правый бок. Больше из любопытства дед отправился туда, но очень скоро прибежал, как очумелый, и на ходу выпалил:

– Стану я их лекарства нюхать!

После этого подлечился у какой-то знахарки, которых до войны и после в Кыштыме было множество. Они излечивали грыжу и другие болезни. А серьезные заболевания для старообрядцев были не так характерны.

И почему обычному мирскому человеку, иронично называемому старообрядцев кержаками, не понять, что не пользоваться общей посудой – это не признак неуважения и брезгливости к обычным людям, а следствие веками выработанного инстинкта самосохранения, принятого с языческих времен как основа выживания в суровых жизненных реалиях!?

Опираясь на религиозные дедовские представления, я уверовал, что если захватит тебя неожиданно гроза в лесу, достаточно помолиться, попросить спасения и милосердия у всевышнего Боженьки, и молния тебя не ударит. На удивление, дед возражал, поражая меня запасом пословиц и поговорок:

– Бог-то Бог, да сам не будь плох! Вот если будешь во время грозы стоять под деревом, а не спрячешься в шалаше, под копной или густым кустарником, то молись – не молись, Перун может задать тебе такого перцу! Бог ведь не мякишка, где стукнет, там и шишка!

Дед знал про языческого бога грома и молнии, и это подтверждало его историческую причаст-

ность к дохристианской языческой вере. Она, эта вера, в основе которой существовало многобожие, еще жила в памяти некоторых старообрядцев.

Только у меня всё равно оставалось много вопросов. Когда сам Перун ниспосылает гром и молнии, круша деревья, поражая людей, трудно понять, в чьих руках находится считающаяся обожевленной природа. Иногда религиозного фанатика молния может сразить быстрее, чем самого отъявленного безбожника. Трудно поверить в возможности всемогущей Божественной воли. В самой природе есть, видимо, какие-то свои материальные силы и законы, перед которыми не может устоять человек. И какая-то неведомая сила заставляет его молиться Всевышнему, прося пощады себе и близким. Извечное поклонение всем идолам составляло сущность языческой веры, развенчать которую христианству на Руси с понятием единого Бога было делом нелегким.

Трудно было принять решение князю Владимиру в 980–982 годах перейти от языческой к христианской вере, пришедшей из Византии. Трудно было и людям враз поверить в некое чудо, свершившееся далеко на юге, – рождение Иисуса Христа, Сына-Бога человеческого, единого для всех Бога.

Но, в конце концов, поверили же в эту красивую историческую легенду, и пришлось славянскому народу по душе, несмотря на противодействие таких влиятельных людей, как Изяслав Мстиславич, в 1146 году добивавшийся обособления русской церкви от Византии. И существовала бы она как единая принятая на Руси православная христианская вера, если бы в 1653 году во времена «тишайшего» Алексея Михайловича не произошел раскол.

И зачем патриарху Никону с протопопом Аввакумом нужно было вносить такую сумятицу в устоявшиеся каноны и обряды? Как считали в ту пору многие православные, их заставили отка-

заться от старых обрядов и правил и привести обрядовую жизнь русской церкви в соответствие с чужой богослужебной практикой Украины и Белоруссии, перешедших под юрисдикцию Московского государства. Стали переписываться многие богослужебные книги на греческий язык, что не по нраву оказалось русской православной церкви. Многие сочли это надругательством над верой отцов и не приняли такого новшества, продолжая молиться по старым книгам и креститься двуперстным знаменем.

В основе раскола сказались преданность отеческим традициям, которым остались верны и представители знатных фамилий: Третьяковы, Рябушинские, Морозовы. (Поразительна для эстетического отображения этого времени картина Сурикова «Боярыня Морозова», которую можно увидеть в Третьяковской галерее.) В результате «раскольники», как стала называть их официальная церковь, оказались преследуемой частью общества. Путь их примирения с официальной церковью оказался трудным, потому что не стали соблюдаться исконно русские обряды и ритуалы с их прежним смыслом.

Великий Церковный собор в Москве в 1666 году предал старообрядцев анафеме. Не приняв новую веру, раскольники бежали из Москвы на восточную Волгу и ее левые притоки: реки Керженец, Ветлугу, на Алтай, Сибирь, Урал, где стали строить свои отдельные скиты и стали называться в народе кержаками, распавшись впоследствии на отдельные течения и толки. Из-за непринятия новой веры им приходилось перемещаться с места на место, потому что воеводы отлавливали раскольников, чинили над ними суды и даже казнили. Чтобы очистить себя от «скверны», раскольники порой сжигали себя заживо. Их облагали большим подушным налогом, увозили на строительство Санкт-Петербурга. Работали они и у Демидова на Урале. Будучи ревнителями высокой духовной

культуры и нравственности, старообрядцы не употребляли спиртных напитков и табака. Главным в их жизни было моление и труд. Это делало их хорошими работниками.

Постепенно преследование прекратилось, и многие старообрядцы смогли вести оседлый образ жизни и стали зажиточными людьми. В их общинах неукоснительно соблюдались принципы духовного братства и преданность старой вере. Страх Господень – страх Божий удерживал от отступничества. А без помощи Божьей ничего невозможно. С ней и выстояла Церковь и старая вера.

Подобный путь с гонениями и притеснениями испытала староверческая община Савина Зотова, отца моего деда Василия Савиновича Зотова. В Кыштым она переехала с Выговского поселения, где в свое время сложился наиболее умеренный в беспоповщине поморский толк староверов. Богатые окрестные места «тихого зимовья» с бесчисленным количеством озер сразу привлекли внимание общины и подвигли к обустройству на этой земле.

В окрестностях озера Улагач и сейчас можно найти остатки их первоначального поселения, где происходили знаменитые общинные моления на лоне природы. Подняв руки к небу, женщины кликушествовали, впадая в религиозный экстаз, утрачивая контроль над собой, буйствовали и выкрикивали бессвязные слова, взывая к Божьей благодати и милости.

Никонианцы как были, так и остались для старообрядцев иродами. Даже построенная в 1847–1849 годах в Кыштыме единоверческая Свято-Троицкая церковь не стала центром примирения. Разнородная паства в ней требовала соблюдения своих правил и обрядов. Иные правила, навеянные новой верой, ненавистной старообрядцам, привели к обособлению от общепринятых норм поведения в обществе. Старообрядцы считали опоганенной посуду, ко-

торой нечаянно воспользовался обычный, мирской человек, и могли демонстративно выбросить за порог дома то, что выглядело неуважительно.

Жили они большей частью независимо, старались ничего ни у кого не просить. Не надоедали другим, обходились своим, порой очень скромным доходом от хозяйственной деятельности. Привыкнув заботиться о себе, они заготавливали впрок мясо, делали на своих маслобойках душистое сливочное масло, собирали цветочный мед с лесной пасеки, клюкву, мочили бруснику в бочонках, особо принимаемую организмом после престольных праздников, вырощивали овощи. В изобилии засаливали грибы в бочках, особенно грузди, хоть насаживай за раз по несколько штук на вилку. Менялись излишками своих припасов на стороне. А попрошайничество всегда выводило их из себя. Помню, что если деду и приходилось оказывать кому-то услугу, то он побыстрее старался от него отделаться, как от назойливой мухи, называя просителей «стрекозами». При этом не забывал поучать своих домочадцев:

– Не учитесь вот так же, как эти, беспутно жить! Самое главное – соблюдать десять христианских заповедей, и никакая злая судьба тебя не достигнет.

Выезжали на дальние озера, где водилась крупная рыба. В таких компаниях находились «рыбаки», которые на лоне природы предавались больше не самой ловле, а пьяному веселью. Поэтому дед предусмотрительно уходил от них подальше в сторону, зная, что рыба не любит излишнего шума. Под конец рыбалки горе-рыбаки завистливо поглядывали на большие хвосты, торчащие из чужих рыбацких ящиков:

– Глянь, сколько у него рыбы-то! Вот кержак дает!

Иные норовили откупить у кого-нибудь часть улова. Принципиально не поддаваясь ни на какие уговоры, не соблазняясь деньгами, самостоятельный кержак выговаривал им:

– А с чем приехали, с тем и обратно поедете!

После распада общины Савиныхчей на Улагаче, дед переехал в Кыштым. Построил дом, обзавелся большим домашним хозяйством, образовал семью из восьми человек. Работая лесником, построил на приглянувшейся ему реке Наногэ заимку, где разводил пчел. Оттуда привозил много рыбы, ловил ее на ивовые «морды» и сети. Особенно любил линей. Жена деда, Мария Степановна, пекла в русской печи с высоким подом знатные во всей округе пироги с тонкой нижней промасленной корочкой. Рыбный пирог доставлял удовольствие самому хозяину и его домочадцам. Духмяный его запах распространялся по ближайшей округе, и все соседи уже знали, что Савиныхч приехал с заимки. Свою Марию Степановну он ласково называл хозяйшкой. Прожил дед с ней больше полувека в мире и согласии. У староверов принято жениться один раз.

Порой глядя через окно на прохожих, невольно восклицал, завидев какую-нибудь статную приезжую, идущую мимо окон с вокзала:

– Эх, как прошла, крашена, не наша! С серьгами в ушах, на высоких каблуках.

А увидев, как соседи воюют между собой, звал жену:

– Глянь, Марья, сбрешные опять дурью маются!

– Опять чего-то не поделили. Разбегайся, видать, опять порешили, – отвечала бабушка.

– И что делают между собой? Ведь жизнь такая короткая! Прожить-то ее – не поле перейти.

Даже когда дед находился далеко от дома, его никогда не покидало чувство заботы и беспокойства о своей женушке и домочадцах. Иногда, поддавшись чувству тревоги, приезжал проверить, всё ли дома в порядке. А успокоившись, крестился под образами и опять отправлялся по своим делам.

Дед хоть с виду выглядел спокойным и уравновешенным, был строгих правил и во всем любил

порядок. Ничто не исчезало из поля его зрения, и во всем чувствовалась хозяйская рука. Не любил он, когда какая-нибудь вещь, имеющая практическое применение, вдруг исчезала из дома. Или привозимые им женские наряды обменивались на чулки. В такие моменты он, выходя из себя, в запальчивости называл своих дочерей растащиками. Порой его замечания и наставления раздражали домочадцев, но во время его долгого отсутствия они скучали по знающей порядок силе. Ворчали между собой: вот, мол, придет скоро тятя и задаст трепака за непослушание. Одни старались выслужиться перед матерью накануне его приезда, чтоб не остаться без гостинцев, другие, слывшие непокорными, получали их меньше.

Все ждали минуты, когда тятя начнет раздавать подарки. А он специально тянул время, оглядывая всех с хитровой улыбкой, предвкушая их радость. Кого-то мог и просто одарить алтынным на сладости. Но к этому числу относились не взрослые, а подростки, которые и пряникам да кренделям были рады.

Соблюдал Савинич все престольные праздники, усаживаясь в такие дни во главе стола. А перед этим вытаскивал из сундука ситцевую рубаку-косоворотку, поправлял бороду и пробор на голове. Стригся он всегда «под кружок», как было принято у старообрядцев.

Все женщины и моя мать в том числе пекли пироги с разной начинкой и высокие куличи из воздушного теста, но придерживали для праздника еще какой-нибудь вкусный сюрприз. Считалось, что у мудрой хозяйки всегда должен быть запас, который выручит и в будни, и в праздники. На стол выставлялся густой ржаной бодрящий квас. Дед сторонился магазинного, поэтому праздники отмечались бражкой или медовухой, и выпивка была нужна для поднятия тонуса да изгнания застоявшейся хвори.

Дед доставал свою гармонь «полухромку» из футляра, но в

дни праздников передавал ее в другие руки, предпочитая предаваться пению старинных русских песен про тонкую рябину и про черемуху, колышущуюся под окном, которую он сам посадил когда-то, про золотые горы и про замерзшего в степи ямщика. А порой на трудно сгибающихся старческих ногах в больших чёботах с час-тушками пускался в пляс.

Ты подгорка, ты подгорка,
Широкая улица,
По тебе никто не ходит:
Ни петух, ни курица.

Потом переходил на более за-лихватские припевки:

По деревне я иду,
Думаю, по городу.
Я любого мужика
Потреплю за бороду.

Шел я лесом, песни пел,
Воробей мне на нос сел.
Что ты, черт тебя дери!
Нельзя по лесу пройти.

А особенно мне нравилось слушать, когда дед с отцом, мощными басами сотрясая дом, запева-ли: «Ревела буря, дождь шумел...» Я знал, что поют они про Ермака, покорителя Сибири, и в моем воображении невольно рисовались образы мужественных и сильных духом людей, проложивших для нас, потомков, путь в дремучую, непроходимую тайгу, богатую полезными ископаемыми и имеющую огромное значение сегодня. Под конец застолья, когда все присутствующие уже расходились, дед сам брал гармонь в руки и за-певал свою любимую песню:

Чудный месяц плывет над рекою,
Мои лапы на той стороне.
Ничего мне на свете не надо,
Лишь бы лапы приплыли ко мне.

Праздники не становились для деда поводом для безудержного, как у некоторых, загула. И поутру уже слышалось привычное:

– Ну, как мертвая! Эх, застоялась! Пш-шла!

А лошадушка под конец жизни ему попалась понятливая. Даже если дед нечаянно вздрем-

нет дорогой, пригревшись под медвежьим тулупчиком, она непременно привезет его к дому. Будет своим ржанием у ворот вызывать домочадцев до тех пор, пока ее не заведут во двор и не распрягут. Потом накормят овсом, напоят и отведут в теплый хлев.

Дед ежедневно отправлялся в своей повозке по служебным или личным делам. С малых лет он усвоил, что если только «стрелять и удить, то ничего не будет». Чтобы содержать большую семью, нужно вести большое хозяйство: ухаживать за животными, заниматься заготовкой дров, сена.

Природа занимала особое место в душе деда: именно в ней он черпал новые силы. Поэтому любил уединиться, уйти от людской круговерти и шумного домашнего гама, чтобы обрести покой в душе. С детства воспитанный в духе уважения ко всему окружающему, к природе, дающей людям все блага, которыми они так безгранично пользуются, он старался бережно ее хранить.

Можно было понять возмущение деда, когда он с придыханьем рассказывал о тракторе, пропоровшем гусеницами травяной покров, или небрежно пролитом в лесу бензине, или о солярке, или о местном рыбколхозе, губящем мелкими сетями рыбный молодец. А в старину, по его словам, в нерест даже в церковные колокола не звонили.

– Нет, сынок! – сокрушался дед. – Чтобы всем людям выжить, надо, чтобы технический прогресс был управляем и подконтролен святым отцам, так называемым наместникам Бога на Земле. Иначе человечество долго не протянет.

Был у деда и свой прагматический интерес к природе, который проявлялся в поиске благородных металлов. В Кыштымском округе есть немало не только золота, но и серебра, и платины. Их добычей занимались многие жители, так называемые старатели. Они об-суждали между собой, кто сколько смог найти золота или серебра, иногда обменивались ими между

собой. Намыть за день 3,5 грамма рассыпного золота считалось большой удачей.

С приходом Советской власти это ремесло было запрещено. Исчезли карты тех мест, а с ними и опыт по нахождению благородных металлов. И все дедовские секреты остались для меня нераскрытыми. Хотя в свое время дед не скрывал от домочадцев, что готовил для каждого по золотому подарку. И вручил бы их только ближе к своей старости, чтобы у детей было больше резона ухаживать за ним. Но его намерениям не суждено было сбыться, так как весь его небольшой запас пригодился в военное время. Тогда всё золото сдавали в обмен на муку, хлеб, американскую тушенку, яичный порошок и другие продукты. Остались только в каменных кладках его дома старые бумажные екатерининские деньги, порядком поеденные мышами, позабытые и ненужные никому.

После войны уже невозможно стало деду попасть на любимую его заимку на Наноге из-за секретного военного строительства. И это не прибавляло ему настроения. В Кыштым стал наезжать из других мест какой-то совсем другой народ, с другими привычками и правилами. Придя с базара, дед возмущался:

– Вот чулпанё понаехало! Курыят, пьют водку и матерятся. Какой был уютный, скромный наш город. Почти каждый знал друга, раскланивался при встрече, с почтением шапку снимал. А сейчас...

Последнее время дед всё больше скучал по своей заимке. И как просияло его лицо, когда на пороге дома появилась девушка, показавшаяся ему знакомой. Будучи подслеповатым, он признал в ней Дуню с тех мест. На самом деле она была соседкой по улице, но подыграла ему, чтоб порадовать.

– Садись, Дуня! – оживленно засуетился дед, усаживая ее в красный угол. Сейчас мы с тобой чайку попьем с вареньцем, печеньем.

Она для виду путано и невпопад отвечала на его вопросы. Он

что-то тоже ей рассказывал из прошлой жизни.

– Как там Матрена Ивановна то поживает?

– Да хорошо, бабушка.

Не выдержав, «Дуня» прыснула от смеха, на что дед сразу обратил внимание и стал внимательно вглядываться в ее лицо. Поняв, что это совсем не та Дуня с Наног, рассердился:

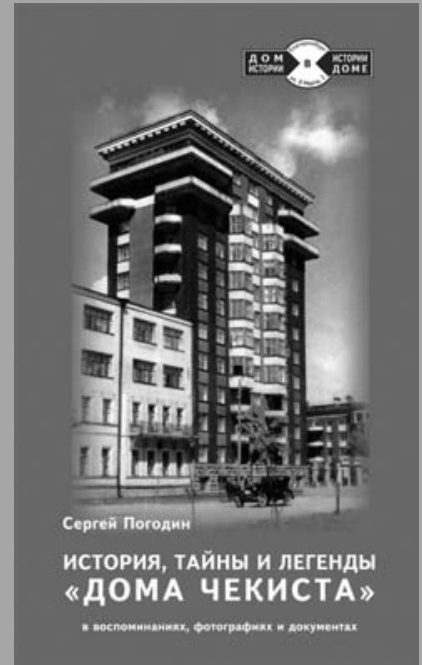
– Ах ты, шельма окаянная! Ну, как я тебя сейчас...

Под хохот присутствующих он запустил вслед Дуне-самозванке бодожки, коромысла и другую домашнюю утварь. Спустя некоторое время эта же история повторилась вновь, потешая молодых домочадцев и самозванку-Дуню, искусно играющую свою роль.

Более полувека прошло со дня смерти деда. Не осталось в живых и родственников его поколения. А когда-то ведь собирались всей общиной на озере Улагач, чтобы помолиться, как в храме, на природе, воздавая руки к небу. Оставался там доживать свой век только один человек из той общины – Иван Артемьевич Зотов. Как истинный старовер, он жил там один в полуразвалившемся жилище, имел двух коз, молился и предавался каким-то только ему понятным таинствам природы, без которой он не мог уже прожить ни дня. Однажды посетили его корреспонденты. Их интересовали такие одинокие, живущие в согласии с самим собой люди.

Возвращаясь к воспоминаниям о своем деде – Василии Савиновиче Зотове, я вдруг понял, что при всей своей простоте суждений и некоторой наивности, дед был прав, давая оценку новому времени.

Однажды я забрел на кладбище, где многие десятилетия покоится его прах. Блуждая среди ухоженных могил, я тщетно пытался найти заветный символический камень с крестом, который был установлен на могиле. И где-то у ограды в дань уважения к прошлому я поклонился большому камню и перекрестился в память о деде его заветным двуперстным знамением.

Эта книга открывает серию «Дом в истории. Истории в доме», и в ней пойдет рассказ о, пожалуй, самом знаменитом, самом закрытом и самом таинственном доме города, о первом жилом небоскребе на Урале «Доме Чекиста», который вошел в историю под названием «Второй дом Советов». Он построен в столице Урала в начале 1930-х годов в стиле конструктивизма.

В книге содержится детальный рассказ об истории строительства Дома, его архитектурных особенностях, о жильцах и месте в истории страны с забываемым сегодня названием СССР.

История «Дома Чекиста» очень интересна. Здесь жили руководители Свердловской области от И.Кабакова до Б.Ельцина. Его стены до сих пор хранят большое количество тайн и легенд, с которыми автор знакомит читателей.

В книге приведены документы и фотографии из государственных и частных архивов, воспоминания жильцов «Дома Чекиста» разных лет, многие из которых публикуются впервые.

Сергей Погодин

ГИТАРА

Стэф САДОВНИКОВ

Член Союза художников России и Молдавии, член Союза русских писателей Молдавии им. А.С.Пушкина, член Союза кинематографистов конфедерации России и стран СНГ, участник более 60 коллективных и персональных выставок в СССР, России, Молдавии, Украине, Германии, Польше, Израиле и Голландии. Автор трех литературно-поэтических изданий, десятка научно-исследовательских статей по средневековой геральдике балкано-карпатского ареала.

Рисунки сделаны отцом автора П.Садовниковым в 1949 году.

1

Раним летним утром на одной из узловых сибирских станций из скорого поезда «Москва–Благовещенск» с высокой подножки вагона быстро спустился на перрон единственный пассажир – этакий сутуловатый крепыш среднего роста в потертом железнодорожном кителе, в выгоревшей форменной фуражке.

В одной руке у него был раздувшийся большой дорожный чемодан, опоясанный брезентовыми ремнями, а в другой – нечто удлиненное неопределенной формы, аккуратно замотанное в старое одеяльце и перевязанное веревкой. Этот большой странный сверток очень напоминал укутанного большого ребенка.

Было видно, что пассажир издаля.

– Ну, будь здоров, служивый! И дай тебе Бог добраться! – крикнула пассажиру молоденькая проводница, с лязгом подымая ступеньки вагона.

– Спасибо тебе, красавица!

Скорый умчался. На перроне не было ни души, и он, оглядевшись, побрел к вокзалу.

Порасспросив в кассе о местном транспорте, он вышел на привокзальную площадь и стал ждать попутки. Как выяснилось – до нужной ему деревни было далеко, и никто не знал точного расстояния. Добираться надо перекладными, а, отчасти, возможно, еще и пешком.

Пыльная площадь, укатанная мелкой щебенкой и песком, с двумя скучающими дворнягами, не обратившими на него никакого внимания, была пуста. Стоящее напротив него захудалое зданье, обшитое старыми досками, с табличкой «Продмаг» было еще закрыто, явно показывая на своих дверях длинную металлическую ржавую петлю с огромным амбарным замком.

От станции тянулась улица с почерневшими деревянными старыми домами, палисадниками, заросшими высокими травами и кустарниками. И даже встающее яркое солнце никак не придавало радости этому пейзажу.

– Какая же тут тоска и обреченность, – подумал с грустью пассажир. – И такая бедность, запущенность...

Время шло. Пассажир стал нервничать, то и дело поглядывая на свои наручные часы «Победа».

Но вот непонятно откуда вынырнула грязная, грохоча и ревя мотором, полуторка и резко тормознула рядом с пассажиром, окутав его облаком пыли.

– Куда надо? – громко спросил белобрысый шофер.

– До Пьянково довезешь?

Шофер, подняв кепку к затылку, наморщив лоб, долго соображал, и, наконец, выпалил:

– Нееее, до тудова не смогу. У меня путевка немного не в ту сторону.

– Постой! Ну, хоть куда поближе к деревне, сможешь?

– Ладно, седай рядом! – немного подумав, сказал шофер.

– А сколько с меня возьмешь?

Шофер широко улыбнулся своим щербатым ртом:

– Да чё с тебя взять-то? Видать с далёка едешь. Небось, поиздержался.

Пассажир положил чемодан в кузов, а сам сел в кабину, прижав к себе удлиненную поклажу.

– Так ты это тоже в кузов кинь, чё место зря-то занимать, – сказал шофер.

– Это никак нельзя. Испортится.

– Живое что ли оно у тебя? – всё так же улыбаясь, спросил шофер.

– Да нет. Такой вот подарок, может сломаться.

– И кому везешь!

– Да сестре своей.

– Тогда держи покрепче, дорога-то вся в ямах да кочках! – весело сказал шофер, газанул слегка, сбросил сцепление, и машина, набирая обороты, помчалась по пустынной улице станционного поселка.

Они ехали по грунтовой дороге, окруженной густым лесом из осин да берез. Машину часто подбрасывало на неровной дороге. Шофер пожевывал свою вечную папироску, пассажир смотрел на дорогу сначала с интересом, а потом начал уставать от тряски и однообразия пейзажа. И чтобы совсем не заскучать, он спросил:

– Скажи, а как тут народ пожирует?

– Да ничё так. Живет. Правда, бедновато на трудоднях колхозных прожить. Но народ-то наш живучий. Плохо вот, что выбраться куда-нить поработать-подзаработать никак нельзя.

– Почему?

– Ну, мужиков совсем мало, и бросать жен, детей, матерей на хозяйстве не всегда получается. А ишшо и документов не выдают на выезд из районов.

– А что – нужны разрешения?

– А то как же! Без них, что беглый зэк. Словят и сходу десятку влепят.

– И много тут зэков бегают? – с легкой тревогой спросил пассажир.

– Да не бойсь ты! Их тут почти нет, а вот севернее, в тайге, то там их точно в лесах встретишь.

Шофер оказался веселым и словоохотливым. Держа руль и как-то умудряясь не выронить с губ вечную свою папироску, он рассказывал о жизни тутошней, о колхозах, о бедности и неурожаях, о том, что в основном на работах одни бабы, о ссыльных поселенцах, о лагерях для политических.

– А что ссыльные?

– Да они тише воды, ниже травы. Забитые совсем, живут трудно. Люди им, чтобы Органы не знали, как могут помогают. Но и мрут, как мухи. Порой сходят с ума. Вот недавно в одной деревне один из них чё-то, кажись, надломился, и в исподнем дал дёру ночью в лютый мороз. Ну, ясно, что с утра нашли его задеревеневшего.

– А почему, говоришь, одни бабы вкалывают, – поинтересовался пассажир.

Деревенька Пьянково.

– Да тут вообще с мужиками нехватка. Вот останься тут жить, так тебя они просто на части разорвут, – сказал шофер, смеясь.

– А что с мужиками-то? Чего их так мало?

– Да всё просто. Очень многих покосило в Гражданскую – народ Советы не привечал. Потом пошло раскулачивание, когда мужика несогласного шлепали на месте. Многие по политике в лагерях сгнули, а были, которых повысылали на урановые рудники, где они более двух годков не протягивали. А затем – война с немцем, с которой мало кто из нашенских вернулся. Вот и горюют, и стонут бабы, да всю работу за мужиков делают...

Шофер замолк, засуровел, и было видно, что природная веселость как бы слетела с лица.

Дороге, лесам и молчанию, казалось, не было конца.

Но вот у какой-то едва различимой развилки машина остановилась.

– Ну, что, брат попутчик, слазь. Гляди – тебе вот прямо, а мне сворачивать надо.

Пассажир спрыгнул с подножки кабины, достал свой тяжеленный чемодан:

– Спасибо тебе большое, что вырчил да подвез!

– Спасибо мог сказать, кабы довез бы тебя до точки. А так, видишь, как получается. Нельзя мне с тобой, а то не успею за грузом. Иначе – голыны не снести. Ты меня пойми правильно.

– Ну, что ты! Я всё понимаю. Скажи, а сколько мне еще идти?

– Да тут совсем немного, думаю, что не более 10 километров. Только запомни, что как только увидишь у дороги колодец, то сразу же за ним заверни направо. И вот по той тропе и топай. И поведет тебя она куда надо через лесочки-перелески, кочки с буерочками. С нее никуда не сворачивай. В конце тропы увидишь большое озеро, а там до околицы твоей деревни рукой подать. Ну, будь! – шофер лихо вскочил в кабину, газанул и умчался за поворотом.

Пошел пассажир со своими поклажами по указанной дороге, мысленно настраиваясь на нелегкий путь.

Рука его устала от чемодана. Он остановился, ослабил на нем брезентовый ремень, и как-то ему удалось взвалить его на плечи.

Дорога оказалась тяжелой и долгой.

Вот, наконец, показался колодец. Затем долго шел по тропе, часто петляя между деревьями и большими не высыхающими лужами. Порой приходилось идти по россыпям смотрящих на него грибов и больших ярких мухоморов.

Он останавливался напиться у больших луж, заполненных холодной чистой водой, где, казалось, видны были водные молекулы. А иногда просто останавливался, чтобы отдышаться от тяжести чемодана, и, озираясь по сторонам, обнаруживал себя как бы в плену бесконеч-

ного множества деревьев, густота которых казалась непроходимой. Лес без тропы был непонятным, угрюмым и страшным.

«Тут, как говорится – шаг влево, шаг вправо, и пиши – пропал. Если бы не эта тропа, то никогда из этого леса не выйти», – подумал пассажир.

Иногда тропа выныривала на полянки с большими боярышниковыми кустами, полными поспевших ягод. Через какое-то время лес стал редеть, и, наконец, показалась проселочная дорога с высохшими на обочине следами тележных колес да вечной травой лебедой, за которой виднелось озеро.

«Кажется, я дошел», – мелькнула мысль у пассажира – и, вымотавшись, он опустил чемодан на землю, сел на пригорок и долго-долго всматривался в какой-то невзрачный домик с завалинкой и мальчонку, играющего на дороге невдалеке от дома.

«Он ли?»

2

На краю маленькой деревеньки с одной улицей и двумя десятками домов, недалеко от небольшой, слегка покосившейся избы с веселой крышей, покрытой земляными пластами дёрна, поросшими травой и цветочками, сидел босой шестилетний малыш в коротких штанишках с одной лялочкой на загорелом плече. Он с удовольствием играл непонятными на вид деревяшками на пустой пыльной дороге, ведущей из деревни в лес. Иногда малыш ладошками собирал горячую глинистую пыль, и пытался из нее сделать большую горку.

В эту горку он аккуратно втыкал, как бы пряча, свои деревяшки. Потом он лихо разбрасывал эту горку босыми ногами и снова сгребал новые большие кучи пыли.

Но эта игра ему одному надоела. А дружок Филька так и не пришел.

«Видно, мать его не пустила», – подумал малыш.

Он выскочил из толщи пыли, отряхнулся и побежал к озеру.

Малыш долго шел по заросшему болотистому берегу и вспоминал, где спрятал большую пустую бутылку, что когда-то нашел за деревенским ларьком с названием «сельпо». В этом ларьке он видел, как круглоли-

чая толстая тетка Феня торговала свечками, керосином, солью, кусковым сахаром, пересохшими бубликами да карамельками, которых никогда родители не покупали, селедкой и изредка – водкой, что мгновенно раскупалась несколькими местными мужиками. А в траве и кустах за ларьком всегда можно было найти то, что выбрасывали выпивохи за ненадобностью – высохшие консервные банки и пустые бутылки.

И бродя вдоль берега, он вспомнил страшный случай, когда в «сельпо» завезли водку, а местные мужики, раскупив все бутылки, закупоренные сургучом, с загадочными ухмыляющимися лицами уселись на завалинку ларька. Бабы, недавно побывавшие в ларьке, с суровыми лицами стояли в сторонке, молча и внимательно следили за ними, словно чего-то выжидая. Там стояла совсем старенькая, с возрастом сторбившаяся босоногая баба Нюра – соседка малыша, часто приносящая кринку молока от своей подружки, у которой была корова. Эта одинокая добрейшая бабнюра и в лютые морозы босиком перебиралась от одной подружки к другой. А когда удивленная мама спросила бабнюру, почему в морозы ходит босиком, то она отшутилась, что истинным сибирякам и морозы нипочем. Возле бабнюры стояла в цветастом сарафане грудастая тетка Агафья – всегда стоящая за справедливость. Отчего-то сильно нервничая, изредка жестикулируя, там была еще и крепкая средних лет безмужняя тетка Раиска с лицом, обсыпанным рыжими веснушками. Но особенно среди них выделялась вдова тетка Марья – этакая бой-баба, высокая, плечистая, сильная женщина средних лет, у которой ее любимый без вести пропал во время войны. За бабами, у Правления колхоза, что находилось через дорогу от ларька, стоял малыш с дружками и с палкой-лошадкой в руке.

Мужики поначалу о чем-то неспешно говорили, курили свои вонючие «козьи ножки», попивая водку из граненых стаканов.

Малыш всех их знал в лицо.

Там сидел добрый дядька одиорукий Егорий с завернутым и подшитым кверху рукавом рубашки, чтобы не было видно культи. Рядом с ним сидел бывший председатель колхоза – очень строгий, высокий,

тощий, вечно глухо и надрывно кашляющий мужик дядька Никанорстепаныч. Напротив него восседал всегда угрюмый, рыжеволосый с недобрим, оспой побитым лицом, хромоногий дядька Белоногов, которого никто не любил, а потому так по фамилии и прозывали. Возле него, вытянув свою фронттовую негнушуюся деревянную ногу, привалился к стенке ларька всегда улыбающийся красавец дядька Михалыч с двумя орденами на поношенном пиджаке – бывший боевой офицер. И еще с ними был низкорослый, плечистый, с огромными кулачищами, вечно хмурый дядька Макар, которого все называли «землемер».

Почему-то их мирный разговор закончился, и, громко матерясь и жестикулируя, стали чего-то выяснять и спорить. Неожиданно двое из них резко встали и, пошатываясь, с криком бросились друг на друга. Пошла глухая смертная драка. Кто-то из них вдруг бросился в соседний двор и выбежал оттуда с топором, истошно крича «убью заразу!»

Заорали-заголосили бабы, а бой-баба тетка Марья бросилась на мужика, свалила его, отобрала топор и, размахнувшись, закинула его, сверкающего в полете острым лезвием, куда-то за ларек...

Неожиданно рядом с Малышом на гладь озера с шумом опустились, как бы плюхнулись, дикие утки. Он подошел ближе к воде и с интересом стал смотреть, как они ловко ныряли и резвились. И тут же, в иле, у самых ног, он обнаружил свою заветную бутылку, затянутую тиной. Набрал воды, он вернулся к своей дороге. Снова ладошками сгреб пыль в виде горки, а в макушке ее он сделал углубление и влил туда воды. Вода мгновенно впитывалась в горячую пыль, а он, размешивая ее руками, превращал в глину. Потом он сбегал к отдаленному кустарнику, где нашел сухие ровные ветки.

Изредка раздавался голос: «Сыночек, ты где?» И на это голос малыша громко отвечал: «Мамочка! Я тут играю!»

Он всегда отвечал маме – маленькой, с негромким голосом, сильно исхудавшей, с вьющимися каштановыми волосами и очень добрыми, зеленоватыми, но часто заплаканными глазами.

Сначала он из глины вылепил четыре одинаковых кружка наподобие

колес, и пока они были мокрыми – палочкой по центру все их продырявил. Затем осторожно отнес их на пригорок для просушки. Потом слепил подобие кузова и отдельно такие же подобию кабины с мотором, и так же продырявил их понизу насквозь. Делал он это аккуратно и не спеша, понимая, что потом, когда всё это высохнет, палочки просто не пролезут. И это он тоже унес на просушку. Рядом положил свои палочки, которые потом станут осями для колес. Все детали машины он еще недавно внимательно рассмотрел, когда возле Правления колхоза остановился грузовик, а из него вышел какой-то важный дядька в сером плаще. У двери его встречал перепуганный председатель, нервно переминаясь на своих костылях. И пока грузовик стоял, малыш его изучил.

Солнце всюду пригревало.

Малыш сел на пригорок и задумался.

Ему приходили разные мысли, и веселые, и грустные. Он знал, что он сын ссыльных, и что никогда, как не раз говорили взрослые, не увидит тех краев, откуда родом его мама с папой. Он уже привык, что папу видел очень редко, потому что он ходил на самые тяжелые работы с раннего утра до позднего вечера. Трехлетняя сестренка – шустренькая, с ярко оранжевыми волнистыми волосами, которые при беге разлетались так, что ее голова казалась маленьким солнышком – еще крутилась у маминой юбки, и с ней играть ему было не интересно. Да и частенько доставала она его тем, что, оказавшись на улице, постоянно пыталась умчаться куда-нибудь по деревне, забегая в избы, где ей всегда давали какие-нибудь угощения. И мама всегда просила его следить за ней, догонять и возвращать домой.

Но и маму тоже каждый день выгоняли на работу, и тогда сидеть в избе с сестренкой ему было грустно. Сегодня мама дома, она ему сказала, что плохо себя чувствует, и едва, со слезами и поддержкой тетенок, отпросилась с сенокоса. А вообще ему очень хотелось в школу, но его туда еще не брали, хотя уже давно он умел рисовать-читать-писать.

Мысли его мгновенно улетели. Его внимание привлек ближний лес, вершины которого вдруг зашевели-

лись от верхового ветра. И эта волна зеленого буйства вершин так туда потянула, что только запрет мамы не позволил ему сорваться с места.

Пригорок был теплым, и малыш, опуская руки в густую траву-мураву, с удовольствием развалился в ней, разглядывая игривые облака, в которых он видел всевозможные картинки. Но ему пришлось быстро встать, так как мимо проходил добрый маленького роста дед Ершов – заядлый рыбак, с вечными прибаутками и легкий на язык:

– Здоров, малыш! – надтреснутым голоском произнес дед Ершов. – Смотри мне, не усни медведем в зиму, а то простудишься.

Малыш улыбался и смотрел вслед медленно идущему деду, воображая, как он возвратится с рыбалки и, как всегда, остановившись у их избы, начнет кричать: «Хозяюшка! Вот-те ершей на плетень! Ешьте, горемычные, на здоровье!» И как затем дед Ершов пойдет дальше, выкрикивая те же слова, раздавая свой улов всем тем, кто больше всего нуждался в еде..

Но вот дед, свернув к озеру, исчез с дороги.

И вдруг Малыш увидел вдалеке одинокую фигуру, медленно приближавшуюся к деревне.

Он знал всех местных, но этот человек был ему не знаком. Идущий нес что-то тяжелое.

«Интересно! Какой-то чужой дядька идет, – мелькнуло у него в голове. – Кто такой, и зачем к нам идет? Может, это тот самый старый цыган, что крадет детей», – испуганно подумал он, вспоминая рассказы взрослых. Но для чего он крал детей – малыш так и не знал.

И вместе с тем появление незнакомца для малыша было неким событием, потому что чужие в деревню приходили только к осени на сбор дикой кустарниковой вишни, что во множестве росла на «таволожаннике» – так это дикое поле называли жители из окрестных деревень.

Малыш заволновался, и решил он сбежать домой, чтобы рассказать маме про идущего чужака.

– Мама-мама! – влетая в избы, крикнул малыш. – Там какой-то чужой дядька идет сюда и несет что-то тяжелое!

– Какой еще такой дядька? – спросила, улыбнувшись, мама, отмывая руки от стирки.

– Он еще одетый не как все! И в фуражке!

Мама взглянула в окошко и вскрикнула:

– Боже мой! Не может быть!

И она, словно птица, выпорхнула из избы.

Малыш, ничего не поняв, тоже стремглав помчался за мамой.

А его мама бежала так, что ему никак было не угнаться за ней.

Ему казалось, что она не бежала, а скорее летела над дорогой, травмами и пылью.

Малыш устал, резко остановился, и стал смотреть, как его почти летящая мама через некоторое мгновение оказалась в объятиях того самого чужака. Они остановились, как вкопанные. И по маминым плечам было видно, что она разрыдалась.

Малышу вдруг впервые стало больно и обидно, что его мама плачет, и ее обнимает чужой незнакомый дядька.

«Кто он такой? Почему он обнимает мою маму! Вот придет папа и как надаст ему!»

Он развернулся и побежал к себе во двор, где на самом краю огорода был закуток из высокой травы, из-за которой, кроме дальнего леса, ничего не было видно. И когда он оказался в закутке, сел на маленький пенечек, что некогда специально выбрал себе из поленницы, и – расплакался..

3

Те двое – мама малыша и уставший пассажир – еще долго стояли, обнявшись, на околице, в глухой стороне, на том краю встреч и разлук, в пыли, на той Богом забытой дороге. Оба плакали. Но вот она осторожно освободилась от объятий, а он взгромоздил на себя чемодан.

Малыш, поборов обиду и раздвигнув высокую траву, увидел, как его мама взяла чужака под руку и как затем они вошли в избы. Малыш еще больше обиделся, отвернулся, приник головой к обнятым коленкам и снова тихо заплакал..

Через некоторое время мама позвала его, но он промолчал. Потом услышал ее быстрые шаги по двору и всё тот же зовущий крик. Но он

снова промолчал. И, наконец, мама заглянула в закуток, взяла его за руку, присела к нему, и тихо, счастливым голосом, произнесла:

– Сыночек! Это мой родной брат Петр, он твой родной дядя, приехал издалека, из нашего родного города, понимаешь?

Малыш встал, быстро вытер слезы:

– Мама, это правда? А я подумал, что это один из тех злых, что с пушками и погонами! Он же тоже в форме какой-то!

– Сыночек, мой брат работает на железной дороге, он приехал в своей железнодорожной форме. Помнишь, как папа тебе рисовал вагоны, паровоз, машинистов в форме?

– Правда? А я не знал! А он, что, на паровозе работает?

– Идем быстрее! Он хочет с тобой познакомиться и всё тебе расскажет.

Малыш зашел в горницу. У стола сидел дядя Петя.

Он встал, подошел к малышу, легко подхватил его на руки и поднял к потолку:

– Ну, что, здоров, малыш! Вот я тебя и увидел!

Затем опустил его прямо на табуретку.

– Давай, рассказывай, как живешь, – с улыбкой спросил дядя Петя.

Малыш молчал и во все глаза разглядывал мужчину, снявшего с себя китель железнодорожника, и оставшегося в рубашке. Его пшеничные курчавые волосы украшали округлое лицо с небольшими усами и доброй улыбкой. Малыш не удержался и спросил:

– А правда, что вы на паровозе работаете?

– Нет, я путевой обходчик. На дежурстве я обхожу все флюгарки, чтобы они были смазаны, и путевые фонари, и смотрю – все ли они светятся, чтобы поезда не заблудились и не сошли с рельс.

– Флюгарки? Ой, как смешно! А что за такие флю-гар-ки, – смеясь, по слогам, произнес малыш.

– Это такие железные механизмы с длинными рычагами. Они стоят рядом с рельсами, и когда надо, обходчик нажимает на рычаг и соединяет одни рельсы с другими.

– А зачем? – удивился малыш.

– Чтобы паровоз мог поехать по другим рельсам.

– А рельсы – это у паровоза такие дорожки?

– Да, только железные. А по этим дорожкам бегут паровозы с вагонами в разные концы огромной страны.

В это время пришел папа малыша – молчаливый, худощавый, с впалыми щеками на отощавшем лице и с очень внимательным, но каким-то обреченным взглядом. Его длинные черные волосы, зачесанные назад, имели привычку разваливаться на две половины, отчего они часто непроизвольно приглаживал левой рукой. Одет был в синюю холщевую рубашку с закатанными рукавами и широкие штаны, подпоясанные стареньким ремешком.

И снова малыш увидел радость встречи и слезы на глазах у взрослых.

Затем они все сидели за столом, ели вкусную мамину кашу, а взрослые выпивали привезенный дядин коньяк. И всё это действо мирно освещала большая керосиновая лампа, подвешенная над столом, со стеклянным удлинённым колпаком, внутри которого ярко горел фитилек, смоченный в керосине.

В конце застолья дядя принес из чемодана огромное круглое зеленое в полоску чудо. У малыша аж глаза на лоб полезли от удивления:

– Папа, что это такое?

– Сейчас увидишь, – сказал папа, взял нож и разрезал это чудо на дольки. Каждая долька, похожая на половинку луны, была ярко красной, вкусно пахла и стекала соком в большую миску.

– Возьми и пробуй, это арбуз, очень вкусный, но корку есть не нужно, – сказала мама, улыбаясь.

Малыш осторожно вонзился зубами в мякоть и чуть не захлебнулся от восторга сладким счастьем. Взрослые развеселились и стали петь песни своей юности.

У мамы отчего-то срывался голос, папа, как всегда негромко и не совсем верно подпевал, и лишь дядя пел красивым низким голосом. И тут дядя Петя вспомнил о своем странном удлинённом свертке и попросил малыша принести.

Дядя долго развязывал и разворачивал этот странный сверток. И вот на свет показалось некое лакированное желто-черное чудо – это была гитара.

Мама, увидев гитару, от удивления привстала:

– Это моя гитара? – с комком в горле чуть ли не прошептала она.

– Разве не узнаешь? – спросил, улыбаясь, дядя Петя и протянул гитару маме.

Мама с гитарой села, как рухнула. Долго и осторожно гладила ее, трогала струны, нежно их перебирая, а потом, как бы проглотив комок, тихо запела песню о старом дубе и скамейке под ним, на которой уж нет никого из тех, кто был влюблен и кто любил. Иногда мама не выдерживала, опускала руки и тихо плакала. Потом, смахивая слезы, снова продолжала петь.

Песня была настолько грустной и одновременно красивой, с высокими горестными нотами припева, от которых рвалась душа, что у малыша невольно раскрылся рот. Он влюблялся всё сильнее в мамин нежный голос, в песню и в инструмент. И мир вокруг него вдруг озарился совершенно иными красками, а сидящие за столом его родные стали казаться какими-то небесными существами, до которых уже невозможно было дотянуться. И всё это представлялось таким невероятным, что малыш словно попал в некий сон.

Отрезвил его только дядин вопрос:

– Ну, что? Нравится гитара?

Но малыш был настолько потрясен, что его голос вдруг пропал, и лишь очарованные глаза ответили «да» своими хлопающими ресницами.

– Вот подрастешь, научит тебя мама, и будешь петь нам песни, – добродушно улыбаясь, сказал дядя Петя, взял у мамы гитару и запел: «Далеко, далеко, где кочуют туманы...»

Малыш снова впал в волшебный транс от удивительно мелодичной, красивой, со светлой грустью песни, в которой кто-то тоскует и пишет своему далекому другу письмо, и ждет его, и надеется на встречу.

4

Пока гостил дядя Петя, мама была неузнаваема. Она светилась каким-то внутренним светом, часто улыбалась, быстро всё готовила, стирала и убирала. А в свободное время брала гитару и уже более сме-

лым грудным голосом пела разные песни, которых ранее малыш никогда от нее не слышал. Папа в такие моменты чаще всего улыбался грустной улыбкой, не отрывая глаз от мамы. Дядя Петя всегда ей подпевал, либо сам пел другие новые песни, которых мама еще не слыхала в этой глуши, где пока не было ни радио, ни электрического света.

Долгими тихими вечерами они вместе с молчаливым папой сидели на улице, жгли костры от комаров и подолгу говорили, говорили – об умершем «вожде», о душегубе «бери», вспоминали своих родных.

– Наши, наверное, сильно постарели, – тихо сказала мама.

– Да они вроде ничего, но часто болеют, страдают и ждут. Даже по конторам ходили, чтобы узнать хотя бы ваш адрес, – ответил дядя Петя, он уверял, что скоро всех нас отпустят, всё будет хорошо. А папа с мамой ему не верили, и всё переживали, что не смогут увидеть своих родных.

– Я думаю, что будет еще хуже, – дрогнувшим голосом сказал папа.

– Почему? – спросил дядя Петя.

– Вместо «сталина» будет «берия», понимаешь? – повысив голос, ответил папа.

И малышу показалось, что от громкого папиного голоса чуть ли не испуганно замерла вечерняя тишина.

Дядя Петя замолчал, играя желваками. И было видно, что в чем-то он соглашался с мнением папы, а в чем-то нет. А у мамы от этих папиных слов снова навернулись слезы.

Малыш, видя слезы, начинал тревожиться и одновременно грустить.

И сквозь грусть вспоминал, что у него, по рассказам мамы, есть две бабушки и два дедушки, есть родные тети и дяди.

Он смотрел на дядю Петю и пытался себе нарисовать тот край, где нет этих с пистолетами и красными погонами, что часто навещали его родителей на мотоцикле с коляской, и вели страшные разговоры с угрозами, и заставляли униженного папу ходить для них за водкой.

– Что-то давно их не было, – подумал Малыш.

В такие вечера-посиделки с беседами взрослых он вспоминал, как краснопогонники, бывало, выгоняли его с сестренкой на улицу. И как с

улицы были слышны крики мамы, и какие-то глухие удары, отчего ему было страшно, и ныла душа. Потом эти с погонами садились на свой трехколесный мотоцикл и, пыля дорогой, исчезали, чтобы снова возвратиться через несколько дней. Он ко многому уже привык – и к голоду, и к жестоким морозам, и к тучам комаров с мошкой, и к больно кусачим оводам. Но к частым приездам военных с пистолетами на мотоцикле привыкнуть у него не получалось. Иногда после их посещения он следом за ними выбегал на улицу, долго с ненавистью и страхом смотрел на их отъезд до тех пор, пока они на другом конце деревни не превращались в неузнаваемую точку – в ничто.

Но вообразить иную жизнь, кроме той, в которой жил, как ни старался, он не мог. И как-то попросил дядю Петю рассказать о том крае, где живет он, и когда-то жили его родители.

Больше всего из его рассказов он удивился большим деревьям, не похожим на березы и осины, на которых росли большие сладкие фрукты. А такие фрукты он видел только на картинках в букваре, что ему недавно подарили на день рождения. Удивлялся, что вместо керосиновых ламп там горят какие-то стеклянные лампочки без всякого керосина и фитилей. Во, интересно!

Но представить себе эти лампочки он тоже не мог. И что в каждой избе есть радио, а из него целый день слышатся разные песни. И что это за радио такое, и как в нем поют – никак не понимал малыш. И еще удивлялся огромным домам, в которых построено много-много маленьких изб, где люди живут как в муравейнике. Дядя говорил, что те огромные дома похожи на соты лесных пчел. Вот чудно-то! Это как? Избы стоят на избах, что ли? Совсем непонятно!

А в нашей деревне, вспоминалось ему, всего несколько изб, маленькая школа, в которой учатся трое детей, дом правления колхоза, скотный двор, да и людей можно по пальцам посчитать, и то в основном одни бабы. И удивлялся он еще какой-то странной игре, которую называют «футбол». Как это здорово, когда вместе собирается много мальчишек, и они гоняют большой мяч! А тут, думал он, всего пять

мальчишек, если двое еще не уехали с родителями в соседний поселок «птицесовхоз».

Дни пролетали незаметно.

Малыш каждый день осторожно брал гитару, что висела на гвозде на самом видном месте горницы, и садился с ней в уголок. Там, нажимая на струны и ведя пальчиком по ладам, как показывал дядя Петя, пытался играть мелодии песен, что пели взрослые. Или с трудом набирая тремя пальцами простейшие три аккорда, чему был уже научен мамой, пел и сам себе аккомпанировал. Особенно нравилась ему одна мамина песня «Вернись в сорренто» на итальянском языке, которую выучил наизусть.

Но вот в один из вечеров малыш увидел дядю серьезным и грустным за сбором своих вещей в какой-то небольшой мешок, что дала ему мама.

– Дядя Петя, зачем собираешь свои вещи? – удивился малыш.

– Пора мне, малыш, в обратную дорогу собираться.

– Зачем? Не надо! Оставайся! – горько вскрикнул малыш.

– Понимаешь, у меня отпуск закончился, и надо возвращаться, – ответил дядя с грустной улыбкой.

– А где твой огромный чемодан?

– Я его вам оставил, чтобы вам было куда собирать свои вещи в дорогу.

– Дядя! Не уезжай! А то мама будет сильно плакать, – и невольно брызнули слезы малыша.

Дядя на него посмотрел и обнял:

– Так надо, малыш, так надо... Меня ждут мои детки, моя жена. И еще ждут паровозы, которым надо освещать железную дорогу. Понимаешь? – тихо шептал дядя Петя прильнувшему к нему малышу. – Ты ведь уже знаешь – если не освещать паровозам дорогу, то они могут ночью сбиться в пути. Помнишь, как ты рассказывал мне про темный лес, в котором ты заблудился? И тебе было очень страшно. Пойми, что никак нельзя людям, как и паровозам, жить без света и надежды на свет... Но ты сильно не расстраивайся – вас скоро отсюда выпустят, и мы с тобой встретимся, будем петь песни и вместе светить провозам дороги, и больше никогда не будем расставаться.

Малыш всё понимал и горько плакал в объятиях дяди...

Однажды вечером он лег, как всегда, спать на кухне, на свое любимое место – на высокой еще теплой печке, остывающей после ужина. Мама с дядей сидели на кухне под светом керосинки и тихо говорили. Малыш никак не мог уснуть и невольно прислушивался к их беседе. Не все слова к нему долетали, но он понял одно, что завтра с утра дядя уезжает.

Вскоре пришел уставший папа. Они втроем что-то поели и продолжали тихо о чем-то говорить. Потом он услышал, что взрослые пошли спать. Малыш еще долго не засыпал, всё никак не мог согласиться с завтрашним провожением дяди Пети.

И вдруг придумал.

Он дождался посапывания взрослых, по-кошачьи прокрался к ним в горницу, осторожно, чтобы не звякнули струны, снял с гвоздя гитару, пошел с ней в сенцы и спрятал ее в укромном углу. А потом с удовольствием залез на милую печку, от которой приятно пахло теплой глиной, укрылся ветошным одеяльцем и мгновенно заснул.

Рано утром, после завтрака, когда взрослые, суетясь, готовились к выходу из дома, малыш быстро и незаметно ушел в сенцы, схватил гитару и выбежал в сторону околицы, к своему любимому пригорку с большим густым кустарником.

Взрослые, наконец, собравшись, сели «на дорожку».

Рядом с ними, прижавшись к маме, присела, ничего толком не понимающая, сестренка малыша. Мама молча плакала, папа был как никогда угрюм, и дядя с трудом сдерживал слезы. Взрослые были так подавлены, что не заметили отсутствия малыша.

– А где малыш! – спохватился дядя Петя.

– Да как всегда где-то носится. Увидит нас, и догонит, – сказал папа. – А теперь пора, чтобы Пете не опоздать.

Они встали и медленно пошли к околице.

На дороге, ведущей в лес, они остановились. Долго стояли, обнявшись, не говоря ни слова. Затем дядя, оторвавшись от обнимающих его рук, встряхнул плечами:

– Дальше не провожайте. Дорогу я помню... До свиданья и до скорой встречи! – и, немного постояв, медленно двинулся в сторону леса.

Дом в Пьянково.

Родители малыша с сестренкой смотрели вслед уходящему дяде. Дядя Петя пару раз останавливался, кричал: «Не плачьте! Мы скоро увидимся», – и махал им руками. Видно было, как он уже прошел кустарник с пригорком, за которым начиналась тропа, ведущая вглубь леса.

Родители малыша, застыв словно памятники, всё еще не уходили.

И вот, когда дядя отошел от кустарника метров на сто, вдруг в небо вырвалась песня «Далеко, далеко, где кочуют туманы... ты в родимом краю, у степного кургана, обо мне вспоминая, как прежде всё ждешь... далеко, далеко...»

Этот неожиданно возникший звонкий, чистый детский голос, растекаясь по облакам, деревьям и травам, так слился со всем про-

странством, словно взывал небесную высь к любви и разлуке маленькой души...

Дядя от неожиданности остановился и никак не мог понять, откуда звучала песня. Родители малыша так же недоуменно озирались по сторонам.

Всё это из кустов видел поющий малыш.

Не допев песню, он выскочил на дорогу и, крича «До свиданья, дядя Петя!», замахал ему руками.

И стоял он, махал до тех пор, пока сутулая спина с мешком не скрылась среди деревьев.

Стояло холодное лето 1953 года...

Б

В КРУГОВЕРТИ XX ВЕКА

Автобиографическая повесть

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой подлости на свете
Нет, чем кланчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке поменять.*

А. С. Кушнер.
Времена не выбирают.

*Мы – дети страшных лет России –
Забывать не в силах ничего.*

А. Блок.
Рожденные в года глухие.

Дмитрий ГАВРИЛОВ

Доктор исторических наук,
профессор.
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации.
В 1951 окончил исторический
факультет Свердловского
государственного
педагогического института.
Преподавал в пединститутах
Шадринска, Липецка,
Ульяновска.
С 1981 г. – работает
в УНЦ АН СССР.
Главный научный сотрудник
Института истории
и археологии УрО РАН.
Лауреат премии
им. В.Н.Татищева
и В.И.Геннина,
премии УрО РАН
им. П.И.Рычкова.
г. Екатеринбург.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*...Воспоминание – самая сильная
способность души нашей...*

А.С.Пушкин.
Письмо А.А.Дельвигу,
1824–1825 г.

*...Я не спеша собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела...*

А.Блок.
Весенний день прошел без дела.

В последние два с половиной десятилетия, с переменой в стране общественно-политического строя, провозглашением приоритета «общечеловеческих ценностей», первенства личных интересов над общественными, в средствах массовой информации, литературе, искусстве развернулось насаждение психологии индивидуализма. В общественном сознании произошел сдвиг в пользу выделения своей личности, противопоставления интересов отдельной личности интересам общества, резко возрос интерес к родословным, к генеалогии, к сочинению своих жизнеописаний.

Тысячи российских граждан начали расспрашивать и записывать рассказы родителей, дедов и бабушек об их происхождении и прошлой жизни, бросились в библиотеки и архивы в поисках сведений о своих предках. Немало любителей старины и дилетантов, ссылаясь на туманные рассказы род-

ственников или найденные в архивах упоминания своих фамилий, относящиеся неизвестно к кому, стали называть себя дворянами, графами, баронами, князьями, пытаясь повысить этим свой общественный статус. Появились почти легально действующие общества, продающие «дипломы» дворян, графов, баронов, князей.

Лавинообразно растет число исторических исследований, посвященных повседневности, объектом внимания которых является, как утверждают исследователи, изучение обычных, «простых» людей, «устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, тревог и надежд на будущее».

Сторонники этого направления считают, что «история повседневности» позволяет выявить скрытые, невидимые пласты коллективного сознания, показать существующие общественные отношения мета- и макроуровня, противопоставляют ее общепринятой, обычной историографии, «свертывающей широкую историческую панораму в узкий диапазон ведущих тенденций», занятой созданием «псевдонормативных образцов и типов», страдающей «ограниченностью и тенденциозностью», «дис-

балансами», «частой сменой своих идеологем».

Среди историков происходит переосмысление методологического инструментария, ведётся поиск новых парадигм гуманитарного мышления. В последние годы информационные ресурсы исторической науки заметно возросли за счет увеличившегося потока источников личного происхождения, которые прежде недооценивались, считались второстепенными, мало пригодными для использования в исторических трудах. Сейчас отношение к ним изменилось прямо на противоположное. Сторонники истории повседневности не только стали перемещать источники личного происхождения с периферии во главу своих интерпретаций, но и пытаются создать на их основе «новое», «более глубокое» понимание исторических событий.

Это большое преувеличение. Источники личного происхождения, единичные, отражающие личные взгляды, интересы, вкусы, пристрастия их авторов, ввиду своего субъективного характера и односторонности, не могут дать полного, всестороннего, объективного представления о изучаемых событиях и поэтому всегда требуют проверки и уточнения, дополнения сведениями из других источников.

Тем не менее, источники личного происхождения, несомненно, являются ценными источниками, а иногда просто незаменимыми. Нередко они содержат свидетельства очевидцев и участников событий, не отраженные в других источниках. Источники личного происхождения имеют еще одно достоинство – в них, через призму личного восприятия, отражена существующая эпоха. Жизненный путь любого человека, оказавшегося в круговерти бурного XX века, был прочно связан с эпохальными событиями, происходившими в государстве, определялся политическими, экономическими и социокультурными условиями окружающей среды.

В своей повести автор предлагает читателю на примере многодетной семьи простого крестьянина, а затем рабочего совхоза про-

следить исторические процессы, происходившие в стране в описываемое в ней время. Это семья не каких-нибудь знатных людей царской империи, видных административных или культурных деятелей советского времени, а «простых», ничем не выдающихся людей, помимо своей воли попавшая в водоворот, в крутоверть XX века.

Автор надеется, что его повесть будет полезна всем, занимающимся историей 1930–1940-х годов. Например, о коллективизации, ссылке кулаков написаны горы всевозможных работ, художественных произведений и т. д. А вот об «очистке» в 1931 г. местностей от «белогвардейско-кулацких элементов» и ссылке их в Сибирь, которая захватила десятки тысяч людей и свидетелем которой был автор, в нашей литературе имеются лишь беглые упоминания. Возможно, прочитав повесть, кто-нибудь из историков возьмётся исследовать эту массовую акцию.

Ссылка в Сибирь в 1931 г. «неблагонадёжных элементов», признанных «социально опасными», сопровождалась обычными в то время «перегибами». Помимо агрессивно настроенных против Советской власти людей, под «очистку» попали ни в чём неповинные, и власти постепенно начали их восстанавливать в правах, освобождать из ссылки. Однако в нашей литературе об этом не сообщается, историки до сих пор не проявили к этой теме интереса, архивные документы об этой операции ОГПУ НКВД остаются засекреченными.

По официальной статистике, лишь в Западно-Сибирском крае только в 1934–1940 гг. было освобождено из ссылки как «неправильно высланных» 33 тыс. чел. Это не так уж мало. По крайней мере, это 15–20 эшелонов людей, которых, даже не принимая во внимание испытанных ими лишений, за счёт государства напрасно свозили в Сибирь.

Автор, находясь в 1932–1933 гг. в местности, официально считавшейся охваченной голодом, не может подтвердить массового вымирания в эти годы населения от голода. Размеры голода в стране в эти

годы явно завышены и раздуты политиками и политизированными историками.

Историкам будет интересны воспоминания автора об отголосках в сельской глубинке от массовых репрессий – «Большой чистки», «Большого террора» 1937 г.

В основу повести положены воспоминания автора и членов его семьи, некоторых очевидцев. Там, где это оказалось возможным, приведены имевшиеся под рукой автора подлинные документы. Главные события, о которых рассказывает в повести, произошли, когда автору было четыре-пять лет. У читателя могут возникнуть сомнения, мог ли что-нибудь запомнить мальчик такого возраста. Да, мог, и очень многое. Впечатлительный и любознательный мальчик оказался свидетелем и участником чрезвычайных, экстраординарных событий, которые прочно врезались в его память, глубоко запали в его сознание. Оказалось, что и спустя десятилетия он может, как в кинематографе, воспроизвести эти события, почти дословно помнит слышанные диалоги.

Поскольку повесть построена на воспоминаниях членов семьи и очевидцев, принимая во внимание, что человеческая память имеет свойства не только помнить, но и забывать, что действующие в повести лица часто не знали и не могли знать все обстоятельства происшедшего, автор не может претендовать на абсолютную точность всех описываемых событий. Для этого потребовалась бы громадная, многолетняя работа во многих архивах и библиотеках, со слабой надеждой найти в них что-либо существенное.

Там, где помнит автор или помнили члены его семьи, действующие в повести лица названы настоящими, действительными, собственными именами. Там, где автор и его близкие не помнили имен, но по ходу изложения требовалось их участие в диалогах, чтобы не изменить характера диалогов, автор использовал вымышленные имена и фамилии.

Повесть состоит из трёх частей: 1. Ссылка. 2. Возвращение. 3. Война.

ЧАСТЬ 1. ССЫЛКА

ГЛАВА 1. СПЕЦЭТАПОМ ИДЕТ ЭШЕЛОН

*За вагоном проходит вагон
С мерным стуком по рельсовой стали.
Спецэтапом идет эшелон
В неизвестные, таежные дали.
Здесь на каждом вагоне замок,
Три доски вместо мягкой постели.*

*.....
Пролетая леса и болота,
На площадках вагонов конвой
Оцетинил свои пулеметы.*

Песня
«непутевых сыновей» России.

Поезд, не останавливаясь, шел всю ночь. За окном мелькали силуэты деревьев, домов и каких-то зданий, внезапно вспыхивали огни станций и полустанков, ярко высветив станционные постройки, которые тут же исчезали, и поезд, дав протяжный гудок, снова устремлялся во тьму, навстречу новым таким же станциям и полустанкам. Дима лежал на верхних нарах у небольшого зарешеченного окошка. Он проснулся и с восхищением всматривался во тьму и мимо пронесшиеся деревни, поселки и станции. В вагоне все спали, кто-то храпел, кто-то время от времени что-то вскрикивал. Рядом с ним спал отец. На нижних нарах спали бабушка, мать с малолетней диминой сестренкой Еленой, старшая сестра Мария, братья Алексей и Павел.

Внезапно поезд сбавил ход и остановился. Лязгнули буфера, за окном послышались голоса. Дима подвинулся ближе к окошечку – вдали в тумане вырисовывались силуэты высоких домов и различных построек, перед вагоном были видны многочисленные рельсовые пути. Поезд остановился на большой станции с многочисленными железнодорожными путями, пристанционными зданиями.

Вдоль поезда шел мужчина в замасленной одежде, в руках его был молоток с длинной ручкой. Он останавливался перед каждым вагоном, стучал молотком по колесам и конструкциям под вагонами и шел дальше. Из соседнего вагона раздавался хриплый сонный голос:

– Какая станция?

– Свердловско, – ответил рабочий и пошел дальше, постукивая

Родители: Гавриловы, отец – Василий Васильевич, мать – Александра Степановна. Бабушка – Кузикова (Лужкова) Прасковья Лазаревна.

молотком с длинной ручкой. Так Дима впервые услышал, правда, в слегка исковерканном виде, название города, в котором впоследствии он проведет значительную часть своей жизни.

В вагоне стали просыпаться люди. Проснулся спавший рядом с Димой отец, он тоже примкнул к окошечку.

– Тятя, что он делает? – спросил Дима, показывая на уходящего мужчину с молотком.

– Проверяет буксы, вон они под вагонами. Смотрит, чтобы они не перегорели в пути. Значит, нас повезут дальше. И не близко.

Из зарешеченного окошечка было видно, как паровоз с тендером отцепился от поезда, подошел к высокой колонке и большим широким шлангом стал наливать воду. Дима завороженно смотрел на льющуюся мощную струю.

– Тятя, а зачем паровозу вода?

– Как зачем? Он же везет нас паром. Потому и называется паровозом. Видел, когда кипит чайник, из него с силой вырывается пар? На паровозе есть большой котел и топка, в которой сжигается каменный уголь, вода в котле закипает, пар вырывается из котла и двигает паровоз.

– Ух, ты! – удивился Дима. – Как здорово. А я думал, что желез-

ная дорога – это расстеленные на земле гладкие листы железа и по ним ездят на телегах, в которые запряжены лошади.

Между тем паровоз снова прицепился к составу. Дав долгий протяжный гудок, он двинулся вперед. Снова залязгали буфера, застучали колеса вагона, за окошечком замелькали дома и постройки. Поезд сначала медленно, а затем, набирая скорость, всё быстрее и быстрее мчался в неизвестное. Скоро дома и постройки остались позади, за окошечком замелькали кусты и лес – сосны, березы, временами мелькали какие-то небольшие постройки, а потом опять лес, лес и лес. На изгибах дороги были видны паровоз, из трубы которого валил дым, и первые вагоны. Отец разъяснял Диме:

– Вот смотри, к паровозу прицеплен тендер, на нем везут воду, уголь для топки. Поезд идет по рельсам, они положены на шпалы. Путь выровняли – где сделали выемку, где насыпь. А вот стрелки, их переводят, чтобы составы шли туда, куда надо.

– Тятя, а зачем шпалы? Их так много, столько хороших дров положили в землю!

Для Димы, жившего в безлесной местности, где дрова всегда стоили дорого и их ценили, берегли, каза-

лось безрассудным тратить столько леса на шпалы.

– А как же иначе рельсы будут держать на себе такую тяжесть – целые составы с паровозом, вагонами с грузом, с людьми?

Дима согласился:

– Да, без шпал железной дороги не было бы.

Степан, степенный, серьезный мужик, спавший на этих же нарах, тоже проснулся и сказал отцу:

– Василий Васильевич, зачем ты ему это всё рассказываешь? Он ведь еще маленький.

Отец спокойно, не торопясь, ответил:

– Он же спрашивает! Степан, когда в первый раз ты увидел железную дорогу?

– Когда в германскую войну призвали в армию. Тогда нас посадили в вагоны и повезли. Двадцать один год мне был.

– Вот видишь – двадцать один, а ему только недавно исполнилось четыре, а нас уже на поезде везут. Другое теперь время, молодым теперь надо знать больше, чем нам в свое время.

На крутой извилине железной дороги Дима увидел на площадке одного из вагонов машинку с колесиками, возле которой стоял красноармеец с винтовкой.

– Тятя, это что за машинка?

– Машинка? Это пулемет. Вишел: стреляют из ружья, при выстреле вылетает одна пуля, а пулемет за минуту делает много выстрелов, сразу летит куча пуль. Опасное оружие.

– Тятя, а зачем нашему поезду пулемет?

– Не знаю. Может, думают, что мы поднимем мятеж, нападём на конвой, разбежимся. Или бояться нападения бандитов. Правда, сейчас какие бандиты? Все большие банды ликвидировали. Но, может, где-нибудь и остались. Остановят поезд, разграбят, кого везут в вагонах – распустият. Освободят полторы сотни рассерженных мужиков, дадут им в руки оружие – так мало не покажется.

– Тятя, разве можно остановить поезд? Паровоз такой большой, так мчится, только ветер свистит.

– Остановить могут очень просто. Накатают на рельсы бревен, всякого хлама, поезд и остановится. Или поставят поперек рельсов

автомашину или несколько их и поезд тоже остановится.

– Да ведь поезд сомнет автомашину, расчистит себе дорогу!

– Едва ли. Сделают завал такой, что поезд не пройдет. А автомашин им не жаль, они же ворованные. Угонят у кого-нибудь, поедят, а потом бросят.

– А зачем им нужны наши мужики? А семьи куда денут?

– Мужчин вооружат, уведут в леса, семьи бросят. Как было в гражданскую войну? Сегодня бандиты нападут на железную дорогу в одном месте, за ночь сделают переход в двадцать – тридцать верст и нападут в другом месте. Вот и ищи их, свищи, гоняйся за ними по лесам.

В разговор снова вмешался Степан:

– Василий Васильевич, зачем ты ему это рассказываешь? Он ведь еще совсем маленький. Ты всегда так делаешь?

– Всегда. Он же спрашивает! Когда мои ребяташки меня о чем-то спрашивают, если знаю – всегда отвечаю, рассказываю, а если не знаю – говорю, что этого я не знаю. Теперь молодым надо знать больше, чем нам в наше время.

В вагоне все уже проснулись, сидели по-семейному кучками, завтракали имевшимися запасами. Всех тяготила, давила, угнетала неизвестность, волновал вопрос: куда и зачем их везут? Куда и зачем? Толстая, неопрятно одетая женщина истошно кричала:

– Выгнали из дома! Всё, всё отобрали! Теперь вывезут куда-нибудь и всех нас расстреляют!

Угрюмый мужик, сидевший рядом со Степаном, громко сказал ей:

– Замолчи, дура, и так без тебя тошно. Если надо было тебя расстрелять, расстреляли бы на месте, зачем тебя везти куда-то.

Степан спросил отца:

– Василий Васильевич, как ты думаешь, куда нас везут?

– Думаю, на какую-нибудь стройку или на лесозаготовки, может быть – на шахты. Везде идет большое строительство – пятилетка. Работать заставят.

Степан облегченно вздохнул:

– Работать – это ничего. К работе мы привычны, всю жизнь ра-

ботаем. Лучше бы на стройку или лесозаготовки, под землей работать не хотелось бы, не для нас такая работа.

К отцу он сразу же, как сели в вагон, относился очень уважительно и называл его только по имени-отчеству.

– Василий Васильевич, смотрю на тебя, удивляюсь. Все подавленные, угрюмые, а ты спокойный, дети вокруг тебя так и вьются. Я знаю свою вину, а почему тебя выслали? Наверное, был очень богатым?

– Богатства не нажил, – в раздумье сказал отец. – Всё мое богатство – пятеро детишек. Спокоен потому, что снова с семьей. Избежал худшего. Приписывали контрреволюцию, а это десять-пятнадцать лет заключения или вышка. Постарались деревенские управители, следователи, прокурор. Контрреволюционером, противником Советской власти никогда не был, ни в каких контрреволюционных подпольных обществах не участвовал. Доказать обвинения против меня не смогли. Признали «социально опасным» и назначили выслать с семьей в отдаленную местность.

– Следователи били, вышибали признания?

– Не били. Но помотали достаточно. Требовали оказать революционному следствию «содействие в разоблачении врагов советской власти». А какое я окажу им содействие, если этих врагов я не видел и не знал? Говорил им: ваша работа – вы и ищите, разоблачайте.

Степан поведал свою историю:

– А я попал сюда по своей глупости и упрямству. Создали в деревне колхоз. В правлении – беспробудные пьяницы, завзятые лодыри, но все коммунисты. В общем собрались Шоша, да Ероша, да Колупай с братом. Организовать ничего не могут, хозяйство развалилось. Народ побежал в города, два моих взрослых сына тоже ушли, работают на заводах. Хозяйство у меня середняцкое, кулацким никогда не было. Все записались в колхоз, а я – нет. Много раз звали в колхоз, убеждали, агитировали, стращали, а я – ни в какую. Уперся: я не против колхоза, когда у вас наладится работа, тогда и вступлю в колхоз.

– Говорю: остаюсь единоличником, что вы со мною сделаете? Колхоз – дело добровольное, всё делаю по закону. Все в колхозе, а я один – единоличник, как бельмо на глазу. Стали меня прижимать, урезывать во всем, обложили налогами раз, два, налоги всё увеличивают и увеличивают, а я терплю, не сдаюсь. Тут как раз началась кампания по очистке местности от «неблагонадежного элемента», и меня, как «злостного противника колхозного строя», подвели под ссылку.

Поезд остановился на какой-то станции, двери вагона раздвинулись. Перед вагоном стояли пожилой мужчина в военной форме и два молодых красноармейца, с ними была небольшая тележка, на которой лежали коробки и мешки. В руках пожилого мужчины были толстая тетрадь и бумаги.

– Я помощник начальника поезда, – объявил пожилой мужчина. – Будем выдавать сухой паек.

Он смотрел в тетрадь и по фамилиям стал называть едущих в вагоне:

– Ивановы. Двое взрослых, три иждивенца. Получите свой паек.

Молодые красноармейцы брали кульки и мешочки и отдавали их в протянутые руки.

– Петровы. Двое взрослых, один иждивенец, получите паек.

Так шла раздача пайков, пока не дошла очередь до толстой, неопрятной, крикливой женщины. Когда помощник начальника поезда назвал ее фамилию, она стала кричать:

– Не надо мне вашей еды! Куда вы нас везете? Есть не буду! Не надо мне вашего пайка! Не надо! Не надо!

В вагоне начался галдеж, атмосфера накалялась. Помощник начальника поезда помрачнел:

– Куда везем – я не знаю. Может быть, знает начальник поезда. А вас, как отказавшуюся от пищи и объявившую голодовку, я вынужден буду снять с поезда и передать станционным властям.

Толстая женщина, не ожидавшая такого поворота дела, сразу перестала кричать и испуганными глазами смотрела по сторонам, ища защиты. Выручил отец. Он подошел к двери и сказал:

– Гражданин начальник, вы не совсем правильно поняли эту женщину. Она не собирается объявлять голодовку. У всех у нас с собой взята из дома пища, она не нуждается в сухом пайке.

Помощник начальника поезда вздохнул с облегчением: был найден почетный для обеих сторон выход из создавшегося положения. Ему явно не хотелось осложнять обстановку, ссаживать крикливую женщину с поезда, писать докладные, разные бумаги. Он пожелал всем приятного аппетита, и двери вагона снова закрылись.

Гнев и злость, накопившиеся у едущих в вагоне, теперь обрушились на толстую женщину, и слово «дура» было самым мягким из выказанных в ее адрес.

Между тем поезд миновал лесные пространства и шел по голой равнине, на которой кое-где стояли небольшие березовые рощи – колки. Степь да степь, населенные пункты и деревни встречались редко. Но вот показалась широкая река, за окошечком замелькали пролеты железнодорожного моста и поезд въехал в большой город, раскинувшийся вдоль реки.

Новая остановка, протяжный гудок, и поезд снова тронулся в путь. Отец, сидевший вместе со всей семьей на нижних нарах, сказал:

– Нас везут в Сибирь.

Сказал тихо, спокойно, но его услышали рядом сидевшие люди и придвинулись ближе к нему, вокруг него образовался небольшой кружок. Люди медленно усваивали эту новость. Из-под нижних нар вылез заспанный молодой здоровый парень, весь помятый, с соломинками в волосах на голове, и зло, нахально расталкивая людей, двинулся к отцу:

– А ты откуда знаешь, куда нас везут?

Отец, не обращая внимания на грозного молодого парня, спокойно объяснил придвинувшимся к нему мужикам:

– А вот откуда. Вы видели, где утром было солнце? Вон в том окошечке, на той стороне. А где оно сейчас? Вон там. Значит, нас везут с запада на восток. Какой сейчас мы проехали город, видели название станции? Омск. Теперь смотрите.

Отец вынул из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумагу, развернул ее и положил на нары. Это была географическая карта СССР, вырванная из какой-то книги. Как и почему она оказалась у него, как он сохранил ее, несмотря на все перипетии последних дней, осталось тогда неизвестным. (Впоследствии Дима узнал, что старший брат Алексей, учившийся в ШКМ – школе колхозной молодежи, перед ссылкой вырвал эту карту из школьного учебника, положил ее в карман, а потом передал отцу).

– Вот смотрите, – показал отец на карте, – город Омск. К нему подходят с запада две красные линии – железные дороги. В Омске они соединяются. А от Омска на восток идет только одна красная линия, одна железная дорога. Нас провезли через Омск и везут далее на восток – в Сибирь!

Эта новость поразила всех едущих в вагоне. Наступила мертвая тишина. Сомнений больше не было – их везут в Сибирь. В страшную Сибирь, страну холода, льда и лесов, край необъятного горя, кандалов и смертей. Крестьян всегда угнали Сибирью. Туда издавна отправляли на каторгу и в ссылку всяческих преступников: воров, конокрадов, разбойников, убийц и т.п. А теперь везут в Сибирь их. Какие преступления они совершили? В чем их вина?

В вагоне стало тихо. Никто не разговаривал, не шумел, люди думали каждый о своем. Дима с гордостью смотрел на отца: он оказался в вагоне самым грамотным, самым знающим! А еще: отцовская географическая карта! Небольшая бумажка развеяла неизвестность, которая тяготила всех. Теперь они знали, куда их везут.

Дима навсегда понял значение географических карт и страстно полюбил их. Став взрослым, где бы он ни был, у него всегда под рукой были географические карты и атласы. Еще до того, как он стал ходить в школу, самостоятельно с бабушкой научившись читать и писать, Дима стал сам рисовать географические карты.

В совхозе, где они тогда жили, в конторе на стене висела большая географическая карта. Сидевший в комнате бухгалтер, инвалид, ходивший

с костылями, за небольшие услуги, оказываемые Димой (разноска почты, извещений и т. п.), дал ему прозрачную бумагу, и он стал переводить на нее настенную карту. Он накладывал на карту лист бумаги, карандашом обводил реки, города, железные дороги, подписывал названия, а затем уносил эти листочки домой и склеивал их в большой лист.

Отец усмехался, глядя на эту затею, но не препятствовал занятиям сына, не видя в них вреда. Когда Дима стал учиться в школе, рисование карт стало его обычным занятием, а география оказалась для него очень легким предметом.

На очередной остановке на перроне вдоль поезда выстроились красноармейцы с винтовками. И, как оказалось, не напрасно. Из ближайшего переулка высыпала толпа подростков пятнадцати-шестнадцати лет, которые с криком «Куркули! Куркули!» стали забрасывать остановившийся поезд камнями. Но от вокзала к поезду уже бежали три милиционера. Увидев милиционеров, подростки бросились убежать враспылку.

– Недавно проходили составы с украинцами, – пояснили милиционеры конвоирам эшелона, – теперь эти хулиганы выходят к поездам и бросаются камнями. Нам приходится их отгонять.

Дима спросил отца:

– Кто такие куркули?

– Куркули, – ответил отец, – по-украински – кулаки. Их, видимо, тоже ссылали в Сибирь.

– Тятя, а мы тоже куркули?

– Мы – спецпереселенцы. Кулаки, спецпереселенцы – разница невелика. Собрали всех «неблагонадежных» – и в Сибирь, чтобы не мешали строить новую, счастливую жизнь.

– А мы мешали строить счастливую жизнь?

– Ты не мешал, ты еще маленький. А вот мы с мамой и бабушкой кому-то, видимо, мешали.

На очередной остановке дверь вагона снова раздвинулась, перед ней стоял молодой веселый военный, перепоясанный ремнями, на петлицах его гимнастерки блестело по два «кубаря». Это был начальник поезда.

– Ну что, как едем? Это у вас женщина хотела объявить голо-

довку? – начал спрашивать он. Толстая женщина теперь сидела смиренно и улыбалась:

– Здесь. Да всё уже уладилось.

– Ну и хорошо. Какие есть претензии?

Люди в голос стали жаловаться: душно, вагон нагрелся, дети устали, хнычут и плачут. Когда закончатся страдания?

Начальник поезда стал серьезным:

– Мы же понимаем, что везем женщин, детей. Видите, как нас везут: железнодорожники дали нам зеленую улицу, поезд идет без остановок, задерживаемся только на узловых станциях, чтобы набрать воду и уголь. Спецэтапом идет эшелон. Еще потерпите немного. Вечером прибудем на место назначения.

Слова начальника поезда, его твердые, уверенные ответы успокоили уставших и измученных людей. Скоро будем на месте, наше положение прояснится, закончится неизвестность!

Но поезд продолжал идти вперед, переехали широкую реку Обь, проехали большой город Новосибирск. За окошечком потянулись густые леса, а вот и станция с чисто сибирским названием – Тайга. А поезд шел дальше и дальше. Где же обещанный пункт назначения? Стало темнеть, родители начали укладывать детей спать. Дима крепко заснул рядом с братьями и сестрами на расстеленной матерью и бабушкой постели.

Вернемся на несколько дней назад, чтобы выяснить, как, когда и почему Дима и его семья оказались в эшелоне, везшим их в Сибирь.

ГЛАВА 2. ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА

*Горе горькое по свету шлялось
И на нас невзначай набрело.*

Н.А. Некрасов.

Меж высоких хлебов затерялося
небогатое наше село.

*Написано пером –
не вырубилшь топором.*

Народная поговорка.

1931-й – нехороший год. Начался он с серьезной болезни детей, а потом последовали другие беды. Весной Дима и его младшая сест-

ренка Елена заболели скарлатиной. У них поднялась высокая температура, их лихорадило, обложило покрасневшие языки, стало трудно глотать, на теле появилась красная мелкоточечная сыпь. Какие-то капли, которыми поила их мать, не действовали, больным становилось всё хуже и хуже, они уже не могли есть, стали задыхаться. Отчаявшаяся мать дала Диме выпить немного красного вина, Елена пить вино никак не хотела, кричала и плакала. Дима, выпив вино, быстро заснул, а проснувшись (чудо!) почувствовал себя полностью выздоровевшим человеком.

Надо было вылечить Елену. Дима стал уговаривать ее:

– Елена, пей вино! Это же лекарство, пей, и ты тоже выздоровеешь.

Удивительно, что полторагодовалая Елена, не слушавшая уговоры взрослых, упорно отказывавшаяся пить вино, кричала и плакала, сразу согласилась на совет четырехлетнего брата, всегда помогавшего ей во всем и всегда защищавшего ее. Она выпила вино, уснула и тоже выздоровела. Что помогло детям: чудодейственное вино, или к тому времени болезнь уже сама-собой миновала критическую фазу? Это останется неизвестным, медиков рядом не было.

После двух недель болезни Дима и Елена вышли на крыльцо и зажмурились от яркого солнца. Снег уже сошел, было тепло, во дворе зеленела трава. Жизнь так прекрасна и удивительна!

Теперь всё свободное время дети стали проводить во дворе и на улице. У Димы появились друзья из соседних домов, с которыми они за воротами на улице играли в незатейливые игры. Появилась подружка – четырех- или пятилетняя соседская девочка Анка. В заборе, отделявшем родительский дом от соседнего дома, имелась дыра, в которую дети пролезали, чтобы попасть к соседям. Анка была энергичной, скорой на выдумки. Она брала Диму за руку и вводила к себе домой, где у нее был свой уголок. Там были тряпичная кукла, бутылочки и флакончики из-под лекарств, осколок зеркала и дру-

гие, интересные и полезные, вещи. Начинаясь игра, Анка была то продавцом в магазине, то учительницей, то фельдшером, Дима должен был исполнять роль покупателя, ученика или больного, над которым можно было выполнять разные процедуры.

Иногда шестилетний брат Павел приводил с собой более взрослых мальчиков, среди которых были три младших брата Ивановых. По прихоти родителей или чудачеству деревенского священника, вся семья Ивановых состояла из Иванов. Главой семьи был угрюмый, неразговорчивый мужик Иван Иванович. Его старшего сына, уже взрослого парня, звали Иваном. За ним шли Ваня, Ванька, Ванчик и Ванюрка. Присоединившись к старшим ребятам, Дима, не спрашивая разрешения, шел вместе с ними играть дальше от дома – на болото, простиравшееся за огородами.

Это было огромное, заросшее невысокими кустарниками болото, тянувшееся на несколько километров. Сначала шли сухие кочки, на которых кое-где росли желтые цветочки, дальше появлялись лужи воды, начинались сырые кочки, а где-то еще дальше была трясына, в которой, по слухам, когда-то утонула чья-то бродячая корова. Вечером над болотом поднимался туман, с болота раздавался лай собак и жуткий вой волков. Родители запрещали детям ходить на болото, пугали болотом. Несмотря на запреты, попасть на болото считалось у детей смелым, отважным поступком.

Вскоре произошло событие, взбудоражившее всю деревню. В колхоз пришел колесный трактор «Фордзон», на сидении которого сидел молодой деревенский парень, зимой окончивший курсы трактористов. Тарахтя и выпуская клубы дыма, трактор катил по единственной в деревне улице. За трактором с восторженными криками бежали мальчишки, шли мужчины, любопытные женщины. Подъехав к дому, в котором жил Дима, трактор остановился. Из сопровождавшей трактор толпы вышел отец и стал открывать свои ворота. Ему помогали другие мужчины. Трактор въехал в огра-

ду, остановился и заглох. Ворота закрыли, толпа стала расходиться. Возле трактора суетился мужичонка, который наказывал отцу:

– Ты, Василий Васильевич, доглядывай за трактором, смотри ночью, чтобы враги народа не попортили машину.

Отец добродушно отвечал:

– Посмотрю. Ограда у нас хорошая, никто посторонний не ходит.

Тракторист тоже успокоил мужичонку:

– Что сделается трактору? Завтра утром я выеду на нем в поле.

Дима был горд, что именно у них во дворе, у отца, поставили на ночь эту диковинную машину, и на всю жизнь запомнил этот торжественный, теплый, солнечный, счастливый день. Конечно, Дима, а, вероятно, и его отец, тогда не задумывались: почему именно у них поставили в ограду на ночь трактор – случайно, или преднамеренно, для проверки хозяина «на верность колхозному строю»? Это останется неизвестным. На следующий день, только проснувшись, Дима бросился к окну и посмотрел во двор. Трактора там уже не было, молодой тракторист рано утром выехал на нем в поле.

Отец Димы работал в колхозе кладовщиком, мать трудилась в поле на разных работах. Утром они уходили на работу, дети днем ос-

тавались одни с бабушкой. Вечером, вернувшись с работы, отец за ужином с усмешкой рассказывал, как на складе его одолевали просьбами правленцы колхоза. Особенно надоедал секретарь партийной ячейки. Это был трезвый, непьющий мужик, но очень тщеславный. Прийдя на склад, он жаловался, что является представителем руководящей партии, но ходит в плохом полушубке, и просил отца дать ему новый, более красивый полушубок.

– У вас еще хороший полушубок, – отвечал отец. – Я не могу вам выдать новый полушубок, на складе всё на учете, под моей ответственностью. Выпишите в правлении колхоза себе новый полушубок, принесете квитанцию, и я вам выдам что угодно.

Но это почему-то не устраивало представителя руководящей партии. Получив отказ и обозвав отца скрягой, он начал канючить и клянчил обменять ему полушубок на другой, более хороший. В конце-концов, из уважения к его авторитету, отец менял его полушубок на другой. Походив некоторое время в этом полушубке, секретарь партячейки снова приходил на склад и просил сменить его на новый полушубок. Получив отказ, он опять канючил до тех пор, пока отец не соглашался снова обменять непонра-

Дом Гавриловых в д. Озеро. Фото 1950-х гг.

вившийся ему полушубок на другой. Это повторялось несколько раз.

Отец рассказывал о завидующем, ненасытном секретаре партячейки с усмешкой, но мать отца не одобряла, говорила, что он напрасно ссорится с представителями власти.

Однажды отец пришел с работы озабоченный, сообщил:

– Вызывал председатель колхоза, сказал, что меня снимают с кладовщиков, приказал сдать склад особой комиссии. Когда я сказал, что меня кладовщиком избрало общее колхозное собрание, он ответил, что это решение правления колхоза, а с общим собранием они сами разберутся.

Решение о снятии с кладовщиков отца не огорчило.

– Хватит мне сидеть на этом складе. Надоело, – сказал он. – Пойду работать в поле, рабочие везде нужны.

Три дня отец сдавал свой склад комиссии, которая тщательно считала и по несколько раз пересчитывала всё, что на нем имелось, но не нашла ни недостатка, ни излишков, о чем и был, наконец, подписан акт.

После сдачи склада отец пришел домой веселый – сбросил с себя нелегкий груз. На следующее утро он пошел в правление колхоза к председателю просить себе новую работу. Председатель колхоза, хитроватый мужик с бегающими глазами, встретил его очень приветливо и стал уговаривать:

– Зачем тебе так сразу нужна работа? Отдохни, тебе по дому что-нибудь надо сделать, а мы подумаем и подберем для тебя хорошую работу.

Какую участь они готовили отцу в действительности, он, конечно, знал, но, разумеется, этого ему не сказал. Отец остался недоволен разговором с председателем и на следующий день самовольно вышел на работу в бригаду, которая занималась заготовкой сена. Там его приняли с радостью. Вечером отец увлеченно рассказывал, как они считали большой скирд сена. На следующее утро он снова уехал с бригадой на сенокос.

Казалось, что в жизни всё идет хорошо. Никто не знал и не подо-

зревал, что над семьей сгущаются тучи. Вечером приехавшие с сенокоса женщины принесли ошеломляющую весть: отец арестован. За что? Где, когда, какое преступление он совершил? Никто ничего не знал. Рассказали: на покос приехали два милиционера, забрали отца и увезли с собой. Мать разрыдалась, бабушка успокаивала ее, что может быть, это ошибка, какое-то недоразумение. Дети не понимали: за что могли арестовать их доброго, всегда справедливого отца, учившего их никогда никому ничего не делать плохого?

Через несколько дней мать вызвали на колхозное собрание. С собрания она пришла расстроенной. На собрании был поставлен вопрос об исключении семьи из колхоза. Представитель сельсовета по бумажке зачитал вины отца: вел антисоветскую агитацию, выступал против создания колхоза, при вступлении в колхоз не сдал в колхоз лошадей и инвентаря, сознательно разбазарил имущество. В зале начались крики: «Неправда!», «Враки!», «Ложь!», «Знаем его хорошо, зачем врете?» Выступили председатель колхоза, секретарь партячейки, но их не слушали, зал весь шумел и председатель закрыл собрание, не приняв никакого решения.

Несколько дней спустя состоялось новое колхозное собрание. Снова поставили вопрос об исключении семьи из колхоза. Сообщили: органами раскрыта подпольная контрреволюционная организация, в которой состоял отец, он арестован и предстанет перед судом. На сей раз собрание проголосовало за исключение семьи из колхоза. С собрания мать пришла заплаканной, сказала, что семью выселят, а имущество конфискуют.

Горе горькое по свету шлялось и в деревню к ним набрело. Горе, страшная беда, несчастье – пришли неожиданно, внезапно, неизвестно откуда. Они врасплох застигли эту благополучную, счастливую семью. Выявилась полная беспомощность семьи перед невидимой силой, невозможность что-либо сделать, изменить. Мать и бабушка были в растерянности: глава семьи, единственный кормилец,

арестован, семью выселяют из дома, дети малолетние, имущество отберут, что теперь с ними будет?

Утром следующего дня пришла комиссия описывать имущество. Комиссия заняла большую комнату, ее члены сели за стол, заплаканную мать посадили на скамейку напротив и приказали показывать свое имущество.

– Что я вам должна показывать? – отвечала мать. – Всё имущество перед вами, пишите.

– Вы можете оставить себе только то, что надето на вас и на членах вашей семьи, всё остальное у вас мы должны отобрать.

Комиссия приступила к описи имущества, но сразу возник вопрос: какое имущество будем описывать? Один из членов комиссии сказал, что ведь семью не раскулачивали, кулацким имуществом считаться не может. Начался спор, но его успешно разрешил политически более грамотный представитель партячейки. Не вдаваясь в юридические тонкости, он заявил:

– Идет классовая борьба. Кулаки, подкулачники, их прихвостни – одна шайка. Раз семью ссылают, значит это враги народа, классовые враги, а имущество – кулацкое.

В результате их творчества возник документ, который здесь приводится с соблюдением орфографии подлинника:

«Опис имущества

1931 года Июля 12 дня. Мы ниже подписавшиеся комиссия Сикиязского сель/совета. 1. От партии Храмцов Павел Тимофеев 2) от сель/совета Левонтев Василей Пер. От колхоза 3) Резанов Василей Павлович. Сего число произвести опис у кулатского имущества Гаврилова Василья Васильевича».

Начать решили с оценки дома. Но тут выявились разногласия: за какую цену можно продать дом? В конце концов решили назначить ему цену с солидным запросом. В описи записали:

1. Дом 1. 150 руб.
2. Ворота 1. 10 руб.

Далее дело пошло быстрее. Дворовые постройки были оценены:

Крыша крытая соломой 1. 10 руб.
Конюшня 1. 10 руб.
Хлев 1. 10 руб.
Баня 1. 10 руб.
Гумно 1. 4 руб.

Мебель и имевшиеся домашние приборы были оценены быстро, причем самыми ценными из них оказались самовар и сепаратор. Последовали записи:

Столов 2. По 1 руб. Всего – 2 руб.
Стульев 3. По 50 коп. Всего – 1 руб. 50 коп.
Лавок 3. По 50 коп. Всего – 1 руб. 50 коп.
Самовар 1. 15 руб.
Кадушек 5. По 50 коп. Всего – 2 руб. 50 коп.
Шкаф для посуды 1. 1 руб.
Комод 1. 5 руб.
Сепаратор 1. 6 руб.
Кровать деревянная 1. 3 руб.
Занавес ситцевых 12 аршин. 3 руб. 60 коп.
Зеркало большое 1. 1 руб.
Часы стенные 1. 3 руб.

Потом последовала опись посуды, причем комиссия оставила семье только одну большую деревянную чашку и восемь деревянных ложек по числу членов семьи. Эта деревянная чашка, милостиво представленная семье, четыре года являлась почти единственным предметом семейной столовой посуды, а затем очень долго сохранялась в качестве семейной реликвии.

Опись пополнилась новыми записями:

Ложек 5. По 5 коп. Всего – 25 коп.
Чайных чашек 9. Всего – 1 руб. 80 коп.
Блюдо 1. 30 коп.
Вилки 8. По 10 коп. Всего – 80 коп.
Сита 3. По 30 коп. Всего – 90 коп.
Квашня 1. 30 коп.
Тушилка 1. 20 коп.
Ведер деревянных 2. По 30 коп. Всего – 60 коп.
Ведер железных 3. По 1 руб. Всего – 3 руб.
Кринок 5. По 10 коп. Всего – 50 коп.
Подойница 1. 30 коп.
Горшков 5. По 50 коп. Всего – 2 руб. 50 коп.
Чугунков 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Стеклянная кружка 1. 30 коп.

С приходом комиссии мать затолкала детей в чулан, наказав им не выходить из него. Отсюда они слушали разговоры комиссии и ответы матери. Время от времени мимо чулана проходила бабушка,

вслух высказывая свои мнения о происходящем:

– Ироды, супостаты, еретики проклятые. Вчера Макар телят гонял, теперь Макар в воеводы попал. Кричит: «Все опишу! Все опишу!» Псы ненасытные. Безбожники. Иуды. Сатанинское отродье. Бог все видит, все знает. Бог их накажет!

Комиссия стала переписывать всяческую мелочь. В описи последовали записи:

Керосину 2 литра. По 15 коп. Всего – 30 коп.
Ламп 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Мешков 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Половиков 2. По 20 коп. Всего – 40 коп.
Фуражек 2. По 1 руб. Всего – 2 руб.
Кофты 4. По 1 руб. Всего – 4 руб.
Рубахи мужские 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Шаровары 2. По 2 руб. Всего – 4 руб.
Кудели 20 шт. По 1 коп. Всего – 20 коп.
Запонов 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Шерсти 3 шт. По 60 коп. Всего – 1 руб. 80 коп.
Комнатных цветов 12. По 2 руб. Всего – 24 руб.
Подушек пуховых 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Одеяло двухспальное 1. 2 руб.

Мать была подавлена и покорно соглашалась со всем, бабушка спорила с комиссией и стыдила их:

– Бессовестные. Креста на вас нет. Всё отбираете, а как мы жить будем? Посуду забираете, одежду, а мы в чем ходить будем, в чем будет ходить ребята, как готовить пищу? Ироды. Бог вас накажет!

Но комиссия продолжала неуклонно выполнять данное им ответственное поручение. Покончив с горшками, чугунами и попавшейся на глаза мелочью, она взялась за домашних животных, пересчитав их вплоть до поросят и куриц. Их подсчетов и записи в опись из домашней живности избежала только кошка, с испугу забившаяся вместе с детьми в чулан.

В составлявшейся описи появились записи:

Коров 1. 30 руб.
Телят 1. 2 руб.
Овец 4. По 2 руб. Всего – 8 руб.
Ягнят 4. По 50 коп. Всего – 2 руб.
Гусей 7. По 1 руб. Всего – 7 руб.

Свинья 1. 20 руб.

Поросят 3. По 3 руб. Всего – 9 руб.
Куриц 12. По 50 коп. Всего – 6 руб.
Перетрясли продовольственные запасы семьи, в них оказалось:

Сахарного песка 8 кг на 20 руб.
Масла скоромного 15 фунтов на 12 руб.
Постного масла 2 кг на 1 руб. 20 коп.
Сала свиного топленого 5 фунтов на 5 руб.
Столовой соли 1 пуд на 46 коп.
Мяса говяжьего 2 пуда на 8 руб.
Пшеничной муки 3 пуда на 3 руб. 90 коп.
Ячменной крупы крупной 30 фунтов на 90 коп.
Ячменной крупы мелкой 15 фунтов на 45 коп.
Яиц 45 шт по 3 коп. на 1 руб. 25 коп.

Комиссия устала от изнурительной работы и решила сделать перерыв. Строго-настрога приказав матери сохранять переписанное имущество и не притрагиваться к еще не переписанным вещам, комиссия отправилась обедать.

Выполняя ответственное поручение, члены комиссии, «самые сознательные и самые принципиальные», были не прочь взять себе что-нибудь из описываемых вещей. Один из членов комиссии решил забрать отцовский ящик со столярными инструментами, которыми любил работать отец, но возмущенная мать бросилась к нему, ударила его по руке, и он отпустился от ящика. Другой член комиссии, уходя на обед, взял школьную сумку только что окончившей первый класс Марии, в которой были букварь и подаренные ей цветные карандаши. Девятилетняя Мария бежала за ним, плакала и просила: «Дяденька, отдайте мои книжки, отдайте сумку!» – но член комиссии прогнал ее обратно домой, сказав: «Хватит кулацким детям учиться, теперь будут учиться мои».

Пришла родная младшая сестра матери Анна, жившая со своей семьей на другом конце деревни. Мать отдала ей свои праздничные платья и еще какие-то мелкие вещи, завернув их в кусок ткани, и велела идти со свертком домой не по улице, а по огородам, сказав, что если ей самой не пришлось поносить свои платья, то пусть носит их она. Пришли соседки – подружки матери. Они сочувствовали мате-

**Пасека и дом пчеловодов на Первом отделении
Месягутовского зерносовхоза. Фото 1937 г.**

ри, охали и ахали. Мать разрешила им взять себе всё, что им понравится из того, что еще не успели описать. Расхватав, что получше, соседки быстро ретировались.

Пришла дряхлая старушка Антипьевна. Она жила одна на краю деревни в жалкой хибарке, одно из двух окон которой было забито досками. Ее единственный сын работал где-то в городе, она жила на присылаемые им деньги. Старую, дряхлую, плохо передвигавшуюся, ее в деревне считали за полунищую. Ее появление в доме вызвало удивление.

– Услышала Саня, – после приветствия заговорила Антипьевна, – что у вас описывают и отбирают имущество. Дай мне что-нибудь на сохранение, я всё сберегу в целости и сохранности, ей-богу, а когда вернетесь, ей-богу, я вам всё верну обратно.

Предложение Антипьевны удивило мать и бабушку, а ее слова о возвращении вызвали у матери новые слезы.

– Что ты, Антипьевна, какое возвращение? Ссылают навечно. А имущество всё уже описали или расхватали, что тебе можно отдать? Вот только осталась поварешка, возьми ее.

Антипьевна спрятала поварешку под свою одежду и ушла, божась

и несколько раз повторив, что сохранит ее в целостности и сохранности.

Матери удалось спасти одеяло из верблюжьей шерсти, которое она выбросила в открытое окно в палисадник, где стояла Мария, спрятавшая его в куст смородины. Потом это одеяло взяли с собой, оно очень пригодилось семье в дороге и в Сибири.

Вернулась отдохнувшая и подкрепившаяся комиссия. С ней пришло еще несколько мужчин, сразу приобщившихся к досмотру и описи имущества. Один из пришедших, высокий, тощий мужчина, стал допрашивать мать и бабушку, где они хранят золотые и серебряные вещи.

– Какое золото, серебро? – отвечала мать. – Я в жизни их никогда не видела.

Бабушка сказала, что у нее есть серебряная вещь и показала малюсенький нательный крестик, висевший у нее на шее.

Тощий мужчина презрительно фыркнул:

– Не прикидывайтесь дураками. Я спрашиваю: куда спрятали свои золотые и серебряные вещи? Где закопали свои клады? Не хотите говорить? Найдем.

Он вышел во двор и начал метр за метром осматривать ограду. В

руках у него была железная палка, заостренная с одного конца – щуп, который он время от времени втыкал в землю, надеясь наткнуться на зарытый клад. Исследовав весь двор, он ушел в огород, продолжая метр за метром прощупывать землю. Найти что-либо он не смог.

Между тем комиссия продолжила свою работу. Полагая, по-видимому, что она ссылает семью в Крым или на Черноморское побережье Кавказа, или в какие-нибудь теплые страны, комиссия отобрала у семьи всю теплую одежду и обувь. Писарь записывал:

Шуб женских крытых 2. По 15 руб. Всего – 30 руб.
Шуб дубленых 1. 5 руб.
Шуба дубленая женская 1. 5 руб.
Шубы детские 3. На 2 руб.
Валенок старых 4. По 1 руб. Всего – 4 руб.
Чепан старый 1. 1 руб. 50 коп.
Катанок старых 6 пар. 60 коп.
Овчин деланных дубленых 2. По 1 руб. Всего – 2 руб.

Комиссия спешила завершить свою работу и, обшаривая все углы, пополняла опись новыми записями:

Инструментов столярных
Ножевка 1. 50 коп.
Станковая пила 1. 50 коп.
Фуганок 1. 1 руб.
Топор широкий 1. 1 руб.
Тканых полотенец старых 6. По 30 коп. Всего 1 руб. 80 коп.
Клею столярного 1 фунт. 50 коп.
Лампа 20-линейная 1. 1 руб.
Шаровары тканые из шерсти 1. 1 руб. 50 коп.
Портянки тканые 4 пары. По 50 коп. Всего – 2 руб.
Детских рубашек старых ситцевых 13. По 1 руб. Всего – 13 руб.
Сапог детских 3. По 2 руб. Всего – 6 руб.
Онучи из шерсти 1 пара. 1 руб. 50 коп.
Бердов для тканья 15. По 50 коп. Всего – 7 руб. 50 коп.
Кросна 1. 3 руб.
Самодельной ткани шерстяной 6 метров. По 50 коп. Всего – 3 руб.
Мужского холста аршин 12. По 20 коп. Всего – 2 руб. 40 коп.
Мужского холста тонкого 13 аршин. По 20 коп. Всего – 2 руб. 60 коп.
Холста тонкого 6. По 15 коп. Всего – 90 коп.
Шерстяной пряжи 1. 2 руб.
Полотно $\frac{1}{2}$. 5 коп.

Читателю, по-видимому, уже надоело читать эти перечисления всяческой мелочи. Но автор считает необходимым привести этот ис-

торический документ полностью, чтобы можно было реально оценить материальное положение управляемой в ссылке семьи из восьми человек.

Тяжелая и ответственная работа комиссии, кажется, подходила к концу. В опись были занесены последние записи:

Запонов женских 3. По 50 коп. Всего – 1 руб. 50 коп.
Юбок женских домотканых 3. По 50 коп. Всего – 1 руб. 50 коп.
Подштанников мужских 7. По 50 коп. Всего – 3 руб. 50 коп.
Полотенцев ручных 7. По 1 руб. Всего – 7 руб.
Клеенка настольная 1. 3 руб.
Детских рубашек 5. По 1 руб. Всего – 5 руб.
Рубашек женских 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Детских кофточек 2. По 1 руб. Всего – 2 руб.
Платков женских 2. По 50 коп. Всего – 1 руб.
Юбка ситцевая женская 1. 2 руб.
Детское одеяло байковое 1. 2 руб.
Карандашей химических 18. По 10 коп. Всего – 1 руб. 80 коп.
Почтовых марок 19. На 65 коп.
Тетрадей писчих 4. На 16 коп.
Займа индустриализации 1. На 5 руб.
Крестьянского займа 2. На 5 руб.

Итак, закончен труд, ниспосланный из руководящих инстанций. Мать обязали под ее строжайшую ответственность хранить описанное имущество, взяв с нее сохранную расписку. Вот эта расписка, приводимая с соблюдением орфографии подлинника:

«Сохранная расписка

1931 года 12 июля нижеподписавшаяся Гаврилова Александра даю настоящую расписку о сохранении членам комиссии в том что я описано имущество выше упомянутых вещей обязуюсь хранить таковые за растрату такового отвечаю судебным порядком в чем расписуюсь».

Под распиской мать, в свое время ходившая в школу одну зиму и умевшая расписываться, вывела свою подпись. Однако из-за переживаний и волнения у нее не хватило сил полностью, до последней буквы, написать свою фамилию и имя и на расписке осталась такая подпись:

Гаврило ...
Алексан...

Ниже следовали три размашистые подписи членов комиссии.

Детям надоело сидеть в полутемном чулане и они, воспользовавшись суматохой в доме, выскользнули из него и убежали на болото, где играли несколько их сверстников и более взрослые ребята двенадцати – тринадцати лет. Малыши играли в прятки, более взрослые ребята осваивали искусство табакокурения. Кто-то из них принес табак и спички. Они свертывали самокрутки и пытались их поджечь, но спички ломались или их гасил ветер, и юным табакурам никак не удавалось насладиться заветным дымом. Но вот один из ребят уронил на землю горящую спичку, вспыхнула сухая прошлогодняя трава, огонь охватил близстоящий кол и побежал по жердям изгороди, отделявшей деревню от болота. Ребята перепугались, а затем закричали и все бросились бежать в деревню.

Дима и Павел не понимали, что произошло и стояли на месте. Когда они посмотрели в сторону болота, то увидели, что к ним приближается возвращавшийся с болота охотник в высоких болотных сапогах с ружьем за плечами. Его-то и испугались убежавшие ребята. Дима и Павел узнали в охотнике соседа и продолжали стоять на том же месте.

– Это вы подожгли? – спросил охотник.

– Нет. Это ребята, которые убежали.

– Пошли домой. Изгородь надо тушить, а то она может разгореться и будет большой пожар.

Охотник взял их за руки и повел домой. Мать, взвинченная событиями прошедшего дня, разнервничавшаяся, не стала разбирать, кто прав и кто виноват, и набросилась на ребят:

– Паршивцы. Вам запретили ходить на болото, зачем вы туда пошли? Вы зажгли изгородь, вы и тушите огонь.

Напрасно братья в голос кричали, что подожгли не они. Мать не слушала оправданий, налила в большое деревянное ведро воды и заставила их тащить его к изгороди. Ведро было тяжелое, шестилетнему Павлу и четырехлетнему Диме оно было не под силу, тащи-

ли они ведро с трудом, оба горько плакали, слезы текли по их щекам, а мать шла сзади с ремнем и ударами по спинам и пониже подгоняла их. На помощь бедолагам пришла бабушка, увидевшая истязание внуков.

– Саня, что ты делаешь? – закричала она. – Зачем мучишь ребят? Они наверно и не виноваты, давай сами потушим огонь.

Несколько ведер воды, принесенных бабушкой и матерью, потушили огонь.

Полученный урок Дима запомнил на всю жизнь. Этот первый в его жизни урок оказался поучительным. Дима узнал, что человек, ничего не подозревая, может внезапно оказаться без вины виноватым, что друзья-товарищи могут убежать, оставив тебя отвечать за их проступки. Жизнь начала преподносить свои суровые уроки.

ГЛАВА 3. ОТПРАВКА В ССЫЛКУ

*Тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.*

С.Есенин.

За темной прядью перелесиц

Слух, что семью ссылают, быстро разнесся по деревне. Возле родительского дома стал собираться народ. Ворота были открыты, в ограду въехали две подводы, на которых в качестве ездовых сидели подростки. Они стали поджидать своих необычных пассажиров. Мать и бабушка укладывали в мешки вещи, разрешенные им комиссией взять с собой, одевали детей в дорогу. Мать надевала на Диму рубахи одну за другой. Дима уже умел считать до десяти и насчитал семь надетых на него рубах.

– Мама, зачем мне семь рубах? Мне жарко будет.

– Это только на время. Нам решили взять только то, что надето на нас. Износится или загрязнится одна рубаха, наденем другую. Понял?

Организаторы ссылки торопили со сборами. Вот все оделись, жалкие пожитки уложены, семью стали выводить из дома. Впереди шла мать, держа за руку Диму, который

нес в руках плюшевого медвежонка с черными глазами-пуговицами, недавно подаренного ему отцом. Дима любил играть с медвежонком, разговаривал с ним, обсуждая свои ребячьи проблемы, а ложась спать, клал его рядом с собой. За ними шли бабушка с малолетней Еленой и остальные члены семьи: Алексей, Мария, Павел. Бабушка несла свернутую в трубу большую войлочную кошму, отвоеванную ею у комиссии. Эта кошма затем много лет служила семье, на ней, расстеленной на полу, вповалку спали дети.

Но как только эта грустная процессия вышла на крыльцо, к ней подскочил старичок-активист, который схватился за медвежонка и стал его вырывать из рук Димы. Или старичок был бессильный, или Дима, оторопевший от такой наглости, сильно, изо всех своих сил так крепко ухватился за медвежонка, что отнять у него медвежонка старикашка не смог. Началась возня старого с малым с переменным успехом.

Хмурая толпа, стоявшая в ограде напротив крыльца и ожидавшая вывода ссылаемых, заволновалась. Впереди стояли женщины, сзади за ними находились мужчины. Но тут мужчины выдвинулись вперед, оттеснив женщин на второй план. Толпа загудела, раздались крики, угрозы:

– Зачем обижаешь ребенка? Прохвост! Подхалим!

Молодой мужик схватил старикашку за ворот и занес над ним кулак. Старик испугался, побледнел, но не растерялся (был пронырливый и хитрый) и завопил:

– Люди добрые! Медвежонок записан в описи! Подлежит изъятию!

Много позже, став уже взрослым, Дима выяснил, что никакого плюшевого медвежонка в описи не было. В этом может убедиться и сам читатель, просмотрев главу вторую нашей повести, где эта опись приведена полностью. Изворотливый старикашка соврал и ловко увернулся от заслуженного за явное мародерство тумака. Толпа дрогнула. Занесенный кулак повис в воздухе. Мать взяла медвежонка у Димы и отдала его старикашке, который тут же быстро куда-то исчез.

Прошло много лет, но этот эпизод врезался Диме в память на всю жизнь. Ему довелось побывать в самых шикарных магазинах с большими отделами великолепных игрушек, в музеях детских игрушек в стране и за рубежом, но никакие самые дорогие и чудесные игрушки не волновали его. Но когда в каком-нибудь захудалом магазине он видел среди игрушек плюшевых медвежат, у него сжималось горло, на глаза навертывались слезы. Он никогда не покупал и не дарил кому-либо плюшевых медвежат.

Возбужденная толпа продолжала гудеть. Быстрым шагом в ограду вошел высокий властный мужчина – колхозный бригадир.

– Что разгалделись? – крикнул он на толпу. – Сами голосовали за исключение из колхоза, что теперь шуметь.

Он оттеснил толпу от стоявших в ограде подвод и начал командовать:

– Чего тянете? Отправляйте людей скорее. Пусть садятся в телеги, кладите на подводы котомки. Выезжайте!

На одну из подвод села мать с малышами – Димой и Еленой, на другую – бабушка со старшими детьми – Алексеем, Марией и Павлом. Подводы двинулись из ограды на улицу, но лошадь первой подводы, подойдя к воротам, остановилась как вкопанная и отказалась идти дальше. Подросток, сидевший на телеге, сколько ни понукал, махался кнутом, лошадь не шла.

Какой-то уполномоченный подскочил к телеге, схватил кнут и стал ожесточенно, неистово хлестать лошадь. Она гневно и жалобно заржала, захрапела, рванулась назад, а затем встала на дыбы, телега и оглобли затрещали, но лошадь не двинулась с места. Наэлектризованность толпы, по-видимому, передалась и лошади, она каким-то лошадиным чутьем поняла, что ее заставляют участвовать в каком-то неправом деле.

Бригадир бесцеремонно оттолкнул уполномоченного, вырвал из его рук кнут, свернул его и бросил на подводу подростку. Он подошел к лошади, взял ее за узду, начал

гладить ее по морде и шее, приговаривая:

– Ну что ты, вороная, что с тобой? Ты же умница. Столько ты верно служила, послужи еще. Раз надо, то надо ехать.

Он повел лошадь за узду, она покорно пошла за ним. Бригадир вывел лошадь на дорогу и обе подводы медленно поехали по улице на выезд из деревни. Впереди ехали двое верховых конвойных с ружьями, сзади телег шла толпа сочувствующих ссылаемым и просто любопытных. Постепенно от толпы отставали люди один за другим, толпа редела, на выезде из деревни за последней телегой шли только несколько женщин и заплаканная сестра матери Анна.

Мать сказала сестре, что у нее есть свои дети, ей надо возвращаться домой, и они стали прощаться. Они обнялись и обе плакали навзрыд, плакать начали и все дети. Подводы остановились. Оторопевшие подростки-возницы, слушая этот сплошной плач, рев, сидели с выпученными глазами и не знали, что им делать. Верховые конвойные, уехавшие вперед, остановились, что-то кричали и махали руками, но подводы с ссыльными не двигались.

Наконец, подростки-возницы, не выдержав непрерывный, тягостный вой обреченных, тронули лошадей и повозки снова двинулись в путь. Анна с женщинами остались стоять на месте, уезжавшие – мать и все остальные – на прощание махали им руками. Может, они расстанутся навечно! На всю жизнь! Навсегда! Неизвестно, свидятся ли они когда-нибудь вновь?

Проехав деревню, конвойные перестроились: теперь один верховой ехал впереди, второй – позади телег. Под этим эскортом переехали широкую дорогу, соединявшую две деревни, и, минуя их, по проселочной дороге проехали через Каменный лог и выехали на широкое равнинное поле за селом Месягутово, на котором стоял большой обоз – целый табор из десятков телег с ссылаемыми людьми. Взрослых мужчин среди них не было, только женщины, дети и подростки. Это были ссылаемые люди, свезенные сюда со всего района. Вновь

привезенных спрашивали: «Из какой деревни?» – и сами отвечали: «Мы из Дувана», «Мы из Тастубы», «Мы из Ярославки», «Мы из такой-то... из такой-то...»

Операция по «массовому выселению кулацко-белогвардейского элемента» оказалась грандиозной. О коллективизации, раскулачивании написана гора книг, художественных произведений и исторических исследований. О «полной очистке» местностей от «кулацко-белогвардейского элемента» в 1931 г. в литературе встречаются лишь редкие беглые упоминания. Между тем, она имела массовый характер, затронула тысячи людей, сопровождалась обычными для того времени «перегибами» и «извращениями», и заслуживает серьезного внимания, обстоятельного, подробного изучения историками и литераторами.

В таборе спецпереселенцев, из разговоров с ранее приехавшими, мать и бабушка узнали, что тем при высылке было разрешено взять по два пуда вещей на каждого человека. Достоверность этого подтверждала лежавшие на телегах у них огромные мешки, баулы и свертки, несоразмерные с жалкими котомками на телегах матери и бабушки. Мать пришла в отчаяние от явного обмана своими односельчанами, о комиссии и деревенских руководителях говорила:

– Жулики, мошенники! Обобрали чуть не до нага. Как жить будем? Что носить будем? Как будем обходиться без посуды?

Бабушка высказывалась более резко:

– Подлецы. Мерзавцы. Супостаты. Ироды. Псы ненасытные. Даже детей не пожалели, всё хватали, хватали. Зачем им нужна разная мелочь, наша шарбора? Подмели подчистую. Бог их накажет. Накажет! Гореть им в геенне огненной!

Дети не осознавали заботу матери и бабушки о будущем семьи, но видели справедливость бабушкиной оценки деятельности хозяйничавших в их доме весь день наглых членов комиссии, описывавшей имущество, и местных руководителей.

Стало смеркаться. На телегу, на которой находилась мать с ма-

лолетками, сел знакомый деревенский парень-комсомолец, сын Дарьи Периной. В руках у него было ружье, с которым он долго играл, выполняя различные приемы, а затем выстрелил из него в воздух. В таборе началась паника. Раздались крики: «Банда! Напали бандиты!» Вокруг табора помчались всадники, один из них надрывно кричал: «Тревога! Тревога! В ружье! Занимайте оборону!» Но никакие бандиты не появлялись, табор начал успокаиваться.

Стали искать виновника, который стрелял и вызвал панику, и скоро добрались до телеги, где сидел деревенский комсомолец. Он не стал отрицаться и сразу сознался, что стрелял он. Начался допрос:

– Зачем стрелял? Кто разрешил?

Комсомолец (он был из бедняцкой семьи) беспечно отвечал:

– Развлекался. Надоело скучать. Говорили: пойдем сражаться с бандитами. А что вышло? Должен караулить баб и малолетних ребятишек. Это комсомольское дело?

Руководители конвоя стали поучать его:

– Тебе дали ответственное комсомольское поручение. Ты должен гордиться оказанным доверием. А ты подводишь нас, вызвал общий переполох. Обсудим тебя на комсомольском собрании, а, может быть, и исключим из комсомола.

– Ну и исключайте. Нужен мне такой ваш комсомол.

Ему приказали сдать ружье и отправили его домой, чему он был явно рад. Он отдал ружье и тут же пошел домой, растаяв в темноте.

Летняя ночь была теплой. Ночью семья спала на телегах, укрывшись сбереженным одеялом и тем, что нашлось в котомках. Рано утром, едва рассвело, табор подняли на ноги. Конвоиры торопили ссыльных собираться в дорогу, говоря, что предстоит дальний переезд. Было объявлено, что их повезут на железнодорожную станцию. Вскоре табор поднялся с места и двинулся в путь, спереди, сзади и по сторонам его ехали конвойные с ружьями.

В первой небольшой деревне, через которую проезжали ранним утром, на улицах людей было мало.

Дети: Дима, Павел, Мария.
Фото 1936 г.

Они с удивлением смотрели на телеги с ссыльными женщинами и детьми и сопровождавших их конвойных. Некоторые забежали к себе домой, брали хлеб и что-нибудь из пищи и, несмотря на окрики и брань конвойных, отдавали их ссыльным.

В следующей деревне, с русско-башкирским населением, картина повторилась. По-видимому, там уже знали, что через их деревню провезут ссыльных. Народу на улицах было много. Видя на телегах одних женщин и детей, вышедшие на улицу кричали конвоирам: «Куда их везете?», «Сволочи!», «Шайтаны!», сыпали в их адрес разные ругательства. Конвоиры стали гнать лошадей, чтобы как можно быстрее проехать через деревню. Кони уже бежали рысью, несмотря на это жители успевали подскочить к телегам и передать ссыльным хлеб, лепешки, пироги или шаньги. Одна башкирка, увидев телегу, на которой ехали мать с малышами, бросилась к ним между лошадьми конвоиров и из чутунки, который был у нее в руках, высыпала на платок матери еще горячую картошку.

Следующим на пути было большое село, где обоз со ссыльными женщинами и детьми уже ждали. Все улицы были запружены народом, который вышел поглядеть на предстоящее зрелище. Конвоирам буквально пришлось расчищать

путь для проезда обоза. Впереди ехавшие конвойные размахивали плетками и кричали: «Дорогу! Дайте дорогу! Разойдись! Разойдись!». Ехавшие рядом с телегами конвойные усердно подгоняли лошадей, чтобы как можно быстрее проехать через село. Кони мчались рысью, жители, облепившие обоз, несмотря на угрозы и окрики конвойных, совали ссыльным хлеб, лепешки, пироги, шаньги, другую пищу. Раздавались мат, крики: «Мерзавцы! Куда вы их везете? Негодяи! Подлецы! Подонки! Легавые!» Неприязненность, враждебность толпы, простых людей к конвоирам и их явное сочувствие к ссылаемым женщинам и детям, приободрили ссыльных, подняли их мрачное настроение.

С трудом пробравшись через село и отъехав от него на две-три версты, обоз свернул с дороги и остановился на большой поляне. Был полдень. Конвойные отказались ехать дальше. Руководители конвоя собрались в кружок на совещание и решили переждать до темноты. С наступлением сумерек обоз двинулся дальше. Ночью проехали через две спящие деревни. Народу на улицах было немного, некоторые жители, услышав едущий обоз, выходили через калитки на улицу, в других домах открывались окна и любопытные пытались посмотреть, кого везут. Конвоиры, сопровождавшие обоз, кричали: «Дорогу! Дорогу! Освободите улицу! Уходите домой! Закрывайте окна!», – щелкали кнутами, били нагайками по окнам.

Утром обоз был на железнодорожной станции, где ссыльных уже ждал поезд с красными товарными «стольпинскими» вагонами. Началась подготовка к посадке в вагоны. Толстый, низкорослый начальник шел по перрону и командовал: «Первый «Стольпин». Сорок человек! Всё, хватит. Осадите назад!» «Второй «Стольпин». Сорок человек!» «Третий «Стольпин». Сорок человек!» И шел дальше. Последовала команда: «Приготовиться к посадке!» Открыли двери вагонов, раздались команды: «По вагонам! Садитесь, грузите вещи!»

Бабушка первой вскочила в вагон и заняла место на нижних и верхних нарах с небольшим зарешеченным

окошечком. За ней в вагон полезли дети и мать, волоча за собой котомки. Вслед за ними в вагон влезали остальные люди, назначенные к посадке в этот вагон, загружали в него мешки, баулы и различные свертки, устраивались и укладывались на местах, на которых им предстояло отправиться в неизвестный путь. Споров никаких не возникало, люди теснились, помогая друг другу.

Дима смотрел в открытую дверь и увидел: по перрону по четыре человека в ряду шла колонна заключенных-мужчин, которых вели шедшие рядом с колонной конвойные красноармейцы с винтовками со штыками наперевес. Когда колонна проходила около какого-либо вагона, от нее отделялось несколько мужчин, они присоединялись к находившимся в вагоне ссыльным, а колонна шла дальше. Посредине колонны Дима увидел отца. На голову выше остальных заключенных, голубоглазый, он шел и улыбался.

– Мама, – закричал Дима, – смотри – наш тятя!

– Какой тятя? Откуда ему здесь взяться? – сказала мать, не веря Диме. Но бабушка тоже увидела отца.

– Саня, – воскликнула бабушка, – да смотри же ты вон туда. Правда, идет Вася.

Колонна поравнялась с вагоном, в который погрузилась семья. Увидев родных, отец отделился от колонны и присоединился к своим. Малышня бросилась к отцу на шею, как гроздь повисли на нем. Мать и бабушка плакали от радости. Бабушка говорила: «Слава богу, теперь мы снова все вместе. Теперь с нами Вася. Теперь нам ничего не страшно!» Радости семьи не было предела.

Откуда и как появился отец при посадке семьи на поезд?

ГЛАВА 4. АРЕСТ И СЛЕДСТВИЕ

Арест – задержание, заключение под стражу подозреваемого.
Уголовный кодекс РСФСР.

– Привезли. Принимай очередного.

Дежурный по райотделу милиции посмотрел на привезенного арестованного.

– Почему ездили так долго? Уехали утром, а вернулись только вечером? При аресте сопротивлялся?

– Не сопротивлялся. Приехали к нему, его нет дома. Сказали, что уехал с колхозниками в поле. Мы к председателю колхоза. Он говорит, что приказал ему сидеть дома, но он не послушался и уехал работать в поле. Куда уехал – никто не знает. Приехали в поле к одной бригаде – его там нет, приехали ко второй бригаде – тоже нет. Ну, думаем, наверное, каким-нибудь путем узнал об аресте и сбежал. Приехали к третьей бригаде – он там покойненько работает на сенокосе. Посадили его к себе на тарантас и привезли. Вот и ездили по полям весь день.

– Вам повезло. Недавно привезли двух буйных, при аресте сильно избили одного нашего милиционера. Отведите арестованного к следователю, он его ждет.

Следователь, сидевший в небольшой грязной комнатухе, сверил анкетные данные арестованного:

– Гаврилов Василий Васильевич. Год рождения – 1893. Родился там-то, женат, дети и т.д. Всё сходится. Гаврилов Василий Васильевич, вы арестованы по обвинению в принадлежности к подпольному контрреволюционному обществу. Признаете себя виновным?

– Нет, не признаю. Ни в каком подпольном обществе не состоял, никакого контрреволюционного общества не знаю.

– Все арестованные так говорят. Следствие разберется.

Следователь приказал отвести отца в камеру. Она была уже плотно набита арестованными. На вновь прибывшего набросились с вопросами: кто такой? за что арестован? Отец отвечал, что арестовали за принадлежность к какому-то подпольному обществу, о существовании которого он ничего не знает. Его рассказ никого не удивил: оказывается, что многим из арестованных предъявлено такое же обвинение. Мужики из соседнего села Сикияз в голос уверенно заявляли, что тоже не знают, за что их арестовали, ни о каком подпольном обществе они не знают, что всё это

«придуманно чекистами», но чекисты «до ничего не докопаются, следствие окончится ничем, и всех их отпустят домой».

Арестованные сидели в камере день, второй, третий, но никого на допросы не вызывали. Однажды отец услышал, что один из милиционеров назвал другого по фамилии Омельков. Выбрав момент, когда около него не было других милиционеров, отец спросил его:

– Ты из деревни Омельково? А знаешь Афанасия Степановича Омелькова?

– Это мой родной дядя. А Вы откуда его знаете?

– В германскую служили в одной роте. Как он сейчас поживает?

– Нормально. Как все. Работает в колхозе.

– Почему никого из арестованных не вызывают на допросы?

– Ждут из центра следственную комиссию. Зверская комиссия. Говорят, работает «контеером». Что такое, я не знаю.

– «Конвейером». Я знаю, что это такое. Спасибо за всё. Передай привет от меня Афанасию Степановичу.

– Обязательно передам.

В 1920–1921 гг. отца, вместе с группой других грамотных солдат (окончил два класса земской школы), не демобилизовали, а направили для продолжения срока воинской службы в милицию. Они конвоировали арестованных, но главной их задачей была борьба с самогонварением. Милиционеры ездили по деревням, отбирали у крестьян самогонные аппараты и конфисковывали самогон. С молчаливого одобрения начальства, озабоченного тем, как прокормить подчиненных, они действовали таким образом: из конфискованных четырехлитровых бутылей с самогоном одну-две бутылки публично, при свидетелях, разбивали, а остальные бутылки с черного хода продавали тем же крестьянам.

Краткосрочная служба в милиции, кроме фокусов с самогоном, о которых отец рассказывал с юмором, познакомила его с методами милицейской работы того времени. Арестованных не били, это было строжайше запрещено, но им не-

сколько суток не давали спать, непрерывно допрашивали до тех пор, пока они не сознавались в преступлениях. Такой допрос назывался «конвейером», его применяли очень редко, и редко кто его выдерживал.

Отец также знал, что если арестованные во время следствия подписывали протокол допроса с признательными показаниями, а потом на суде отказывались от них, ссылаясь на несправедливость следователей или применение к ним насилия, суд всегда, без какой-либо проверки, отвергал все такие жалобы.

Прошло еще несколько дней. Наконец, приехала следственная комиссия, арестованных стали водить на допросы. Подошла очередь отца.

Первый следователь, к которому он был вызван, был высокий, здоровый детина с открытым русским лицом, широкоплечий, с пудовыми кулаками. Он сидел за столом и, хмуро посмотрев на арестованного, начал выяснять анкетные данные: фамилия, имя, отчество, год рождения, место жительства, состав семьи.

Отец с раннего детства был заикой, в молодости заикался сильно, позже – реже, в пожилом возрасте – очень редко. Он начал с заиканием рассказывать следователю:

– Г-гав-рилов Вас-с-илий Вас-с-ильевич. Живу в де-де-ревне Озеро. Ж-ж-енат. В с-семье восемь ч-ч-ело-век: к-к-кроме самого, ж-жена, т-теща, пять де-тей: Алек-с-сей, Мария, Павел, Д-д-митрий, Елена.

Перечень членов семьи утомил следователя и взорвал его:

– Мерзавец! Сволочь! Мошенник! Твою мать...

Он так грохнул по столу кулаком, что на столе подпрыгнули письменный прибор и всё, что на нем находилось, и разразился грубой руганью:

– Подлец! Негодяй! Нашкодите, напакостите, а как предстанете перед революционным судом, сразу теряете дар речи, начинаете заикаться. Тварь! Подонок! Мать твою...

– Гражданин следователь, к-когда я был м-маленький, двух лет, напал г-гусь и с-сильно

и-искус-сал, я оч-чень и-испу-гался и стал за-заи-икаться. Б-б-абки лечили от за-заи-икания, но ничто не п-помогло. Заи-заи-каюсь до сих пор.

– Нахал! Дрянь! Паршивец! – снова загредел следователь. – Прикидываешься заикой. Но у тебя этот номер не пройдет, выясним и разоблачим. Выясним! Разоблачим!

Следователь заглянул в лежащую на столе бумажку, и стал грозно задавать один за другим вопросы:

– Почему агитировал против вступления в колхоз? Выступал на собраниях, призывал не вступать в колхоз, распродавать имущество?

– Гражданин с-с-следователь, о-ора-тор из м-меня п-плохой. На с-собраниях никогда не выступал. П-проверьте по п-прото-к-колам, с-спрос-сите людей. Против с-советской в-власти и против к-кол-хоза никогда никому ничего не г-говорил. П-покажите, кому я г-гово-рил не вступать в к-кол-хоз?

– Кретин! Мошенник! Ты еще будешь учить меня, кого и о чем спрашивать? – снова захохотал следователь. – Не беспокойся, всё проверим и выведем тебя на чистую воду! Что ты делал 17 мая прошлого года на Михайловской мельнице?

Вопрос насторожил отца: к чему тут какая-то мельница? Наверное, там был совершен какой-нибудь теракт или убили кого-нибудь, и теперь следствию нужно притянуть к этому делу и его. Он твердо отвечал:

– Никогда не был на этой мельнице.

Ответ разозлил следователя:

– Недоумок! Идиот! Урод! – он разразился новыми ругательствами. – Люди видели тебя на этой мельнице. Что ты там делал? Где мелете свою муку?

– Гражданин следователь, я никогда не был на этой мельнице. Как кто-то мог меня там видеть, если я никогда там не был? Когда жили одиноличниками, хлеб мололи на своей мельнице, а после вступления в колхоз муку сами не мелем, мелет колхоз для всех колхозников.

– Проверим, проверим! – грохотал следователь. – Найдем свиде-

телей! Разоблачим! Почему при вступлении в колхоз не сдал лошадей и инвентарь? Обманул колхоз и государство. Паршивец! Мразь! Куда ты их дел? Продал?

– Сдал в колхоз двух лошадей – Лысуху и Рыжуху и жеребенка. Как можно было вступить в колхоз, не сдав лошадей? В деревне всё на виду, все знают, у кого что есть. Мои лошади работают сейчас в колхозе. Недавно заходил на конный двор. Лошади увидели меня, радостно заржали, подбежали ко мне. Дал им по ломтю хлеба. За лошадьми ухаживает Мишка Перин, хороший конюх, любит лошадей, доглядывает за ними. Поезжайте в колхоз, вам покажут бывших у меня лошадей.

– Проверим, проверим! Всё проверим, всё докажем! Ты любовью к лошадям меня не заговаривай! Выродок! Подонок! Дрянь! Может лошадей ты и сдал, а перед вступлением в колхоз всё свое имущество разбазарил. Хитрый: спущу что есть, а кормить меня и семью колхоз будет. Паразит! Гад ползучий! Гадина! Такие вот колхозы разоряют. Мать твою... Кретин, мерзавец и паскуда! За всё ответишь по строгости закона!

– Гражданин следователь! Ничего я не разбазаривал. Сдал в колхоз плуг, три деревянные бороны, жнейку-сброску, два улья рамочные с пчелами, пшеницы 110 пудов, овса 52 пуда, ржи 10 пудов, озими один переезд. Какое имущество обобщали – всё сдал.

– Я всё записал. Думал – наврешь, тебе так и поверят? Всё проверим, посмотрим, что наврал. Отвечать будешь по строгости закона за всё, за каждое слово. Смотрите: он святой и праведный, ничем не замаран. А вредил тайно, тихой сапой? Почему вошел в подпольный террористический кружок? Готовили свержение советской власти? Отвечай, поганец!

– Ни в каком контрреволюционном кружке я не состоял, никакой подпольной организации не знаю.

– Докажем! Мать твою...

Последовал новый трехэтажный мат. Допрос продолжался 8 часов. Следователь требовал стоять перед ним навтыжку, виртуозно матерился, непрерывно сыпал ругательства, стучал кулаком по

столу. Это был или искусный актер, или в нем кипела пролетарская злость к «врагам народа». Измотанный отец, вернувшись в камеру, разделся и лег спать, но уже через несколько минут раздалась команда: «Гаврилова – к следователю!», и его снова повели на допрос. Он понял: попал в «конвейер». Теперь – только держись, не поддавайся запугиванию, сохраняя свои физические и умственные силы.

Второй следователь, в отличие от буйного и громогласного первого следователя, оказался спокойным, рассудительным человеком, причем, по-видимому, равнодушным к исходу следствия, поскольку ему, конечно, заранее были известны его результаты. Стол следователя был завален книгами и газетами, которые он подолгу читал и делал из них какие-то выписки. Может быть, он где-то учился заочно, или готовился к какому-нибудь докладу. Он не интересовался колхозными делами и имуществом арестованного, а налег на выпытывание сведений о подпольном контрреволюционном обществе.

Последовали вопросы:

– Когда вступил в преступное сообщество? Кто вовлек тебя в преступную организацию? Кто руководил вашим кружком? Сколько членов в нем состояло? Что ты делал на Михайловской мельнице 17 мая прошлого года? Какая связь была у кружка с городом? Кто ездил в город для установления связи? Кто из членов кружка ездил в город по каким-нибудь личным делам? Знаешь такого-то, такого-то, такого-то? Он называл фамилии и имена живших в Сикиязе мужиков и выпытывал, что отец о них знает.

На все вопросы арестованный отвечал:

– Не был. Не знаю. Незнаком с ним.

После нескольких вопросов следователь разрешил сесть, хорошенько подумать и говорить только правду, а сам погружался в свои бумаги. Через более или менее продолжительное время снова раздалась его команда:

– Встать! Отвечайте на вопросы.

Но опять слышал в ответ то же:

– Не был. Не знаю. Незнаком.

– Какой ты упрямый и непонятливый, – говорил следователь. – Есть неопровержимые данные об участии тебя в кружке. Чистосердечные признания позволят следствию просить о смягчении тебе наказания. Получишь по минимуму.

Но арестованный продолжал стоять на своем.

Следователь долго писал, а затем дал подписать протокол допроса.

Отец внимательно начал его читать:

– Почему вы написали, что я плохо знаю такого-то, потому что он живет в соседней деревне? Я его совсем не знаю. Он мне не кум, не сват, не брат. Никогда с ним не встречался. Вы написали, что я забыл, был ли я на Михайловской мельнице? Что значит, забыл: может, не был, а может – и был, но забыл? На этой мельнице я никогда не был. Такой протокол я не подпишу.

– А какой подпишешь?

– Такой, где правильно запишите мои ответы.

– Запишу все твои «нет, не был, не знаю», а потом подошью эту бумагу в папку? Кому она будет нужна?

Он скомкал протокол и бросил его в мусорную корзину.

– Запишу, что ты отказался подписывать протокол допроса.

– Пишите. Ваше дело.

Допрос шел 8 часов. Утомленный отец, как только его привели в камеру, не раздеваясь, лег спать и мгновенно заснул. Но поспать долго ему не удалось. Через десяток минут его разбудили и повели на новый допрос.

Третьим следователем оказался седой, благообразный, блаженный старичок, каких в народе называют «божьими одуванчиками». Он являлся председателем следственной комиссии. Старичок был необыкновенно вежлив и обходителен, говорил мягким, ласковым, слащавым голосом. Всем своим поведением старичок показывал, что он – сплошная доброта.

– Мил человек, Василий Васильевич, – обратился он к арестованному, – мы знаем, что ты хороший человек, в твоей деревне

отзываются о тебе хорошо. Эти злодеи насильно вовлекли тебя в контрреволюционную организацию. Помоги революционному следствию разоблачить негодяев, мы простим тебе ошибки, освободим из-под ареста, опять вернешься к семье. Кто из них имел оружие? Где оно спрятано? Какая связь была у них с городом? Какие у них были планы? Что они собирались делать после захвата власти в свои руки ими и их сторонниками?

Но ласковый тон и сердечная заботливость главного следователя не подействовали нужным образом на арестованного:

– Ни в какой контрреволюционной организации я не состоял, никакого подпольного кружка не знаю, – отвечал арестованный. – Не знаю, кто у них был в кружке, не знаю, есть ли у кого из них оружие. Да и как я мог это знать, если никого из них я не знаю?

Но главный следователь, почетный чекист, был настойчив, был опытным, умелым искусителем:

– Экий ты неговорящий! Мил человек, ты не понимаешь своего выгодного положения. Все члены кружка арестованы, признались в своей вражеской деятельности, подписали признательные показания. Скажи нам, где у них спрятано оружие, обезвредим это осиное жало в теле революции, и мы тебя освободим.

– Но я же вам уже столько раз говорил, что не знаю никого из членов кружка. Не знаю, было ли у них оружие и где оно спрятано.

– Мил человек, как ты мог ничего не знать, если об этой банде говорила вся деревня?

– Может кто-нибудь и говорил, а я этого не знаю. Спрашивайте тех, кто об этом говорил.

– Жаль, мил человек, что не хочешь оказать революционному следствию содействие в разоблачении врагов советской власти, – сокрушался главный следователь. – Помоги найти спрятанные винтовки. Ты так бы нам помог. Мы бы тебя отблагодарили.

– Как я могу вам чем-то помочь, если я ничего не знаю? Ваша работа – вы и ищите, разоблачайте.

Допросы следовали непрерывно, один за другим, без остановки.

Первый следователь на каждом допросе неустанно матерился, сыпал ругательства, стучал кулаком по столу, выпытывал мелкие подробности о работе в колхозе и имущественном положении:

– Прикидываешься середняком, а имел две машины – жатку и льномялку. Плут, пройдоха, обманщик! Хочешь обдурить следствие? Не выйдет, мать твою...

Отец терпеливо опровергал обвинения:

– Жатку-сброску, подержанную, купил накануне германской войны у соседа. Таких жаток в деревне было несколько десятков. У других были и более сложные машины – сноповязалки, их в деревне было семь. Серпами уже никто не жнет, не старое время. А как жнут на жатке? Запряжешь лошадей, сидишь на жатке – косишь, хлеб ложится на полотно, а как накопится много, ты вилами его сбрасываешь на землю. За день намахаешься так, что руки и плечи болят. Такая механизация. Жатку сдал в колхоз.

Пришлось объяснять устройство льномялки:

– Льномялка – ручная самоделка. Три доски, на одном конце они соединены осью, на противоположном конце – соединены друг с другом только две крайние доски, а к третьей приделана ручка, за эту ручку доску поднимают вверх, а затем опускают вниз. Между досок, под поднимающуюся и опускающуюся доску, кладут лен, мнут его. Вот и вся механизация.

– До колхоза все сеяли понемногу лен, мяли его, пряли, делали холсты, шили холщовую одежду. Колхоз лен не сеет, льномялки ему не нужны. Льномялку в колхоз не сдавал, никто не просил, если она им нужна, в любое время могут прийти и взять, она лежит во дворе под крышей.

Следователь выслушивал объяснения, что-то записывал, снова следовали:

– Мерзавец! Сволочь! Негодяй! Подонок! Дрянь! Всё проверим! Докажем! Докажем! Мать твою...

Затем он переходил к новой придирке и начиналось то же самое. Правда, отец заметил, что накричавшись и наругавшись, следо-

ватель вторично уже не возвращался к этому вопросу.

Второй следователь каждый раз убеждал подписать признательные показания о принадлежности к преступному сообществу и говорил о бесполезности запирательства. Он уверял, что как только он подпишет признательные показания, его не будут больше вызывать на допросы, он не будет больше напрасно мучить себя и следователей. Третий следователь, милый старичок, председатель следственной комиссии, был по-прежнему вежлив и внимателен, каждый раз долго и назойливо выпытывал о спрятанном оружии и просил арестованного подписать показания, что он якобы слышал разговор о спрятанных членами кружка винтовках.

Теперь отец, придя с очередного допроса, не раздеваясь, ложился спать, чтобы урвать для сна хотя бы несколько минут. Когда его конвоировал Омельков, тот не сразу будил отца, давал ему поспать 10–15 минут, а на ворчание следователя, почему долго не вели арестованного, придумывал какие-нибудь причины. Да и другие конвоиры стали относиться к нему мягче, не торопили, не подгоняли, не тыкали в спину прикладами.

Отец заметил, что из камеры один за другим исчезали заключенные и при удобном случае спросил о них у Омелькова. Тот ответил:

– Как только кто подписывает признательные показания, того сразу переводят в отдельную камеру. Будут отправлять в тюрьму.

Непрерывные допросы продолжались четверо суток. Арестованный уже еле держался на ногах от недосыпания, усталости и стояния навьтяжку перед следователями, голова кружилась, но он по-прежнему был тверд, не подписал ни одного протокола.

На последнем допросе председатель следственной комиссии сказал:

– Напрасно мучил комиссию столько времени. Думал: прикинусь ничего незнающим, с меня всё сойдет. Не выйдет! Завтра сделаем очную ставку и разоблачим тебя.

(Продолжение следует).

В

Владимир Петрович ТИМОШЕНКО
(20 августа 1959 – 23 июня 2016)

Ушел из жизни замечательный человек, ученый, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, член редакционного совета журнала «Веси» Владимир Петрович Тимошенко.

Детство и школьные годы его прошли в с. Константиновка Татарского района Новосибирской области. В 1977 г. Владимир Петрович поступил на гуманитарный факультет (отделение истории) Новосибирского государственного университета и через пять лет успешно окончил его. Свою научно-преподавательскую деятельность он начал в Новосибирском университете, пройдя путь от ассистента до доцента, в 1987 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию.

В 1989 г. Владимир Петрович по приглашению директора-организатора вновь создаваемого Института истории и археологии УрО РАН академика В.В.Алексеева переехал на Урал и сразу же активно включился в работу по развитию новых направлений исторических исследований. За короткий срок он разработал новую и чрезвычайно актуальную для того времени научную проблему – история внешнеэкономических связей Урала в первой половине XX в. Результатом этой работы ученого стал выход в свет в 1991 г. монографии «Урал в мирохозяйственных связях. 1917–1941 гг.», которая получила широкий научный и общественный резонанс, позволила ему утвердиться в качестве одного из ведущих историков, разрабатывающих уральскую тематику, обрести немало учеников, соратников и последователей. Широкий научный кругозор, эрудиция, исследовательский и организаторский талант позволили старшему научному сотруднику В.П.Тимошенко внести существенный вклад в изучение еще целого ряда крупных проблем экономической истории России – разработки и реализации стратегии индустриализации СССР, моделей взаимодействия государственного и частного капитала в период НЭПа, влияния зарубежной техники и технологии на динамику экономического развития страны, роли ресурсного фактора в экономическом развитии

Урала и Сибири. Научный поиск Владимира Петровича всегда отличало подчеркнутое внимание к истории как сокровищнице бесценного опыта, который может и должен быть использован для лучшего осмысления процессов реформирования, происходивших в стране с начала 1990-х гг., извлечения важных исторических уроков.

С 1997 по 2004 гг. В.П.Тимошенко работал в Уральской академии государственной службы, где возглавлял Информационно-аналитический центр региональной политики, стал организатором ряда крупных научных конференций, автором и редактором многих научных работ, посвященных внешнеэкономической политике регионов Урала, региональной безопасности, формированию государственных границ на юго-востоке страны, истории административного устройства и управления в России. При этом Владимир Петрович никогда не терял творческих научных связей с Институтом истории и археологии. В 1998 г. в его стенах В.П.Тимошенко защитил докторскую диссертацию на тему «Исторический опыт мирохозяйственных связей Урала. 1917–1941 гг.».

В 2004 г. Владимир Петрович вернулся на работу в Институт истории и археологии, принес с собой серьезный научный задел по исследованию российской и советской стратегии освоения Арктики. В этом же году он был назначен директором вновь созданного Ямальского филиала ИИиА УрО РАН. Проводя исследования по истории Ямала и приобщая к этой тематике многих коллег по институту, Владимир Петрович внес неоценимый вклад в развитие научно-организационных связей зарождающейся ячейки академической исторической науки на Ямале с большой уральской наукой. За время функционирования Ямальского филиала ИИиА УрО РАН (2004–2008 гг.) было издано более 40 монографий и сборников статей по истории освоения Ямала и проблемам Арктики, проведено несколько крупных конференций. Во многом благодаря усилиям В.П.Тимошенко, в последующем на базе Ямальского филиала ИИиА УрО РАН в Салехарде сложился самостоятельный региональный Научный центр изучения Арктики, ко-

торый продолжает поддерживать широкие научные связи с уральскими историками.

В 2008 г. В.П.Тимошенко был избран главным научным сотрудником сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН. В последние годы его исследовательские интересы были связаны с рядом перспективных научных тем. Среди них – изучение исторического опыта советской индустриализации, в первую очередь, крупных проектов ресурсного освоения на Урале и в Сибири, а также исследование институциональных механизмов советского индустриального «рывка» 1930-х гг. и их актуализация в свете современных задач модернизации российской экономики. В сотрудничестве с немецкими учеными Владимиром Петровичем была начата разработка проблемы роли топливно-энергетического фактора во внешнеэкономическом и внешнеполитическом взаимодействии Российской Федерации и Германии. В рамках совместной академическо-вузовской программы проведены исследования по истории экономических связей Урала с республиками советской Средней Азии (ныне независимыми государствами), что особенно актуально в свете набирающих сегодня силу процессов евразийской интеграции. Среди любимых тем Владимира Петровича осталась и тема истории изучения и освоения Арктики. Дважды грантовую поддержку РГНФ получила начатая В.П.Тимошенко тема «Советский опыт освоения Арктики».

Внезапная смерть прервала эти замечательные научные начинания В.П.Тимошенко, но они, без сомнения, будут продолжены коллективом института, поскольку, помимо научного дерзания, Владимир Петрович обладал прекрасным талантом человеческого общения и даром убеждения, умел заражать своих коллег и товарищей смелыми научными идеями. Он умел поддерживать товарищей в любой трудной ситуации и быть терпимым к их слабостям. Щедрым и безотказным к любым просьбам и поручениям, остроумным и доброжелательным останется Владимир Петрович Тимошенко в нашей памяти.

Друзья и коллеги по работе.

ГОРОД ТРШЕБОНЬ – СТОЛИЦА «ЗЕРКАЛЬНОГО КРАЯ»

Сергей ДРАЧУК

**Кандидат
биологических наук
г. Екатеринбург.**

Чешский город Тршебонь расположен в 26 км восточнее города Ческе-Будеёвице. Этот небольшой город в Южной Богемии с населением не более десяти тысяч человек не относится к числу наиболее посещаемых российскими туристами достопримечательностей, таких как Чешский Крумлов или Глубока-над-Влтавой. Тем не менее, Тршебонь имеет древнюю историю, интересный природный ландшафт, большое количество архитектурных памятников и является важным центром культурной жизни. Еще в Средние Века трудолюбивые жители на месте болот создали огромное количество прудов для разведения рыбы, поэтому тршебоньский регион можно, без преувеличения, назвать «Зеркальным краем».

ОСНОВАНИЕ ГОРОДА. ПРАВЛЕНИЕ РОЖМБЕРКОВ

Поселение на месте нынешней Тршебони возникло в конце XII столетия. Эти земли в награду за службу королю получил Витек из Прчице. С именем Витека связано немецкое название Тршебони – Виттингау (от чешского Виткув Луг). После раздела владений Витека между его сыновьями это поселение перешло к Ландштейнам, ветви рода Витковцев, имевших на гербе белую розу. В 1341 году поселение Виттингау получило статус города.

В 1366 году земли вокруг нынешней Тршебони приобрели Рожмберки, представители другой ветви Витковичей, герб которых украшала красная пятилепестковая роза. Рожмберки (Розенберги) оказали огромное влияние на развитие

города, они владели тршебоньским панством до 1611 года. Символ Рожмберков, красную розу, можно и сегодня видеть на гербе города. Во второй половине XIV века за городом закрепилось его нынешнее название Тршебонь, которое, вероятнее всего, происходит от чешского слова «tribit», которое означает «совершенствовать, шлифовать», так как в средневековье здесь добывали лес и занимались деревообработкой. В это же время вокруг города были возведены укрепления, надежно защищавшие во времена Гуситских войн.

Наивысшего расцвета город Тршебонь достиг в XVI и в начале XVII веков во времена правления братьев Вилема и Петра Вока Рожмберков. Большое внимание уделялось развитию рыбоводства и созданию прудов, так как сильная обводненность тршебоньской котловины обеспечивали широкие возможности для создания искусственных водоемов.

Вилем Рожмберк (1535–1592) носил титул владаржа рожмберкского дома, символизировавший неделимость владений этого южночешского аристократического рода. Кроме того, он занимал важные государственные должности в Священной Римской Империи. Он был высочайшим коморником и высочайшим бургграфом Чешского королевства, неоднократно выполнял сложные дипломатические поручения императора Максимилиана II. Главной резиденцией Вилема был Чешский Крумлов, поэтому наибольшее внимание уделялось Крумловскому замку, который был перестроен в ренессансном стиле. Вилем также организовал восстановление города Тршебонь и Тршебоньского замка после

Герб города Тршебонь и портрет Петра Вока Рожмберка – с сайта Википедия (<https://ru.wikipedia.org>).

большого пожара 1562 года, для чего были приглашены лучшие архитекторы. Все четыре его брака оказались бездетными, после его смерти все владения унаследовал его младший брат Петр Вок.

Обладатель тройного имени Петр Вок Вольф Рожмберк (третье имя Вольф впоследствии обычно не употреблялось) родился в 1539 году. В молодости успел совершить путешествие в Голландию и Англию, затем проживал сначала в Вимперке, затем в Бехине, которые были переданы ему старшим братом Вилемом. Молодой Петр Вок был известен, главным образом, пирами и охотами, которые организовывал в своем имении. В отличие от Вилема, который всю жизнь оставался католиком, Петр Вок перешел в протестантизм, и, скорее всего, поэтому его карьера при дворе императора не состоялась.

Петр Вок унаследовал после Вилема не только титул рожмберкского владаржа, но и огромные долги, в счет погашения которых он продал многие владения: в 1600 году императору Рудольфу II был продан Дворец Рожмберков в Пражском Граде, в 1602 году к нему же перешел Чешский Крумлов. Епископ Леопольд из Пассау приобрел у Петра Вока в 1599 году город Хаслах на территории нынешней Австрии. Замок Гельфштун с городом Липник-над-Бечвоу в Моравии, города Прахатице, Миличин, Дештна, земли возле Собеслава и Табора, город Рыхлебы с замком Зильберберг в Нижней Силезии, а также замки Вимперк, Бехине, Хоустник были проданы представителям чешской аристократии.

Еще в 1594 году после участия в походе против турок Петр Вок начал укреплять Тршебонь, что впоследствии себя полностью оправдало. После продажи Чешского Крумлова он избрал Тршебонь в качестве своей главной резиденции.

В мае 1609 года Петр Вок выступал активным участником сейма чешских сословий, который вынудил императора Рудольфа II подписать «Грамоту величества», которая уравнивала в правах чеш-

Портрет Петра Вока Рожмберка.

ских протестантов с католиками. Однако в начале 1611 года император Рудольф призвал себе на помощь армию германских наемников из города Пассау под командованием епископа Леопольда. Взят штурмом заблаговременно укрепленный город Тршебонь им не удалось. Чтобы избежать разорения Южной Богемии и добиться ухода армии ландскнехтов Петр Вок выплатил им жалование, совершив по-настоящему благородный поступок. В уплату наемникам пошел фамильный клад серебра, при этом рожмберкский владарж, скорее всего, не рассчитывал на то, что кто-либо компенсирует ему огромную сумму в 150 000 золотых гульденов.

Единственный брак Петра Вока с Катержиной из Луданиц, страдавшей психическим расстройством, оказался бездетным. Последний представитель рода Рожмберков умер 6 ноября 1611 года в Тршебони и был похоронен в Вышебродском монастыре.

Последний владарж рожмберкского дома в настоящее время оказался одним из самых популярных деятелей чешской истории. В городе Тршебонь есть улица, названная

в честь этого ренессансного вельможи, в рыбных ресторанах этого города подается блюдо «Карп для Петра Вока». По республике курсирует скорый поезд «Петр Вок». Он является героем чешских фильмов и театральных постановок, например оперы «Сусанна Войиржова», повествующей о любви Петра Вока и простой дочери мельника.

В 2011 году в память четырехсотлетней годовщины с того момента, когда угас дворянский род Рожмберков, в Пражском граде проходила выставка, посвященная наиболее значимым их представителям. В Чехии были выпущены почтовая марка и памятная серебряная монета. При жизни Петра Вока считали гуманным и просвещенным правителем. По легенде, Петр Вок приказал палачу переехать в другой населенный пункт. Если вспыльчивый владарж собирался кого-нибудь немедленно казнить, то оставался шанс на принятие более взвешенного решения и помилование за то время, пока палач доберется до город. Собранная Петром Воком библиотека, для которой в Тршебони было построено специальное здание, насчитывала 11 тысяч томов и была лучшей дворянской библиотекой в Чехии в тот период. Он организовывал раздачу продовольствия бедным, основал протестантскую гимназию в Собеславе, оказывал финансовую помощь Карлову Университету в Праге. Несколько идеализированное представление об этом позднесредневековом феодале сформировалось видимо потому, что он выступал в качестве влиятельного защитника чешских протестантов в период, предшествовавший битве у Белой Горы.

ПЕРИОД ОТ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ. ШВАРЦЕНБЕРГИ

В первой половине XVII века на город обрушились не только бедствия Тридцатилетней войны, но также разрушительный пожар и

Чешская почтовая марка с портретами Петра Вока и Вилема Рожмберков

эпидемия чумы. После смерти Петра Вока город Тршебонь и тршебоньское панство перешли к его племяннику Яну Зринскому, однако и он умер в феврале 1612 года, и владения стали собственностью чешского дворянского рода Швамберков. В 1621 году после поражения чешских протестантов в битве у Белой Горы император Фердинанд II конфисковал у Петра III Швамберка замок и тршебоньское панство за поддержку антигабсбургского восстания. В 1660 году Тршебонь приобрели представители австрийского княжеского рода Шварценбергов. Это было их первым владением в Чехии, и со временем этот род превратился в крупнейшего землевладельца Богемии.

Новые владельцы способствовали развитию города, перестраивали замок, обновили примыкающий к замку парк, построили семейную усыпальницу. В связи с тем, что Шварценберги поддерживали мелких ремесленников, промышленность в этом городе значительного развития не получила. В 1883 году учитель Вацлав Гуцек вместе со своей дочерью Бертой основали частную грязелечебницу «Бертины лазне». Виттинггау стал известным курортом еще в XIX веке.

После Первой Мировой войны и после провозглашения независимости Чехословацкого государства в 20-х годах XX века в рамках земельной реформы значительная часть владений Шварценбергов была национализирована. В их собственности осталось само здание замка, которое они сдавали летом в аренду в качестве отеля. В 1940 году в замке разместилось местное отделение гестапо и летная школа Люфтваффе. После войны в 1945 году тршебоньский замок заняла национальная администрация, а два года спустя, в соответствии со специальным законом о национализации недвижимого имущества Шварценбергов, замок перешел в собственность Чехословакии.

ГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Мещанские дома в центре города Тршебонь, замок, Монастырь августинских каноников и сохранившиеся городские укрепления образуют замечательный архитектурный ансамбль. Первое упоминание о каменной крепости на месте нынешнего замка относится к 1374 году. В 1479–1482 гг. крепость превратилась в готический замок, сильно пострадавший в ходе пожа-

ра 1562 года. При Вилеме и Петре Воке Рожмберках архитекторы Ян и Антонио Эрицеры, а затем Доминик Кометта из Ектурна перестроили замок в стиле ренессанс в соответствии с последними требованиями итальянской моды. Стены замка были украшены в стиле сграффито. Это такой стиль росписи, когда местами снимается верхний слой штукатурки, чтобы был виден контрастный по цвету нижний слой. Роспись стен замка имитирует кладку из белых камней. В 1606–1610 гг. был создан флигель («Длинный коридор») длиной 110 метров, который уходил в северном направлении и служил как проход в монастырский костел. В XVIII веке во времена правления Шварценбергов южнее ренессансного замка были построены здания в стиле барокко для административных и хозяйственных целей. В настоящее время тршебоньский замок является одним из самых больших замковых комплексов в стране. Для посещения туристами доступны апартаменты Рожмберков и Шварценбергов. Большую часть замка занимает государственный архив, содержащий большое собрание документов по истории чешского государства.

Северо-западную часть исторического центра Тршебони занимает Монастырь августинских каноников, основанный в 1367 году, с готическим костелом св. Илии и Благословенной Девы Марии – Царицы Небесной. Особенностью тршебоньского храма является двухнефное архитектурное решение. В средневековье монастырь был признанным центром развития образования и живописи. Для костела в начале 1380-х годов был написан многочастный алтарь, одно из самых известных живописных произведений чешской готики. Имя художника осталось неизвестным, в настоящее время его называют Мастером Тршебоньского алтаря. В монастырском костеле находится очень почитаемая статуя Тршебоньской Мадонны, высеченная из известняка в конце XIV века.

Городские ворота были названы по городам, направления к кото-

рым они указывали. Чтобы попасть в город с южного направления, идущего от города Нове Грады, нужно пройти через Новоградские, а затем Свиненские ворота, названные в память Свиненского предместья. Готические Новоградские ворота со стрельчатой аркой были построены в первой половине XVI века, перед ними когда-то существовал подъемный мост. Свиненские ворота, построенные в 1571 году, имеют ренессансный фронтон, украшенный барельефами в виде арок, кроме того, ворота расписаны в стиле сграффито. Дорога, уходящая на восток в сторону города Йиндржихув Градец, проходит через Градецкие ворота. Они были построены в 1525–1527 гг. вместе с городскими стенами на восточной и северной сторонах Тршебони, свой современный облик эти ворота получили в 1875 году. На запад обращены Будеёвицкие ворота, построенные в 1605 году. Вдоль городских укреплений с востока и севера Тршебонь огибается канал Злата Стока. На южной стороне городских укреплений сохранились приземистые бастионы.

В центре города расположена площадь Масарика, по обе стороны которой можно видеть дома с ренессансными и барочными фасадами. Эти здания были построены после пожара 1562 года. Наиболее значимым объектом на площади является городская ратуша, возведенная в 1566 году. При реконструкции здания после пожара 1618 года к нему была пристроена четырехгранная башня высотой 31 метр с галереей, часами и куполом. Восстановление ратуши финансировал австрийский император Фердинанд II. В 1819 году двухэтажное здание было надстроено еще на один этаж.

В центре площади расположен ренессансный фонтан 1569 года. Десятигранный каменный бассейн фонтана изготовил мастер Йордан. В 1609 году фонтан дополнили каменной колонной с барельефами в виде масок, которые испускают струи воды. Около фонтана можно увидеть Марианскую колонну 1781 года в стиле барокко, изготовлен-

ную будеёвицким мастером Леопольдом Губером. На массивном трехгранном постаменте с фигурами св. Иосифа, св. Войтеха и св. Альжбеты установлена стройная пирамида с фигурой Девы Марии.

Одна из самых значимых городских достопримечательностей находится за пределами исторического центра города в парке возле пруда Свет. Речь идет об усыпальнице князей Шварценбергов. Это сооружение было построено Иоганном Адольфом II Шварценбергом по инициативе его жены Элеоноры. Над проектом работали известный австрийский архитектор Фридрих фон Шмидт, а также придворный архитектор Шварценбергов Домасиус Деворекский, известный участием в реконструкции замка Глубока-над-Влтавой. Двухэтажная неоготическая усыпальница была возведена в 1874–1877 гг. Для строительства использовались кирпичи, которые специально для этого производились в мастерской на берегу соседнего Опатовицкого пруда. При помощи особой технологии их поверхности придали структуру тесаных камней. В 2001 году вместе с Тршебоньским замком усыпальница Шварценбергов была внесена в список национальных памятников культуры Чешской республики.

ПРУДОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

На протяжении нескольких столетий история Тршебоньского края была неразрывно связана с рыбоводством. В настоящее время в регионе насчитывается более 500 больших и малых прудов. Первые пруды появились во второй половине XIV века. Выдающийся вклад в создание системы прудов в районе Тршебони внес Штепанек Нетолицкий (1460–1539). Под его руководством создавались не только пруды, например Опатовицкий, что в переводе с чешского означает «монастырский» пруд. Основной заслугой Нетолицкого считается создание канала, получившего название Злата Стока, т.е. Золотой Канал. Его строительство продолжалось 10 лет с 1508 года и было

завершено уже последователем Нетолицкого, Якубом Крчином. Этот канал, функционирующий и по сей день, имеет длину 45 км, отводит воду из реки Лужница недалеко от деревни Майдалена, а затем снова впадает в ту же реку возле населенного пункта Веселинад-Лужнице. Золотой Канал принес Рожмберкам, финансировавшим этот проект, огромную прибыль. Прежде всего, за счет притока воды, обогащенной кислородом, повысилась эффективность рыбоводства. В средневековых тршебоньских прудах и в настоящее время разводят карпов, без которых немислим рождественский праздничный стол в Чехии. Злата Стока служила для спуска воды при наводнениях, приводила в действие водяные мельницы, снабжала водой кожевенные производства, использовалась для сплава леса.

Дело Штепанека Нетолицкого продолжил уже упоминавшийся нами Якуб Крчин (1535–1604), управляющий тршебоньскими владениями Рожмберков. Созданный им в 1571–1573 гг. пруд Свет (в переводе означает «Мир») простирается в юго-западном направлении от Тршебони. Дамба значительно подняла пруд над уровнем города, что в то время вызвало недовольство и страх горожанок. При строительстве пруда пожертвовали Свиненским предместьем. Изначально Якуб Крчин назвал пруд Невдек («Неблагодарность»), т.к. строящаяся дамба постоянно оседала в болотистой почве. Некоторое время пруды Свет и Опатовицкий были объединены и имели общую площадь 360 га. В настоящее время площадь пруда Свет составляет 201 га. Помимо этого пруда на реке Лужница под руководством Якуба Крчина в 1584–1590 гг. был построен Рожмберк, самый большой пруд в Чехии, площадь которого достигает 500 га, а также канал Нова Ржека («Новая Река»), отводящий воду из реки Лужница в реку Нежарка для защиты дамбы Рожмберка в случае наводнения. Рядом с городскими воротами Тршебони установлен памятник Якубу Крчину, самому

знаменитому чешскому создателю прудов. После смерти последнего представителя Рожмберков и самого Крчина довольно продолжительное время прудовое хозяйство в тршебоньском регионе не развивалось.

Лишь во второй половине XIX века усовершенствованием методов ведения прудового хозяйства занялся управляющий имениями князей Шварценбергов Йозеф Шуста (1835–1914). Он разработал ряд мероприятий для повышения продуктивности рыбного хозяйства, предпринимал попытки интродуцировать новые виды рыб: обыкновенного судака, большеротого окуня, обыкновенного сига, радужную форель. Памятник Йозефу Шусте установлен на дамбе пруда Свет по соседству с памятником Якубу Крчину.

В 70-е годы XX века в тршебоньских прудах был акклиматизирован белый толстолобик, который предотвращает цветение водоемов благодаря тому, что питается микроскопическими водорослями. Велись работы по акклиматизации белого амура, поедающего водные растения. Тем не менее, традиционный карп по-прежнему остается самой важной породой рыб, его доля в улове достигает 88%. Осенний вылов карпов в прудах Рожмберк, Свет и Опатовицкий превращается в традиционный праздник, привлекающий большое количество туристов. Большую часть воды из пруда спускают, и рыбаки в высоких резиновых сапогах и плащах сетями достают рыбу. Тршебоньский карп считается экологически чистым продуктом, так как рыб практически не подкармливают искусственно. Наиболее распространенными являются трехлетний или четырехлетний циклы выращивания карпа до веса 1,5–2,5 кг, большая часть продукции продается в живом виде в период Рождественских праздников. Перед продажей карпы какое-то время содержатся в чистой проточной воде, чтобы очиститься от неприятных запахов. До 60% рыбы вывозится на экспорт в Германию, Словакию, Польшу, Австрию и Бельгию.

ТРШЕБОНЬ В НАШИ ДНИ

В 1977 году территории вокруг Тршебони были объявлены биосферным заповедником ЮНЕСКО. Целью создания охраняемых территорий в данном случае являлось сохранение не первозданной природы, а напротив – ландшафта, преобразованного деятельностью человека во времена Средневековья. Охраняемые территории представлены целым рядом больших и малых экосистем, например пруды Велки и Малы Тисы, старое русло реки Лужнице – Стара Ржека, Червене Блато («Красное болото»). Пруды используют для гнездования различные водоплавающие птицы: кряква, гоголь обыкновенный, хохлатая черныш, серый гусь, лебедь-шипун. Многочисленные пруды и болота облюбовали большая выпь, обыкновенная кваква, серая, рыжая и белая цапли. Здесь обитает рыбацкий орлан-белохвост. Сохранившиеся участки сосновых лесов дали приют совам: филину, мохноногому и воробьиному сычам. В числе охраняемых животных теперь и речная выдра. В прошлом она уничтожалась людьми, считавшими, что она сокращает в прудах количество разводимых карпов.

В водоемах встречаются охраняемые водные растения, такие как кубышка малая и рдест альпийский. На торфяниках можно увидеть различные виды насекомых: круглолистную, длиннолистную, промежуточную.

Охраняемые территории доступны для посещения туристов. В окрестностях Тршебони оборудованы пешеходные и велосипедные туристические маршруты с указателями, местами для отдыха, информационными стендами. Длина пешеходной научно-познавательной трасы вокруг Пруда Свет составляет 12 км, велосипедной трасы вокруг пруда Рожмберк – 22 км.

Всемирной известностью пользуются грязевые курорты – уже упоминавшиеся «Бертины Лазне» и построенный в 1975 году курорт «Лазне Аврора». Сульфатная железистая торфяная грязь используется для лечения заболе-

ваний опорно-двигательного аппарата.

Известно, что монахи Августинского монастыря варили пиво еще в 1367 году. Пивоваренный завод возник в Тршебони в 1379 году, а в 1698 году он разместился в бывшем арсенале, который в 1606–1608 гг. построил Петр Вок Рожмберк. На заводе варят пиво «Богемия Регент». Название, которое можно перевести как «Правитель Богемии», связано, по всей видимости, с Якубом Крчином, знаменитым управляющим имениями Рожмберков.

Интересно, что городской театр им. Йозефа Каетана Тыла занимает бывшее здание солодовни пивоваренного завода. Попасть в театр можно пройдя через арку под башней старой городской ратуши. Сам Каетан Тыл, чешский поэт и драматург, автор слов к чешскому национальному гимну «Где родина моя?» побывал в Тршебони в 1852 году незадолго до своей смерти. Небольшой дом, где останавливался Тыл сохранился и по сей день.

В XX веке маленький средневековый город Тршебонь превратился в научный центр. Здесь были открыты филиалы Ботанического и Микробиологического институтов Чешской Академии наук. Тршебоньский край – поучительный пример гармоничного сосуществования человека и природы в самом сердце Европы, бережного отношения людей к природным экосистемам и к биотопам, появившимся благодаря хозяйственной деятельности.

В

Оборонительная башня в юго-восточной части города

Ренессансный фронтон Свиных ворот.

Костел святого Или и
Благословенной Девы Марии –
Царицы Небесной.

Тршебоньский замок.
Западное крыло, вид со стороны
Замкового парка.

Каменный фонтан на площади Масарика.

Бастионы в южной части городских укреплений.

Будеёвицкие ворота.

Усыпальница князей Шварценбергов.

Площадь Масарика. Видны Марианская колонна и башня ратуши. В конце площади – Градецкие ворота.

Памятник Якубу Крчину.

Памятник Йозефу Шусте.

Пруд Свет. Приспособления для спуска воды.

Камень «Косой» по реке Чусовой (Средний Урал). 1901 (?). Открытое письмо, клише С.М.Прокудина-Горского. 1904. Санкт-Петербург.

Возвращение из-за океана. Произведения Алексея Козьмича Денисова-Уральского из экспозиции «Русская Калифорния»

Моя лодка у высокого лесистого берега реки Чусовой. 1901. Холст на картоне, масло. Частная коллекция.

Лесной пожар. 1911. Холст, масло. Екатеринбургский музей изобразительных искусств.

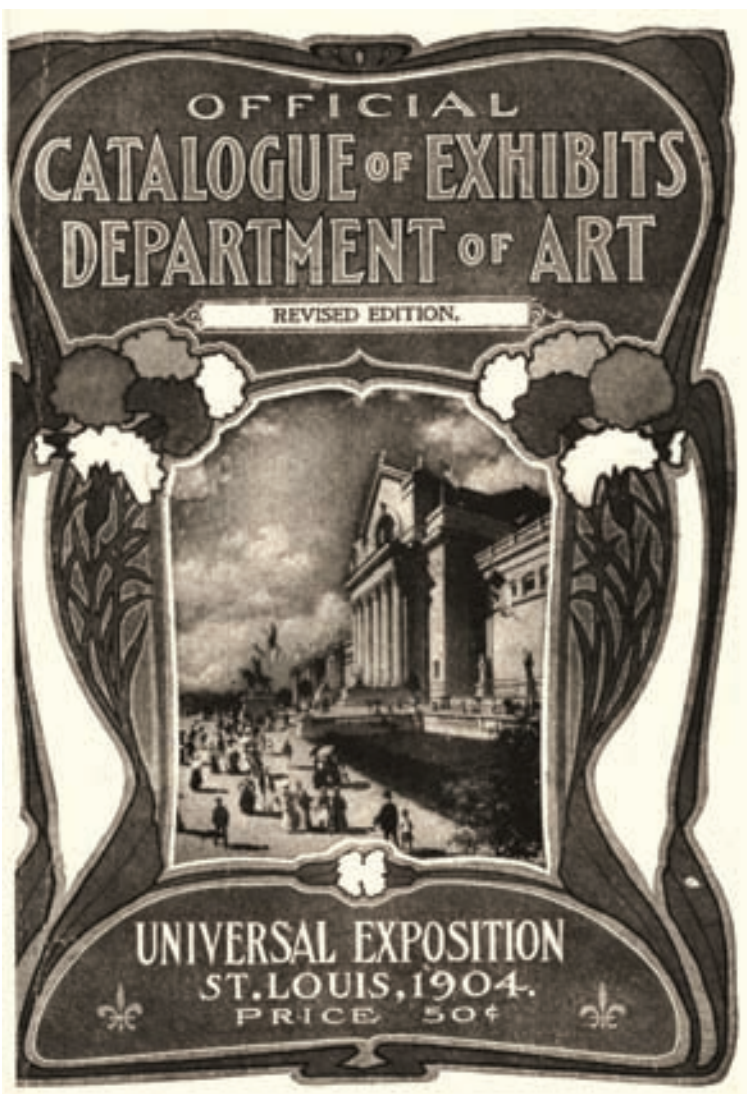
А. Денисов-Уральский, А. Денисов-Оуральский.

Лесной пожар. Incendie de la forêt.

Лесной пожар. 1898. Открытое письмо, клише С.М.Прокудина-Горского. 1904. Санкт-Петербург.

Камень Высокий по реке Чусовой. 1901. Холст на картоне, масло. Частная коллекция.

А. Давыдов, Живопись. Камень «Высокий» по р. Чусовой. (Средний Урал).
 А. Давыдов, Живопись. Камень «Высокий» по р. Чусовой. (Средний Урал).

Камень «Высокий» по реке Чусовой (Средний Урал). 1901 (?). Открытое письмо, клише С.М.Прокудина-Горского. 1904. Санкт-Петербург.

Обложка каталога экспонатов Художественного отдела Всемирной выставки. Сент-Луис, 1904.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ-ЗА ОКЕАНА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЛЕКСЕЯ КОЗЬМИЧА
ДЕНИСОВА-УРАЛЬСКОГО ИЗ ЭКСПОЗИЦИИ
«РУССКАЯ КАЛИФОРНИЯ»
(Всемирная выставка в Сент-Луисе, 1904)

Людмила БУДРИНА

Кандидат искусствоведения,
доцент, зав. отделом ДПИ
Екатеринбургского музея
изобразительных искусств.
г. Екатеринбург.

В 2014 году Екатеринбург отметил 150 лет со дня рождения замечательного земляка – художника, камнереза, бизнесмена и пропагандиста края А.К.Денисова-Уральского¹. Потомственный резчик, он добился значительных успехов в деле обработки цветного уральского камня, сумев не только составить себе блестящую клиентуру в России, но и стать поставщиком камнерезных предметов для парижского ювелирного дома Cartier.

Однако, помимо основной коммерческой «каменной» деятельности, было у Алексея Козьмича еще одно занятие. С подлинной страстью отдавался он живописи, стараясь запечатлеть суровую красоту родного Урала. Путешествуя с севера на юг, художник формирует подробный иллюстрированный рассказ о достопримечательностях региона, населяющих его людях и их занятиях. Из картин постепенно складываются необычные выставки. Каталоги могут не только служить путеводителями по экспозиционным залам, но и стать подспорьем в путешествии вдоль Уральского хребта.

Первая такая выставка – «Урал в живописи» – с успехом прошла сначала в Екатеринбурге (в ноябре-декабре 1900), и затем – в губернской столице Перми (декабрь 1900 – январь 1901). На очереди было покорение российских столиц. К нему Денисов, только что добавивший к фамилии топоним «Уральский», готовится особенно тщательно.

Выставка «Урал и его богатства» включала в себя уже не только живописные произведения, но и минералогические образцы, и камнерезные изделия. Стоит отметить, что при одном назва-

нии, московская выставка 1904 года существенно отличалась от петербургской, прошедшей двумя годами ранее. Обе части существенно пополнились экспонатами (произведений искусства в старой столице Денисов-Уральский показывал почти на полсотни больше). Работы были разбиты по трем регионам Урала: Северный, Средний и Южный. Во втором разделе отдельно были выделены блоки, связанные с путешествиями по рекам – Косье и Чусовой. Наряду с живописными полотнами, художник демонстрировал и графические листы (акварель и рисунок), и этюды.

Стремясь использовать все средства популяризации Урала и своего творчества, Денисов-Уральский заказывает восемь цветных фотографий российскому пионеру в этой области – С.М.Прокудину-Горскому. С этих клише был напечатан тираж открыток.

И почти сразу же по завершении выставки в Москве, художник отбирает тематическую коллекцию для демонстрации в художественном отделе Всемирной выставки 1904 года в американском Сент-Луисе.

Всего в выставке принимают участие более 160 русских художников, графиков, скульпторов². Чуть меньше шестисот произведений искусства демонстрировали различные направления в искусстве России. Среди экспонентов – И.Е.Репин, А.В. и В.Е. Маковские, В.П.Верещагин. Особое внимание составители каталога обращали на два больших тематических раздела. Первый из них – более семидесяти полотен, посвященных теме «Древняя Русь» – подготовил Н.К.Рерих. Второй – «Урал и его бо-

Обложка книги «Спутник по Выставке картин Урала и его ископаемых богатств А.К.Денисова-Уральского. Передвижная выставка». Санкт-Петербург, 1902.

гатства» – представил А.К.Денисов-Уральский.

Алексей Козьмич отправил в Соединенные Штаты пятьдесят живописных полотен и акварель с изображениями двадцати девяти минералогических образов из своей коллекции. Графический лист, очевидно, был призван восполнить отсутствие минералов, демонстрировать которые в этом Отделе выставки было невозможно.

Сопоставляя данные каталога американской выставки³ и российских экспозиций⁴, мы можем получить достаточно полное представление о масштабе зарубежного проекта, для которого были отобраны лучшие работы из 156 кар-

тин, этюдов и графических листов, экспонировавшихся в Москве. Вклад уральца в российскую часть художественного отдела был по достоинству оценен жюри выставки, наградившим его Большой серебряной медалью.

Однако, к большому сожалению художника, произведения обратно в Россию не вернулись. Американские исследователи проследили трагичную и запутанную судьбу русской коллекции этой выставки: неудачное коммерческое предприятие закончилось разорением антрепренера, конфискацией и распродажей произведений⁵.

В результате этого происше-

шлось восстанавливать коллекцию. Вероятно, поэтому следующая выставка «Урал и его богатства» (на обложке ее каталога стояла пометка «вторая»), открылась лишь в начале 1911 года. Известно, что ряд полотен для нее были заново написаны художником.

Так, создается новый вариант картины «Лесной пожар», увеличивается размер полотна, меняется композиция (1910, Екатеринбургский музей изобразительных искусств). В нем появляется характерный для этого периода творчества художника драматизм. Еще ряд повторов сюжета был связан с галереей видов скал реки Чусовой – своеобразных «портретов камней».

Однако, во второй половине XX века произведения, которые Денисов-Уральский считал безвозвратно утраченными, начинают постепенно возвращаться на Родину.

Первым стал монументальный «Лесной пожар». История картины «Лесной пожар», написанной в 1898 году, и ее влияние на развитие американского искусства подробно рассмотрены в отдельной статье⁶, поэтому здесь мы лишь изложим основные вехи. В феврале 1905 года, вскоре после завершения выставки, она была приобретена одним из организаторов этого мероприятия – американским предпринимателем Адольфом Бушем для принадлежавшего ему отеля в Далласе, где картина была доступна для обозрения в 1912–1926 годах. Спустя почти три четверти века, в 1979 году Национальный Гуманитарный фонд по поручению Августа Буша младшего (August Busch Jr.) торжественно передал «Лесной пожар» Советскому правительству. На Родине полотно вошло в состав фондов Томского областного художественного музея.

Новый век постепенно выявляет картины уральца, они появляются на крупных аукционах. Так, в 2014 году в Лондоне была продана еще одна живописная работа, ранее входившая в состав Всемирной выставки 1904 года. Благодаря авторской наклейке в виде вырезки из каталога на тыльной стороне

картины, ее название было указано в информации об аукционе правильно: «Моя лодка у высокого лесистого берега на реке Чусовой» (1901, Частная коллекция). Картина выполнена на наклеенном на картон холстесреднего размера (69.0 x 87.5 см), что, в сочетании со свободной и очень живой манерой письма, позволяет видеть в ней этюд, выполненный с натуры.

В каталоге собственной выставки этот своеобразный автопортрет (художник изобразил себя сидящим в лодке с тентом, уже появлявшейся на холсте «Камень Узкий на реке Чусовой», но лицо его почти неразлично) Алексей Козьмич сопровождал пространственным лирическим отступлением: «Среди учащейся молодежи и городской интеллигенции экскурсии развиты очень слабо. Между тем все более или менее утомляются за долгую зиму сидения в городах, все жаждут отдыха на лоне природы; но эта жажда утоляется чересчур своеобразно: прогулками с традиционным самоваром за город, катаньем на лодке по реке или пруду – в черте городской оседлости. Отлучиться более чем за 2, за 3 версты от города горожанин редко отваживается. В то же время, так просто легко организовать незамысловатую экскурсию по той же красавице Чусовой. Учащимся же подобная прогулка доставила бы не только громадное удовольствие, но принесла бы и существенную пользу: здесь они лицом к лицу столкнулись бы с живой страницей из истории нашей земли. Нанять лодку и спуститься по течению Чусовой на сотню верст – вызовет самые ничтожные расходы, а сколько доставит здорового удовольствия, свежих впечатлений»⁷.

И вот еще одна радостная новость: на русских торгах того же аукционного дома семья коллекционеров из Сан-Франциско продала еще одну живописную работу. Как и предыдущая, она выполнена на наклеенном на картон холсте, вытянутого горизонтального формата (49.5 x 94.0 см). Работа, обозначенная в каталоге как «Речной пейзаж» (1901, Частная коллекция), на самом деле является изображением одного из «камней». Авторское название картины зафиксировано на открытке, изданной с клише С.М.Прокудина-Горского: «Камень Высокий по реке Чусовой». В каталоге Денисов-Уральский так прокомментировал эту работу: «По реке Чусовой (близ Кыновского завода), достигающий 60 сажен высоты; вокруг него те же вечно зеленые ели и пихты, которые отличаются замечательной неприхотливостью и растут, где попало и как попало, только было бы за что уцепиться корнями»⁸. Теперь у нас появилась возможность уточнить датировку (ранее – до 1904), благодаря подписи с датой – «1901» – мы знаем, что это произведение написано во время большой поездки по Чусовой, предпринятой художником в этот год.

Стоит отметить камерность произведений этого периода и почти обязательное присутствие в них человека. Со временем, этот взгляд уступит место более пафосному.

Появление на аукционах произведений из утраченной коллекции позволяет надеяться, что, со временем, удастся составить более полное представле-

ние о раннем периоде творчества, восстановить образ первой выставки. Обнадеживает и интерес отечественных коллекционеров к самобытному художнику, благодаря чему его произведения возвращаются на Родину автора.

Примечания:

¹ В основе статьи – материал каталога юбилейной выставки в Екатеринбургском музее изобразительных искусств: Будрина Л.А. «...Более, чем художник...»: к 150-летию со дня рождения Алексея Козьмича Денисова-Уральского. Научный каталог выставки в Екатеринбургском музее изобразительных искусств. 19 февраля – 18 мая 2014. – Екатеринбург, 2014. – 84 с. Сноски приводятся для сведений, не вошедших в данное издание.

² Official catalogue of Exhibitors. Universal Exposition. St. Louis, U.S.A. 1904. Department B Art. – St. Louis: The official Catalogue Company, 1904. – P. 19, 280–293.

³ Official catalogue of Exhibitors. Universal Exposition. St. Louis, U.S.A. 1904. Department B Art. – St. Louis: The official Catalogue Company, 1904. – P. 290–291.

⁴ Денисов-Уральский А.К. Руководство к обзору картин Урала и его богатств. – 3-е доп. изд. – Санкт-Петербург: тип. Э.Э.Новицкого, 1902. – 160 с.; Денисов-Уральский А.К. Руководство к обзору картин Урала и его богатств. – 4-е доп. изд. – Москва: тип. А.Н.Иванов и К^о, 1904. – 172 с.

⁵ Williams, Robert C. Russian Art and American Money. 1900–1940. – Harvard University Press, 1980. – С. 1–5.

⁶ Ludmila Budrina. Wildfire in A.K. Denisov-Uralsky Canvases: Destinies of the Paintings. // Quaestio Rossica. – 2015. – № 2. – P. 41–51, 297–298.

⁷ Денисов-Уральский А.К. Руководство к обзору картин Урала и его богатств. – 4-е доп. изд. – Москва: тип. А.Н.Иванов и К^о, 1904. – С. 53.

⁸ Денисов-Уральский А.К. Руководство к обзору картин Урала и его богатств. – 4-е доп. изд. – Москва: тип. А.Н.Иванов и К^о, 1904. – С. 52.

В

Обложка книги «Руководство к обзору картин Урала и его богатств». Москва, 1904.

ГОРОДОК «ЧЕКИСТ». НАЧАЛО

*Хорошо живется нам
В Городке чекистов,
Славим Сталина мы все,
Учимся отлично.
Чтобы завтра также в строй
Встать на смену предкам,
Будем Родину хранить,
Зоркие чекисты!*

Марк Городницкий,
11 лет, 1936 г.¹

Любовь ДВИНСКИХ

Главный научный
сотрудник отдела истории
Свердловского областного
краеведческого музея
(СОКМ).

Городок «Чекист», или, более позднее и привычное название, Городок чекистов, – жилой комплекс для сотрудников органов безопасности в Свердловске, возведенный в начале 1930-х гг. Назначение жилкомплекса и ход его строительства не придавались огласке. Чекисты засекретили не только собственную профессиональную деятельность, что понятно, но и обыденную частную жизнь. Таинственность истории Городка «от чекистов» во многом обусловила современный интерес к нему.

Строительство жилого комплекса для чекистов пришлось на годы бурного роста города, о небывалых темпах которого говорят

цифры. Если в августе 1920 г. в Екатеринбурге проживало 106 тыс. человек, в декабре 1926 г. – 153 тыс., в январе 1931 г. – 248 тыс., то к январю 1935 г. Свердловск насчитывал уже 450 (!) тыс. человек. К 1929 г. в Свердловске, центре обширной Уральской области, были сосредоточены административно-управленческие структуры огромной территории, планирующие и проектные организации промышленных предприятий-гигантов. Контроль за ними должно было осуществлять полномочное представительство Объединенного государственного политического управления по Уралу – ПП ОГПУ по Уралу (позже Управление НКВД по Свердловской области). Для его командного состава и сотрудников было решено построить комфортабельный жилищно-коммунальный комплекс, известный в Свердловске, как Городок чекистов (в некоторых архивных документах – городок «Чекист»).

Руководителем проектной группы был приглашен И.П.Антонов, окончивший Петербургскую академию художеств. Его соавторами стали архитекторы В.Д.Соколов, также выпускник Петроградской академии художеств, А.М.Тумбасов, окончивший Екатеринбургское художественно-промышленное училище, и А.Н.Стельмащук, выпускник Кубанского промышленного техникума. Главной задачей проектировщиков было размещение в пределах одного квартала всех необходимых построек-жи-

Вид на Городок чекистов и
ул. Луначарского. Конец 1930 гг.
Из фондов СОКМ.

¹ Из книги С.А.Погодина. «Городок для избранных: из истории создания Свердловского «Городка чекистов»».

лых корпусов и зданий культурно-бытового назначения. Проектирование комплекса началось в 1929 г., строительные работы развернулись к 1930 г., занималось этим специально созданное стройбюро ПП ОГПУ под руководством С.Ю.Грунтмана.

В местной прессе часто и охотно размещали материалы о многочисленных новостройках в городе Свердловске, но вот о строительстве Городка чекистов не упоминалось ни разу. Самое раннее из идентифицирующих городок опубликованных и общедоступных сведений встретилось в телефонной книге города Свердловска за 1932–1933 гг., когда на углу улиц Ленина и Кузнечной упоминается «Постройком Стройбюро ГПУ», возводивший жилкомплекс для чекистов.

В Государственном архиве административных органов Свердловской области среди множества дел отложились материалы о рабочих строительной организации УНКВД в 1930-х гг. В большинстве своем они прибыли из Украины и Белоруссии, в 1930–1931 гг. почти все – раскулаченные и высланные на спецпоселение на Урал. В Свердловске их расселили в бараки Северного и Ширококореченского трудовых поселков, определив трудиться на строительных объектах УНКВД, в том числе и Городка чекистов

Документы архивных фондов УФСБ по Свердловской области

Рабочие на строительстве жилого комплекса ОГПУ.

уточняют, что прием помещений жилкомбината в эксплуатацию планировали закончить к 25 октября 1933 г., в составе комиссии по приемке значился и первый комендант Городка чекистов Железников. По окончании «строительства городка ЧЕКИСТ» и в ознаменование 16-й годовщины Октября приказом полпреда ОГПУ по Уралу И.Ф.Решетова были отмечены и награждены месячным окладом начальник стройбюро С.Ю.Грунтман, инженер-механик Туриянский, инженер-строитель В.В.Коуголь, конструктор А.М.Тумбасов, начальник электро-монтажной конторы Волков, прораб городка «Чекист» Вшивков, помощник прораба малярного цеха Вардзинский и, конечно, секретарь партячейки Шмачков. Итак, поздней осенью

1933 г. началась самостоятельная жизнь жилого комплекса чекистов в Свердловске.

В газете «Уральский рабочий» за 8 декабря 1933 г. появляется и первое публичное упоминание о нашем объекте – извещение о возобновлении торговли магазином пролетарского спортивного общества «Динамо» в Городке чекистов.

На следующий, 1934 г., в главной газете Урала разместили еще несколько коротких извещений о различных официальных мероприятиях в клубе ОГПУ, причем клуб еще не называют именем Дзержинского, а сам жилкомплекс именуют «Городок Чекист». Так, 18 февраля в 13.00, Комитет по проведению XX-летнего юбилея Свердловского театра оперы и балеты

Панорама строительства Городка чекистов и домов Госпромурала. 1930 г. Из фондов СОКМ.

Условия приема на общих основаниях
Срок приема по 20 декабря с. г.
Для ФЗУ также ТРЕБУЕТСЯ ИН-
СТРУКТОР по транспорту.
Адрес: гор. Свердловск, Московский
тр-кт, 6 км. Широтенческое горфоправ-
ление, школа ФЗУ ДИРЕКЦИИ. 1651

Магазин пролетарского
спортивного общества „ДИНАМО“
возобновил торговлю в городе чехов
(вход с улицы Ленина).
Ассортимент товаров обновлен и значитель-
но пополнен.
Продана всем гранпапам.
Торгово-снабженческий отдел ПСО «Ди-
намо» ПЕРЕЕХАЛ в городок чехов.
Вход с улицы Ленина.
1588 „ДИНАМО“

Свердловский молочный завод
СОЮЗМОЛОКО,
ул. Чернышевского, № 5
в неограниченном количестве
ПРОДАЕТ ИСПРАВНЫЕ

Извещение из газеты «Уральский рабочий». 1933 г.

им. А.В.Луначарского приглашал культактив города заслушать доклад Председателя ЦК Союза работников искусств Я.О.Боярского «XVII съезд партии и задачи советского искусства». Приглашенные билеты на мероприятие рассылали по месткомам, либо выдавали при входе. 31 марта в клубе ГПУ открылась 5-я районная конференция ВКП(б) Сталинского района Свердловска. 1 октября, в 18

часов, состоялся подготовленный горкомом ВКП(б) доклад «70-летие I Интернационала», пройти на него могли только члены партии по партбилетам. 13 октября, в преддверие отчетно-выборной кампании Советов, по инициативе райсоветов и редакции «Уральский рабочий» в клубе чекистов состоялся Слет редакторов районной политедельской и низовой печати, с приглашением для участия в его работе рабкоров города и депутатских советов. Слет был призван четко определить задачи печати в ответственный выборный период. Завершала мероприятие художественная концертная часть. Под занавес года, вечером 21 декабря, в клубе собрался вновь выбранный состав райсовета на свой первый организационный пленум, где помимо текущих вопросов в повестке дня, были доклады от горпотребсоюза, пищеторга и райпотребсоюза о готовности развертывания торговли хлебом. 24 ноября 1934 г. на первой полосе «Уральского рабочего» разместили снимок фотографа Самойлова с видом на общежитие и клуб городка с подписью под ним: «Улица замощена брусчаткой. Тротуары асфальтированы и обсажены молодыми деревцами.

Столица области за последние годы получила достойную ее главную улицу, а горсовет выполнил наказ избирателей о благоустройстве улицы Ленина».

Вот такими короткими и сухими извещениями ограничивалась публичная информация о жизни в стенах клуба чекистов. Хотя, по воспоминаниям старожилов, деятельность кружков, объединений и киноустановки в клубе были очень активными и разнообразными. В прессе же, в продолжение целого ряда лет развернутых публикаций о деятельности клуба и других учреждений в границах жилкомплекса не прослеживается.

Начало 1936 г. было отмечено в клубе открытием и проведением шахматного турнира на первенство Свердловска. В турнире приняли участие шахматисты I и II категории СССР и победители турниров-соискателей. Надолго становится клуб Дзержинского своим для коммунистов и комсомольцев Сталинского района и города в целом: уже 25 января, в 8 часов вечера, здесь начала работать VI районная конференция ВКП(б), где заслушали отчет райкома и содоклад его ревизионной комиссии, провели выборы в районный комитет партии и

Прометей всех стилей, соединяет!

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ ВКП(б), СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛСПОЛКОМА И ОБЛПРОФСОВЕТА

№ 271 (5805) 24 ноября 1934 года, суббота Цена номера 10 коп.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: На 12 месяцев — 30 р., 6 мес. — 15 рр., 3 мес. — 7 рр., 10 к. 1 кв. 2 рр., 50 к.

Полгода подписчикам отсылается бесплатно в течение года.

Прислать объявление: в редакцию «Уральский рабочий» или в упр. дел. газ. Телефонный адрес: редакция газ. Свердловск, ул. Ленина, 1651.

ХVIII ГОД ИЗДАНИЯ

Адрес редакции и прием. Отдел: Свердловск, ул. Дзержинский, 1651.

Телефоны редакции: Редакционный отдел — 1648, приемный отдел — 1649, бухгалтерия — 1650, типография — 1651, редакция — 1652, редакция — 1653, редакция — 1654, редакция — 1655.

Рукопись не возвращается

„Руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата“ И. Сталин

Коммунисты! Выше организаторскую роль!

Отчетные собрания Свердловского городского совета, первого районного комитета, являются блестящей иллюстрацией в смысле тов. Сталина. Наша индустриальная система требует активностей партийной и трудовой массы, участия в управлении, но в этих условиях участие в управлении должно быть действительным, а не формальным.

Важно отметить собрания на Восточном заводе им. И. Д. Бабаянова, которые прошли с необычайной остротой и выделением значительной активности и выделением коммунистической самодеятельности. Коммунисты должны играть организаторскую роль в управлении предприятием.

Правда, первое отчетное собрание на Уралмашзаводе, собрание в заводском клубе на Восточном заводе им. И. Д. Бабаянова, которые прошли с необычайной остротой и выделением значительной активности и выделением коммунистической самодеятельности. Коммунисты должны играть организаторскую роль в управлении предприятием.

Вид на дом-коммуну с магазином и клуб Горodka чекистов. «Уральский рабочий». 1934 г.

Высокая организованность и идейность

Первое отчетное собрание городского комитета ВКП(б) состоялось в Свердловске 24 ноября 1934 года. Только 84 человека (из них 80 коммунистов) приняли участие в собрании по инициативе работников. Работники индустриальной зоны, партийной, гражданской организации на собраниях участвовали со знанием и организаторскими способностями.

Собрание на Восточном заводе им. И. Д. Бабаянова, которое прошло с необычайной остротой и выделением значительной активности и выделением коммунистической самодеятельности. Коммунисты должны играть организаторскую роль в управлении предприятием.

ревизионной комиссии, определили делегатов на городскую партконференцию. 9 февраля, в 6 часов вечера, в зале клуба собрались комсомольцы на II городскую конференцию. 20 февраля, в 7 часов вечера, в клуб на I областную онкологическую конференцию съехались специалисты-медики. А вот 15 апреля, через извещение в газете в Городок приглашали, чтобы проводить в последний путь «бывшего чекиста, члена ВКП(б), Зобнина Степана Дмитриевича».

9 октября в клубе вновь заседал комсомольский актив города, обсуждая итоги 2-го пленума ЦК ВЛКСМ. Двумя днями позднее, в 11 часов дня состоялось совещание «секретарей парткомов, партторгов, председателей ФЗК, МК и комсодов по вопросу о ходе конверсии по г. Свердловску». Вечером 13 октября в большом зале клуба состоялось собрание МОПРовского актива города. Обсуждали задачи организации в свете событий в Испании. Организаторами мероприятия выступили обком МОПР и горком ВКП(б).

Именно из газетных объявлений узнаем, что в 1936 г. в Городке чекистов размещалась Свердловская государственная контора посылочной торговли – Посылторг. В ассортименте предлагаемых ею товаров были музыкальные инструменты, радиоприемники, фотоаппараты, часы, различные спортивные товары и охотничьи принадлежности, игры, трикотаж и галантерея.

Знаковый для советской/российской истории 1937 год по характеру извещений и публикаций в газете ничем не выделялся в ряду других. В залах клуба продолжали заседать совещания, собрания, конференции и пленумы партийно-комсомольского актива и передовой общественности города. 17 марта состоялся вечер к 66-й годовщине Парижской коммуны, подготовленный обкомом МОПР совместно с горкомом ВКП(б). 18 июня торжественным вечером в память Алексея Максимовича Горького отметили годовщину его смерти. Мероприятие подготовили Свердловское отделение Союза советских писателей совместно с

самодеятельностью клуба имени Дзержинского. 14 июля большой праздник состоялся в честь «освобождения Урала от колчаковских банд». В 1937 г. появляются извещения о публичных лекциях в клубе, прежде всего, на идеологические темы и о достижениях страны Советов. Так, 13 июля состоялась лекция для комсомольских пропагандистов «Об изучении истории ВКП(б) в свете указаний товарища Сталина». 15 августа Свердловский городской комитет ВЛКСМ организовал в клубе лекцию «О героическом беспосадочном перелете Москва–Северный полюс–Северная Америка».

24 октября 1937 г. «Уральский рабочий» впервые разместил не короткое извещение-объявление, а заметку о клубе чекистов – «Накануне великого праздника в клубе имени Дзержинского» и проинформировал читателей о подготовке к 20-летию Октябрьской революции. К главному советскому празднику клуб красочно декорировали: в фойе, в простенках между окнами, укрепили скрижали со статьями из сталинской Конституции, перед зрительным залом на красивом постаменте установили бюст Сталина в окружении живых цветов. Для украшения было закуплено 200 банок живых цветов, заготовлено 200 цветных ламп и 80 японских фонарей, которыми украсили винтовую лестницу. Основным событием праздников должна была стать выставка о жизни и деятельности В.И.Ленина и И.В.Сталина. Кружки художественной самодеятельности клуба готовились к праздничному концерту. В предоктябрьские дни клуб проводил лекции на темы о могуществе нашей Родины. Из заметки мы также узнаем, что совет жен комсостава организовал при клубе стрелковый кружок, а двенадцать кружков сдавали нормы на значок «Ворошиловского стрелка». Движение значкистов в СССР действительно было очень популярным и поистине народным, неудивительно, что активисты Городка чекистов включились в него.

Из коротких газетных заметок узнаем, что весной 1938 г. кружки

Извещение из газеты «Уральский рабочий». 1936 г.

и объединения клуба чекистов активно готовились к выборам в представительные советские органы. Самодеятельные артисты выезжали к избирателям Березовского завода, Малого Истока, ватно-кошмовальной фабрики, на избирательный участок при педагогическом училище, дали два концерта для избирателей 42-го участка г. Свердловска. Драматический кружок подготовил пьесу Цыновского и Петрашкевич «Маску долой», балетный кружок – матросский танец «Кочегар» и дуэт из музыкальной комедии «Свадьба в Малиновке» и многое др. Выступления художественной самодеятельности клуба имени Дзержинского пользовались большим успехом.

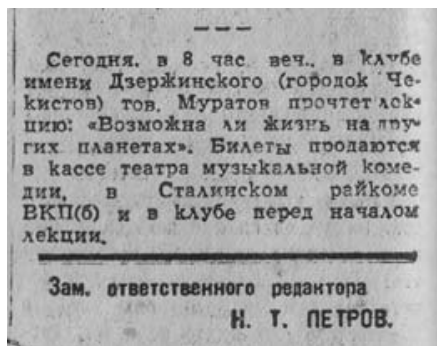
Как и в предыдущие годы, в 1938 г. в залах клуба продолжали собираться различные конференции и совещания. 8 августа состоялся пленум Свердловского горсовета, где обсуждали состояние жилого фонда и планы коммунального строительства. 20 декабря, уже в преддверие нового года, на пленуме областного Совета ОСОАВИАХИМа подводили итоги своей деятельности активисты одной из самых массовых оборонно-спортивных организаций Советского Союза. К встрече нового 1939 года залы и комнаты клуба украсили зеленью, цветами, разноцветными фонариками и гирляндами из электрических лампочек. Детские кружки – драматический, физкультурный, балетный и др. готовились к праздничным выступлениям. Для учащихся старших классов подготовили программу «елка-маскарад» с призами за лучший маскарадный костюм. В новогодних концертах участвовала вся

художественная самодеятельность клуба.

В предвоенный, 1940 год, наряду с собраниями, пленумами, торжественными заседаниями совпартактива и др., в клубе читали платные лекции, организуемые городскими органами пропаганды и агитации. Чаще других извещения «Уральского рабочего» приглашали на выступления лекторов Точкина и Мартыненко о международном положении. Лектор Жаркова рассказывала о Ленине-Сталине, социалистической организации и дисциплине труда. Руководитель астрономического кружка УрГУ Сергей Владимирович Муратов подготовил для посетителей клуба лекцию «Есть ли жизнь на других планетах».

26 марта 1940 г., во второй день II областного смотра художественной самодеятельности, творческие коллективы дзержинцев выступили в клубе строителей: свои номера подготовили чтецы, певцы и танцоры. Корреспондент «Уральского рабочего» отметил, что «особенно тепло зрители приняли солистку клуба имени Дзержинского тов. Александрову, исполнившую арию Флории Тоски и старинную французскую песенку «Птички».

В январе 1941 г., накануне выборов в Совет Союза, известный свердловский фотограф Иван Николаевич Тюфяков сделал для «Уральского рабочего» снимки зала избирательного участка в клубе чекистов. Подпись под первым фото гласит: «Кабины для голосования на 46-м избирательном участке Свердловского городского избирательного округа № 255 по

Извещение из газеты «Уральский рабочий». № 277. 1940 г.

На избирательном участке в клубе им. Ф.Э.Дзержинского. «Уральский рабочий». 1941 г.

выборам в Верховный Совет Союза ССР. Избирательный участок и кабины для голосования любовно оформлены коврами, вышивками, цветами по инициативе домохозяйки-активистки избирательного участка». На втором снимке мы видим другую часть того же светлого и красивого помещения с колоннами, на стене большое панно «Ленин-Сталин», под ним – стол для комиссии, установлены урны для голосования и зеленые насаждения, на полу – большой ковер. Т.е., судя по фото, клуб чекистов – вполне комфортабельное и представительное учреждение культуры.

Клуб чекистов выполнял важнейшую агитационно-пропагандистскую функцию в Городке чекистов и городе. В предвоенные месяцы 1941 г. ввели такую форму работы с населением, как кинолекторий, т.е. сначала лекция на важную идеологическую тему, а затем просмотр художественного фильма соответствующей тематики. В январе-апреле в ходе цикла занятий по «Краткому курсу ВКП (б)» лектор Бартов разъяс-

нял слушателям его главы с 7-й по 11-ю главы с последующей демонстрацией фильмов «Великое зарево», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Год девятнадцатый», «Великий гражданин» и «Крестьяне». Разовые билеты на кинолекции приобретали в кассе клуба. А вот билеты на лекции Панфилова «Было ли начало и будет ли конец мира», Рушкиса «Три похода Антанты» и Мартыненко о международном положении приобретали как в кассе клуба, так и у организаторов – в райкомах партии и комсомола. Продолжали собираться в залах клуба конференции МОПР, общегородские встречи агитаторов и собрания партактива Сталинского района города. Востребованность именно пропагандистской, агитационной составляющей в деятельности клуба только возросла в годы Великой Отечественной войны.

В клубе чекистов демонстрировали кинофильмы, активно работали кружки и студии, ставили концерты и готовили вечера. А еще, как оказалось, здесь было отведено ме-

сто и для серьезной образовательной деятельности. В ноябре 1934 г. по Управлению НКВД издается приказ о проведении в клубе им. Дзержинского занятий гарнизонного вечернего коммунистического университета (ВКУ), организованного еще в 1932 г. Правление клуба должно было выделить для ВКУ четыре «вполне оборудованные комнаты-аудитории», чтобы обеспечить систематические занятия с 18.30 до 23.00 (6 акад./час. по 45 минут) в каждый второй день шестидневки, т.е. 2, 8, 14, 20 и 26 числа каждого месяца. Речь шла не о высшем образовании как таковом, скорее всего, не слишком грамотным сотрудникам органов госбезопасности преподавали базовые дисциплины средней школы и идеологические основы коммунизма. Учебным планом комвуза на 1934–1935 уч. год на подготовительном отделении предполагалось обучение слушателей математике, русскому языку, текущей политике, географии. На 1-м курсе комвузовцы изучали политэкономии, историю партии, математику, русский язык; на 2 курсе – ленинизм, экономполитику, опять же математику и русский язык. На последнем, 3-м курсе продолжали обучение математике и русскому языку, истории Коминтерна и самый большой объем часов выделялся на диалектический материализм. Математику и географию на подготовительном отделении преподавал начальник комвуза Буланов, весь курс русского языка вел Дынин, историю ВКП(б) на первом курсе – начальник оперкурсов УНКВД Ушаков, математику на 1–3 курсах – доцент индустриального института Ефремов, политэкономии на первом курсе – доцент индустриального института Субботин, ленинизм на 2-м курсе – доцент областной Высшей сельскохозяйственной школы Воищев, диамат и истмат на 3-м курсе – доцент индустриального института Ливчак, «экономполитику на 2-м курсе – слушатель третьего курса ИКП Верещагин». Где именно в здании клуба выделили аудитории подгарнизонный ВКУ, и какова его дальнейшая судьба, пока не установлено.

П Р И К А З

НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

11 ноября 1936 г. № 1557 г. Свердловск.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ: - С объявлением списка слушателей отделения доподготовки политруков при вечернем гарнизонном комвузе УВО на 1936-1937 учебный год.

§ 1.

В развитие приказа НКВД СССР от 5.9.1936 г. № 378 и директивы ГУПВО НКВД от 19.9.1936 г. № 496135 организовать при гарнизонном вечернем комвузе УВО отделение доподготовки политруков с двух-годичным сроком обучения.

§ 3.

Установить дни занятий отделения доподготовки политруков при гарнизонном вечернем комвузе УВО каждый третий день шестидневки, т.е. 3, 9, 15, 21, 27 числа каждого месяца с 8 часов до 16 часов.

§ 4.

Занятия проводить в клубе им. Дзержинского, городок "Чекистов", комната № 14.

§ 5.

Слушатели отделения доподготовки политруков от командирской учебы освобождаются.

§ 6.

Командирам-комиссарам частей войск Свердловского гарнизона, в дни занятий освобождать от несения службы т.т. подлежащих обучению в группе политруков, создавая в дальнейшем все необходимые условия для нормального обучения.

ПРИЛОЖЕНИЕ: -1) Учебный план, 2) Список преподавателей.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛ. - КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3 ранга. (Дмитриев)

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСК НКВД ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ - ПОЛКОВНИК (ОЗОЛИН)

Нач. П/О УВО УНКВД по Свердловской области - Полковник Комиссар: (КРИЛЛОВ)

Приказ начальника УНКВД по Свердловской области «С объявлением списка слушателей отделения подготовки политруков при вечернем гарнизонном комвузе УВО на 1936–1937 учебный год».

Из архива УФСБ по СО.

В 1936 г. при гарнизонном вечернем коммунистическом университете были организованы двухгодичные курсы доподготовки политруков. Занятия организовали опять же в клубе, в комнате № 14, с 8.00 до 16.00 часов в каждый третий день шестидневки (т.е. 3, 9, 15, 21, 27 числа каждого месяца). На время занятий слушателей осво-

бождали от несения службы. Учебный план был рассчитан на 430 часов и в течение 1936–1937 учебного года политрукам читали историю СССР, историю ВКП(б) и ленинизм, географию, родной язык и литературу. К преподаванию истории ВКП(б) и ленинизма был допущен завкафедрой Свердловского института журналистики Ф.Я.Бы-

Занятия в кабинете физики в школе взрослых повышенного типа при клубе им. Дзержинского. Из фондов СОКМ.

стрых, истории СССР – ассистент того же института Быкин, родного языка и литературы – преподаватель средней школы № 6 В.А.-Вислова.

ВКУ и курсы доподготовки были не единственными учебными заведениями при клубе УНКВД имени Дзержинского, на его площадях действовала и школа взрослых повышенного типа. В фондах Свердловского областного краеведческого музея хранится «Свидетельство об окончании...» ее Тупиковой Антониной Илларионовной в июне 1936 г. Она была женой сотрудника НКВД, проживала вместе с мужем в Городке чекистов. Судя по документу, в школе при клубе А.И.Тупикова «получила знания в объеме неполной средней школы» по русскому языку, литературе, математике, физике, химии, естествознанию, географии, истории СССР и немецкому языку. Несомненно, что к 1936 г. школа действовала не один год, возможно, она была открыта вместе с клубом (?). Несколько десятилетий спустя А.И.Тупикова передала в фонды СОКМ вещественные памятники, документы и несколько

фотографий, в числе их снимок занятия в кабинете физики 24 марта 1936 г.

Школа взрослых повышенного типа при клубе УНКВД, видимо, была из лучших в городе. Известно, что 27 декабря 1937 г. и 6 января 1938 г. на базе этого учебного

заведения Облметодкабинет школ взрослых провел конференцию и семинар для учителей из школ неграмотных и малограмотных. Возможно, школа действительно стала базовой для облметодкабинета. После установки городского телефона, в справочнике 1938 г. ее так

Иван Петрович Тупиков, офицер госбезопасности, с женой Антониной Илларионовной. Середина XX в. Из фондов СОКМ.

и называют: «школа взрослых об-методкабинета».

Интересно дополняет сведения о школе в клубе чекистов «Список преподавателей средней школы взрослых № 10 по состоянию на 15.10.1940 г.» Сравнение с аналогичными списками других школ этого типа дает основание утверждать, что при клубе им. Дзержинского был собран самый многочисленный и квалифицированный педколлектив. В штате состояли 10 педагогов и еще 9 работали по совместительству. Из девятнадцати человек 12 были выпускниками Казанского, Кировского, Пермского, Свердловского, Сталинградского пединститутов, Пермского и Московского университетов, Пермского учительского института, двое еще продолжали образование в педагогическом и учительском институтах. Об уровне преподавания в школе говорит такой факт: немецкому языку учащихся 6–9 классов обучал Иван Юрьевич Режек, окончивший Венский университет (1908) и Московский пединститут (1936). В 1930–е гг. он возглавлял кафедру иностранных языков в Урало-Казакстанской промакадемии. К преподаванию в подготовительном классе школы были допущены специалисты, окончившие до революции курс средних учебных заведений, дававших право учительствовать (епархиальное училище и гимназия). Директор школы Павла Александровна Копылова, окончившая 8-классную гимназию и имевшая 25 лет педагогического стажа, преподавала математику в 6-м классе школы. В целом, обучение в школе велось по программам подготовительного класса и 6–10 классов общеобразовательной школы.

«Список...» предоставил нам для размышлений совершенно удивительный факт: за несколько лет, со второй половины 1936 по 1940 гг., педколлектив школы полностью обновился и был преимущественно беспартийным, лишь один из педагогов состоял в партии и один – в рядах ВЛКСМ. И еще интересный для нашей темы факт: Алексей Алексеевич Иванов, по

совместительству преподававший историю и Конституцию СССР в 5–6 и 8 кл., проживал в Городке чекистов в 108 кв. во 2-м корпусе.

В каких помещениях клуба были устроены классы? Документальных сведений об этом мы пока не имеем. По воспоминаниям жительницы Городка чекистов Людмилы Владимировны Коноваловой (Бояршиновой), во второй половине 1940-х гг. школа для взрослых размещалась на четвертом этаже клуба.

Городской телефонный справочник неожиданно и очень интересно дополнил картину первых лет жизни жилкомплеса чекистов. Так книга за 1934 г. содержала указание на целый ряд телефонизированных организаций и учреждений по адресу «ул. Ленина, Городок Чекистов». Здесь начали действовать финансово-коммерческий отдел и магазин спортивного общества «Динамо» (уже упомянутый выше), домоуправление городка чекистов, стол пайщиков и бухгалтерия кооператива ГПУ, магазины № 1 ГПУ, № 2 ГПУ, № 3 ГПУ от Горпотребсоюза, парикмахерская ГПУ и столовая № 3. Также были перечислены чекисты, в квартирах которых установили телефоны с городскими номерами. Всего 24 человека.

Конечно, список учреждений и чекистов не может быть исчерпывающим, т.к. не все имевшиеся в городке учреждения и квартиры получили городские номера, часть из них могли осуществлять связь через внутренний коммутатор жилкомплеса. Список его абонентов, в отличие от других внутренних коммутаторов Свердловска, не был доступен для общегородской телефонной книги. Впервые его опубликовали лишь в 1959 г., когда жилкомплес чекистов из ведомственного подчинения передали в общегородское хозяйство.

В 1935 г. дополнительно через вновь опубликованные телефонные номера в городке выявились склад и пороховой склад спортивного общества «Динамо», а также клуб имени Дзержинского. Прослеживаются изменения и в ведомственной торговой сети: из трех

магазинов ГПУ остается один – «магазин НКВД-ЗВК». Неизвестно, произошло это в результате реорганизации и объединения всех магазинов в один, или какие-то из них были закрыты, или просто переехали на другой адрес. В списке владельцев квартир, имевших городские телефонные номера, 17 человек и одиннадцать из них впервые получили городской номер.

Телефонный справочник Свердловской АТС за 1936 г. впервые показал такие структуры городка, как бухгалтерию и телефонный коммутатор жилкомбината, общежитие и профкомиссию УНКВД, ведомственных магазинов становится два. В списке квартирных телефонов осталось только 15 человек.

В 1937 г. в клубе чекистов готовились торжественно отпраздновать 20-летие Октября, но вот за стенами его продолжалась суровая действительность. Перед нами несколько человеческих судеб. В 1937 г. в 3-м корпусе городка в квартире № 132 проживал Иосиф Альбертович Добош, чекист настоящей советской закалки и судьбы. Венгр по рождению, прибывший в Россию как военнопленный в годы Первой мировой войны. После революции он искренне принял идеи Октября, добровольно вступил в РККА еще в начале 1918 г., в ходе Гражданской войны

Иосиф Альбертович Добош.
Из фондов ГААО СО.

попал в плен к белочехам, но сумел бежать и долго скрывался. После победы красных войск на Урале и в Сибири, в ноябре 1919 г., вступил в Омске в войска ВЧК и служил в 1920–1930 гг. в органах безопасности на различных командных должностях в Перми, Свердловске, Кабаковске (совр. Серов) и др. городах региона. Участвовал в раскрытии и ликвидации многих, так называемых, контрреволюционных, вредительских и диверсионных групп. К началу 1938 г. И.А.Добош имел большой послужной список и занимал ответственную должность заместителя начальника отдела кадров УНКВД по Свердловской области. Член партии с 1920 г., Иосиф Добош за службу был награжден двумя револьверами, имел звание «Почетный чекист». В марте 1938 г. пришел и его черед быть арестованным по обвинению в шпионаже в пользу германской разведки. Следствие вели бывшие коллеги, а, возможно, и соседи по дому. Как и ко многим, в ходе следствия к Добошу применяли «недопустимые методы воздействия». Его жена, Анна Васильевна, оказалась настоящей боевой подругой, она много и бесстрашно писала в защиту мужа в разные инстанции, включая «дорогого товарища Ста-

лина». Из комфортабельной отдельной квартиры в Городке чекистов ее уже выселили, и она снимала комнату в домике на улице Щорса, тогдашней окраине города. В ходе следствия Добош вел себя непреклонно, вины своей не признал, а вскоре были арестованы и сами его следователи, что, возможно, было связано со сменой руководства союзного наркомата внутренних дел. В любом случае, дело И.А.Добоша развалилось и в январе 1939 г. его выпустили из свердловской тюрьмы № 2. В мае 1939 г. он направил заявление на

имя нового наркома внутренних дел Л.П.Берии с просьбой восстановить на службе в органах безопасности. После дополнительной проверки материалов дела, московские чекисты пришли к выводу, «что Добош был связан со шпионскими кругами и, возможно, поддерживает эти связи, но неумелая агентурная разработка и неумелое ведение следствия по делу привело к тому, что УНКВД стало перед фактом недоказанности обвинений Добоша и последний из-под стражи освобожден». На момент этой проверки бывший

З. С. Р. 14
Н. К. В. Д. 3

УГБ УНКВД Свердловской области

ОРДЕР № 614

Выдан 26 марта 1938 г.
Действителен 3 суток.

Сотруднику И. Ойгеля унчвз.
Молчанов

Вам поручается произвести обыск и арест гр. Добош
Иосифа Альбертовича

проживающ. гор. Зекнега.

Всем органам Советской власти и гражданам СССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера, при исполнении им возложенных на него поручений.

Начальник Управления НКВД
по Свердловской области
Комиссар Госуд. Безопас. З.ранг
(АЛЕКСАНДРОВ)

П. И. Я. О. Т. Р. Е. З. А.

Ордер на обыск и арест И.А.Добоша. Из фондов ГААО СО.

«почетный чекист» работал в «Динамо» Свердловской области, т.е. все-таки в структуре НКВД, но по уровню ответственности не сопоставимым с его прежним положением. Доверие к Добошу было крепко подорвано, известно, что еще в декабре 1941 г. он находился под секретным наблюдением своих бывших коллег. К этому времени И.А.Добош работал в Деловом доме инспектором по кадрам Главлесчермета, в контактах был очень замкнут, проживал с женой хотя и в Городке чекистов, но уже в коммунальной квартире № 225 в 5-м корпусе по соседству с большой семьей сотрудницы УНКВД Александры Петровны Егоровой. Как сложилась дальнейшая судьба неггибаемого чекиста Иосифа Добоша неизвестно.

Следственное дело И.А.Добоша помогло установить фамилию директора жилкомбината Городка чекистов, в 1938 г. им был «тов. Щекалев».

В то же время, и по соседству с И.А.Добошем, в кв. № 137 прожи-

вал Федор Мартынович Греккер. По происхождению латыш, в ходе Первой мировой войны эвакуировался из Риги в Орел и после революции остался в России. С 1919 г. служил в органах ВЧК-ГПУ-НКВД: в Томске, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске, Чите, Днепропетровске, Москве и Горьком. В 1933 г. Ф.М.Греккер был назначен особоуполномоченным ПП ОГПУ по Уралу и с тех пор проживал в Свердловске. В декабре 1937 г. Греккера арестовали как «агента иностранной разведки, по заданию которой проводил шпионскую работу на территории СССР». Будто бы латвийской разведке он служил с 1919 г. и передавал через связных секретные приказы ОГПУ-НКВД, сведения о численности состава и их характеристики, материалы о военных заводах, выпускаемой продукции, сведения о работе городских и районных органов ОГПУ на Урале, о войсковых частях ОГПУ и частях РККА на территории Свердловской области. За услуги

разведке Греккер, якобы, получил на родине звание капитана латвийской армии и крупный счет в Рижском банке. Под давлением следствия он подписал заявление о признании себя членом контрреволюционной националистической латышской организации и шпионом в пользу латвийского государств. Позднее Греккер от своих показаний категорически отказался и виновным себя не признавал, более того, он настойчиво заявлял, что его оговорили и принудили к самооговору. Тем не менее, 15 августа 1938 г. выездная Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Федора Мартыновича Греккера к высшей мере наказания – расстрелу. Согласно Постановлению ВЦИК от 1 декабря 1937 г., приговор был приведен в исполнение немедленно. Много лет спустя приговор в отношении Греккера отменили, и дело прекратили за несостоятельностью доказательств и отсутствием состава преступления. Многие из чекистов, проживавших в Городке,

Во дворе Городка чекистов. Из фондов СОКМ.

Заметка с рисунком из газеты «Уральский рабочий». 1941 г.

разделили судьбу Федора Мартыновича Греккера.

В ходе следствия 1938 г. в отношении одного из инженеров стройбюро УНКВД Василия Васильевича Коуголя возникал сюжет о вредительском замысле при строительстве газостанции жилкомплекса чекистов. Известно, что в 1930 г. Городок чекистов был одним из первых газифицированных кварталов в Свердловске. Так вот, будто бы, основной инициатор проекта Городка И.П. Антонов, руководитель его строительства С.Ю. Грунтман, и некто Вейс по заданию латвийской контрреволюционной организации вредительски запроектировали строительство газовой станции внутри Городка чекистов среди 13-го и 14-го корпусов. Дескать, они ставили себе задачу взорвать ее в случае войны, причинить большой ущерб государству и убить чекистов, проживавших в жилых корпусах рядом с

газостанцией. Как выяснилось позднее, версия эта от начала до конца была выдумана следователями, и, к счастью для многих, продолжения не получила. Из дела же стало известно, что бывший начальник стройбюро ПП ОГПУ Сергей Юльевич Грунтман к 1938 г. уже был арестован в Горьком, где трудился на должности начальника особого строительства НКВД.

Что касается газовой станции для жилкомбината НКВД, то выстроили ее во Втузгородке, на ул. Малышева, и в 1938 г. ввели в эксплуатацию. Среди подписавших Акт приемки фигурировали механик газостанции П.М. Смирнов и «электрик жилкомбината НКВД Петров».

В ведении строительного отдела УНКВД оставались работы по благоустройству и озеленению территории Городка. Так в ноябре 1936 г. одно из помещений жилкомплекса, санчасть, отремонтировали под Детский клуб, «затратив на работы 6026 руб. 97 к.» С самого начала Городок УНКВД формировался как один из самых благоустроенных и комфортабельных районов Свердловска, о чем свидетельствуют и отзывы жильцов, и сохранившиеся с давней поры фотографии.

Тем не менее, весной 1941 г. в «Уральском рабочем» опубликовали критическую заметку с карика-

турой в адрес «директора жилкомбината УНКВД тов. Хазана» о загрязненности и запущенности дворов Городка чекистов.

Вскоре же в клубе Дзержинского горисполком созвал общее собрание управляющих домами, дворников и председателей уличных комитетов города для обсуждения насущных вопросов. Для удобства горожан в 1938 г. в фойе клуба и в магазине «Динамо» установили таксофоны.

В 1939 г. в кв. № 302 в 14-м корпусе в семье сотрудника Управления НКВД по Свердловской области Владимира Павловича Бояршинова родилась дочь Людмила.

Много лет спустя Людмила Владимировна рассказала о жизни своей семьи и подарила музею несколько предметов и фотографий из квартиры в Городке чекистов. Семья Владимира Павловича и Галины Степановны Бояршиновых проживала в жилкомплексе УНКВД/МГБ с 1934 по 1961 гг. В 1946 г. они переехали в «подкову» (так называли тогда «Исеть») в квартиру № 10 на втором этаже. В их распоряжении оказались две комнаты с 4-мя большими окнами и крохотной кухней в стенном шкафу. В квартирах было очень душно и двери в общий коридор почти не закрывали. Ванные комнаты находились на этаже, но жильцы ими не пользовались, и со временем их

В жилой комнате семьи Бояршиновых в квартире № 302 в Городке чекистов. 1939 г. Из семейного архива Бояршиновых-Коноваловых.

Люда и Лиля Бояршиновы на прогулке во дворе Городка чекистов. 1940 г. Из семейного архива Бояршиновых-Коноваловых.

под свои нужды заняли уборщицы и дворники. Кроме Людмилы у Бояршиновых родились еще двое детей: Лилия в 1940 г. и Юрий в 1950 г. Городок чекистов для них – место, где прошли лучшие, ничем не омраченные, детские годы.

По воспоминаниям Людмилы Владимировны, дворы Городка были чистыми и ухоженными, посторонних не было, т.к. пропускная система сохранялась до начала 1950-х гг. Свободное время дети проводили у фонтанов на игровой

Штампы библиотеки клуба/дома культуры им. Ф.Э.Дзержинского. Книга из фондов Свердловской областной межнациональной библиотеки.

и спортивной площадках, играли в крокет, лапту, качались на качелях и др. Летом детей занимали затейник и баянист, устраивая различные конкурсы, состязания и игры. В клубе им. Дзержинского действовал Детский сектор с кружками и студиями, вход в его помещения и к гардеробным шкафчикам на 2-м этаже был со двора (где сейчас библиотека СОКМ). Досуг, действительно, проводили интересно, но избранными себя не ощущали. Так у Люды и Лили Бояршиновых на все сезоны было по одному пальтишку: зимой пришивали воротники, летом – отпарывали. Учились дети чекистов в школе № 38 на ул. Бажова, когда разделили школы на мужские и женские, то мальчики посещали школу № 37.

К началу 1941 г. в штате клуба имени Дзержинского числилось шесть культработников, для деятельности 10 кружков было предоставлено шесть комнат, где занимались 197 человек. Для различных массовых мероприятий и работы киноустановки имелись зрительные залы на 629 мест. Клуб располагал и собственной библиотекой, которая, судя по всему, начала формироваться еще до окончания его строительства. Книг из библиотеки клуба чекистов сохранилось много, при отсутствии инвентарных книг, историю их поступления отчасти раскрывают библиотечные штампы – в некоторых томах их имеется до пяти-шести. Из самых ранних и редких – треугольные штампы «Библиотека при профкоме ПП ОГПУ по Уралу/Свердловск», «Библиотека/г. Свердловск/Клуб ПП ОГПУ по Уралу им. т. Дзержинского» и «Библиотека/Парт. кабинет/УНКВД/г. Свердловск». Позднее – четырехугольные штампы «Библиотека/Клуб им. Ф.Э.Дзержинского» и «Библиотека/Дом культуры им. Ф.Э.Дзержинского».

Смена штампов – дело серьезное и происходило оно при реорганизации библиотечного учреждения с передачей фондов, документы для датирования этого процесса пока не выявлены. Известно, что к январю 1941 г. число книг и журналов в библиотеке клуба им. Дзержинского составляло всего 18 000

томов, «часть их была списана или изъята как непригодные, а процесс замены и приобретения новых книг был недостаточным».

Отложились в фондах библиотеки клуба имени Дзержинского книги XIX – первой половины XX вв., в том числе, предположительно, конфискованные в ходе репрессий. Выявить, проследить судьбы таких книги их владельцев сейчас очень сложно. После ликвидации в 1990 г. Межсоюзного дома культуры имени Ф.Э.Дзержинского преемником библиотечных фондов стала Свердловская областная межнациональная библиотека. Затем наиболее ценные экземпляры передали в отдел редкой книги Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В.Г.Белинского, среди них – экземпляры с автографами владельцев, с экслибрисами и супер-экслибрисами.

Вот какая история связана с томом «Истории Греции со времени Пелопонесской войны», изданном в 1896 году типографией И.Д.Сытина. На одной из первых страниц книги – дарственная надпись: «Педагогический Совет Уфимской мужской гимназии, уважая отличное поведение, прилежание и успехи ученика VI класса Умова Алексея, наградил его сей книгой, при торжественном акте, за надлежащим подписом и приложением печати. Уфа. Ноября 11 дня 1900 г.», далее – «надлежащие» подписи и печать. А на следующей странице – синий штампик библиотеки дома культуры им. Ф.Э.Дзержинского. Как книга попала в библиотеку клуба чекистов? Передана владельцем из лучших побуждений или конфискована при аресте и обыске?.. Между дарственной надписью и штампом – непростая человеческая жизнь. Алексей Алексеевич Умов, инженер-доменщик треста «Уралмет», действительно был арестован ОГПУ в 1931 г. как участник «контрреволюционной вредительской организации специалистов, которая имела целью, путем создания экономических кризисов и задержания в развитии всех отраслей народного хозяйства в СССР, способствовать сверже-

О. Г. П. У.
Т А № _____

... с зачислением за О. Г. П. У.
... будут подвергнуты строжайшей ответственности.

О Т В Е Т Ы:

1-я часть (заполняется заключенным).

Фамилия *Умов*

Имя и отчество *Алексей Алексеевич*

Гражданин ^{или} какого государства *СССР*

Национальность *русский*

Место приписки (откуда произошел) *Губ. Пермь Уралский уезд Вол. Уралский вол. Сельский район*

Возраст (год рождения) *42 1/2 лет; родился в 1883 г.*

Образование: а) грамотен-ли а) *да*
 б) какую школу окончил б) *окончил Пермский институт в Свердловске по специальности металлургия*
 в) если не оконч., то ск. ^{класс} прош. в) *прошел 7 классов школы*

Состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев и сестер).	Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Занятие или место работы и должность или профессия	Место жительства (адрес)
1 жена	Умыв	Мария Ивановна	48 1/2	дом. хозяйство	Свердловск, Курганская ул., 11
2 сына	—	Александр	15 1/2	ученик	—
3 —	—	Михаил	33	инженер-металлург	—
4 —	—	Александр	33 1/2	ученик в Курганской металлургической школе	—
5 сестра	—	Екатерина Ивановна	33	инженер-архитектор	—
6 брат	—	Иван Алексеевич	45	слесарь	—
7 брат	—	Александр Алексеевич	40	—	в Свердловске 1935 г.
8 сестра	—	Мария Алексеевна	41	—	в Свердловске, в настоящее время неизвестно

9) Партийная принадлежность: а) в какой партии состоит, б) с какого времени *Бессоюзный член*

10) Профессия *инженер-металлург*

11) Род занятий и место службы в момент ареста *инженер по доменной плавильной печи в тресте «Уралмет» (Пермь, Уралмет)*

12) Состоял ли на государственной службе, в каком чине *служил в заводском районе по Свердловскому району, имел звание инструктора совхоза*

13) Владел ли недвижимым имуществом, каким и где *нет*

14) Если не служил и не работал по найму, то на какие средства жил *—*

Фото и анкета, собственноручно заполненная арестованным Алексеем Алексеевичем Умовым. 1931 г. Из архивно-следственного дела. ГААО СО.

нию Советской власти и восстановлению капиталистического строя... В своей практической работе осуществлял задачи контрреволюционной вредительской организации непосредственно и через привлеченных лиц».

Любопытный момент, среди подписавших обвинительное постановление был упоминаемый выше чекист И.А.Добощ, «начальник 2-го отд. ЭКУ ПП ОГПУ по Уралу».

«Вредитель» и потомственный горный инженер А.А.Умов родился

в октябре 1883 г. в семье управляющего и акционера Симского горного округа. После окончания уфимской гимназии он продолжил образование в горном институте Санкт-Петербурга. До революции молодой инженер успел поработать в Златоустовском и Воткинском заводах. После установления Советской власти, он трудился на разных должностях в структуре Южно-Уральского треста, в Ашинском, Саткинском, Златоустовском заводах, с 1927 г. — в тресте «Уралмет» (позже «Восток-

сталь»). По окончании следствия по делу о специалистах-вредителях в черной металлургии, А.А.Умов был приговорен к заключению в концлагерь сроком на 10 лет, сразу же замененным «высылкой через ПП ОГПУ на Урал, на тот же срок, считая с 30 января 1931 г.» Будучи осужденным, Алексей Алексеевич в заключении не был, с группой инженеров его принудительно направили на строительство Синарского завода. В дальнейшем он трудился по специальности на заводах и в учреждениях Урала, публиковал статьи, брошюры и учебники. В 1956 г. в реабилитации Умову отказали, лишь в 1991 г. прокурорской проверкой было установлено, что никакой контрреволюционной организации инженеров на Урале не существовало, а дело было сфальсифицировано.

Вот такая человеческая судьба стоит лишь за одной книгой из библиотеки клуба чекистов, а сколько еще скрыто их за книжными переплетами с надписями и экслибрисами.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. многое изменила в укладе жизни советских людей и общества в целом. Свердловск, несмотря на то, что оставался глубоко тыловым городом, вместе с огромной страной воевал и отстаивал право на жизнь всеми доступными ему средствами. Каким образом участвовали в этом Городок чекистов и его обитатели — тема для следующего интересного исследования.

НАЧАЛО ЗВУКОВОГО КИНО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ*

Степан НЕДВИГА

Член Союза кинематографистов
и Союза журналистов России.
г. Екатеринбург.

В Советском Союзе над созданием звукового кино задумались в начале 20-х гг. Существует патент № 111 «Говорящий кинематограф» видного советского ученого в области проводной связи Валентина Ивановича Коваленкова. Заявлен он был 11 июня 1920 г. В нем В.Коваленков предлагал два способа записи звукового сопровождения кинофильмов. Согласно одному из них, в край киноленты надо было заделать тонкую стальную проволоку и производить на нее запись звука одновременно с киносъемкой. Важно было лишь, чтобы при проявке киноленты химические растворы не попадали на проволоку. Согласно другому способу, стальную проволоку можно было поместить на отдельный аппарат, синхронно идущий со съемочной камерой...

В 1922 г. В.Коваленков подал заявку на новый патент под названием: «Способ фотографической записи звуковых колебаний», в котором в качестве модулирующего элемента предлагал использовать лампу накаливания¹.

В 1924 г. была организована Ленинградская экспериментальная электротехническая лаборатория (ЛЭЭЛ). В.И.Коваленков стал ее руководителем. Здесь работы над зву-

ковым кино были продолжены. Вот как отзывался о них В.Коваленков: «Все части говорящего кино сконструированы, а некоторые уже изготовлены в лаборатории, и только вследствие недостатка средств и научного персонала говорящее кино не удалось до сих пор смонтировать»². Фиксировали звук на пленке с помощью катодного осциллографа. Для считывания сигнала изготовили кинопроектор. Причем, он был непрерывного движения. Провели опыты. Они были обнадеживающими, однако, средств для их продолжения, как следует из цитаты, не хватило...

А.Ф.Шорин

В 1927 г. ЛЭЭЛ объединили с Отделом специальных аппаратов (ОСА), входившем в состав Центральной радиолaborатории, образовав тем самым Центральную лабораторию проводной связи (ЦЛПС). Руководить ЦЛПС стал ученый и изобретатель Александр Федорович Шорин (1890–1941).

Лаборатория Шорина работала на военных. Ей надо было создать устройство, способное фиксировать несколько (до 15) электрических сигналов. Видимо, эти работы, а также те, что велись еще ранее в ЛЭЭЛ под руководством В.Коваленкова, и натолкнули Шорина на создание уст-

В.И.Коваленков

* Журнальный вариант нескольких глав из книги «Как фильма стала говорящей», изданной в «Банке культурной информации».

П.Г.Тагер

ройства, способного «сохранять» звуковой сигнал, причем сохранять в виде фотографической фонограммы. Такой темы в плане работ лаборатории не было, но Шорин сумел увлечь ею своих работников, и те занимались звуковым кино в нерабочее время...

Примерно в это же время звуковое кино начали создавать и московские ученые. Как сообщалось в статье «Говорящее кино» (газ. «Правда» № 25 от 1 февраля 1927 г.), в ноябре 1926 г. к опытам по световой записи звука приступили недавние выпускники Института физики и кристаллографии при Первом Московском государственном университете, – Павел Григорьевич Тагер (1903–1971), Илья Семенович Джигит (1902–1964) и А.А.Шишов. Что их к этому подвигло, неясно. Возможно, недавняя нашумевшая премьера «Дон Жуана»³ в Нью-Йорке, вести о которой достигли и Москвы... Руководил звуковыми изысканиями Павел Тагер.

В январе 1927 г. в Советский Союз привезли звуковую систему «Три-Эргон» немецких изобретателей Йозефа Энгла, Ханса Фогта и Йозефа Массола. Владельцы хотели продать права на ее использование. Сеансы по этой системе состоялись в Ленинграде и Москве. До сих пор разговоры и споры о звуковом кино у советской общественности шли, что называется, «всухую». Теперь можно было оценить новинку. Просмотр германских картин породил в обществе яростную полемику о нужности звуковых фильмов. Восторженные отзывы о звуке в кино перемежались с резко отрицательными...

Эти сеансы не могли пройти незамеченными для Тагера и Шорина. Они воочию увидели то, к чему стремились и чем занимались последние два месяца. В то же время они понимали, что это был образец, который им следовало не только достичь, но и превзойти.

Создаваемые Шориным и Тагером системы звукового кино должны были отвечать следующим требованиям. У них при обрыве пленки не должна была теряться синхронность между звуком и изображением. Для повышения износоустойчивости у них не должно было быть механического соприкосновения звуконосителя со считывающим устройством. И наконец, надо было сделать так, чтобы системы позволяли простым способом делать нужное количество копий.

Всем этим требованиям удовлетворяла фотографическая фонограмма, помещенная на одном носителе с изображением. Для записи звука на пленку необходим был модулятор – специальный прибор, преобразующий звуковой сигнал в световой.

П.Тагер, И.Джигит и А.Шишов решили создать модулятор на основе ячейки Керра, обладающей способностью изменять проходящий через нее световой поток в соответствии с уровнем подаваемого на ячейку звукового сигнала. Можно предположить, что этой ячейкой они занимались и ранее в рамках институтских исследований, а затем решили применить ее для записи звука.

Аппарат записи звука группа Тагера изготовила к весне 1928 г. Он производил запись фонограммы переменной плотности. Аппарат решили расположить в одном корпусе со съемочной камерой, соединив механически их приводные механизмы. Это необходимо было для того, чтобы обеспечить одновременный запуск и дальнейший совместный синхронный ход кинокамеры и аппарата записи звука. Т.е. съемка изображения и запись звукового сигнала производились на две различные пленки. Затем пленки проявлялись и монтировались, а в копирувальном аппарате их содержимое объединялось на одной киноленте.

Первая публичная демонстрация звуковых фильмов Тагера про-

шла 28 марта 1928 г. в Москве, в Большой аудитории Физического факультета университета. Прошла успешно. В то же время, стало очевидно, что работа Тагера не является профильной для Физического факультета, т.к. здесь им не хватало необходимого электротехнического оборудования. Тогда всю группу со всей наработанной аппаратурой перевели во Всесоюзный электротехнический институт (ВЭИ), имевший конструкторов-чертежников, производственную базу для изготовления аппаратуры и т.д. Здесь осенью 1928 г. была создана Лаборатория звукового кино, в которой работы по совершенствованию звукозаписывающего аппарата были продолжены...

Активная творческая работа по созданию элементов звукового кино шла и в Ленинграде, в лаборатории Шорина. Прежде всего, как и в группе Тагера, шоринцам надо было создать качественный модулятор. Его А.Шорин собрал совместно с профессором П.П.Литвинским и инженерами Б.А.Смирениным и Н.А.Тимарцевым. В качестве модулирующего устройства они решили использовать тонкую металлическую пластину, помещенную в магнитном поле. В исходном состоянии пластина перекрывала половину светового луча, идущего от лампы через объектив и узкую прямоугольную щель на кинопленку. Пластина при пропускании по ней тока звуковой частоты колебалась в магнитном поле в соответствии с уровнем сигнала, в разной степени перекрывая световой поток лампы и, как следствие, изменяя ширину освещенной части пишущего штриха. При этом на кинопленке записывалась фонограмма переменной ширины.

Изготовив модулятор, сотрудники шоринской лаборатории перешли к записи звука на кинопленку. Первые записанные фразы были самыми простыми: «Раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять» и «Алло, алло, как вы меня слышите». Записали также игру на балалайке и гармошке. После проявки фонограммы воспроизвели запись. Речь и музыкальные инструменты звучали с сильным шумом и треском, но звучали! Это была первая победа

энтузиастов на длинном пути создания звукового кино...

Как уже указывалось, в то время было немало сторонников немого кино, считавших звук в фильмах излишним. Шорин же был уверен в неизбежном приходе звукового кино и старался доказать это практически. Он рассказал о проделанных опытах со звуком председателю электротехнического объединения. Тот благосклонно отнесся к начинанию Шорина и предложил ему снять «звуковую картину», чтобы оценить возможности новинки, а также распорядился включить эти работы в план лаборатории. Получилось некоторое, пусть и небольшое, финансирование. От киностудии «Совкино» (будущий «Ленфильм») обещали дать на один вечер съемочную камеру, выделили киноплёнку и осветительные приборы. Большую комнату лаборатории приспособили для записи, и в ней произвели звуковую съёмку балалаечника с песней «Коробейники» и артиста Соболевского с арией Ленского из оперы «Евгений Онегин». После проявления записи прослушали. Всем, кто участвовал в эксперименте, запись очень понравилась.

Воодушевленный Шорин в октябре 1928 г. решил показать свое детище профессиональным киноработникам. Это было тяжкое испытание, ибо они звуковое начинание шоринцев разнесли в «пух и прах». Вот как проходил сеанс по свидетельству самого Шорина: «...Комната в полумраке. Лица видны хорошо, проектор и экран дают много света. Если внимательно следить за лицами, можно всё прочесть, не нужно никаких особых вопросов. Мы сразу всё «прочитали» – провал полный!.. Уважаемые специалисты кино пришли в ужас от всей нашей стряпни на самодеятельной кинематографической кухне. В каждом жесте, в слове, в их интонации мы прочли себе почти «смертный приговор»: всё не только плохо, а ужасно, это же не искусство, вообще во всем этом деле толку будет мало и ждать художественного результата трудно. «Монтаж, вы понимаете, монтаж – вот что главное в кино. Где же тут динамика впечатлений? Это скверный механический театр – не боль-

С.М.Киров

ше, да еще скрипучий, шумящий, картавящий»⁴.

Провал был полный. Шорин даже засомневался в целесообразности продолжения работ. Помог случай. Будучи в командировке в Москве, Шорин в кабинете начальника треста рассказывал о проведенных опытах со звуком, как вдруг в комнату вошел С.М.Киров. Узнав, о чем идет речь, он быстро включился в разговор. Шорин, всегда носивший с собой отрезки киноплёнки, на которых была записана фонограмма, показал их Кирову. Тот восхитился возможностью фиксировать звук и сразу разрушил все сомнения Шорина. Если кино может говорить, значит, оно должно говорить, – таков был его вердикт.

После разговора с Кировым Шорину выдали и съемочный и проекционный аппараты, и осветительные приборы, и всё необходимое для съемки звуковой картины. Как раз в это время лабораторию перевели в новое большое здание Института, в котором нашлось место под настоящую звуковую студию. В большой комнате оборудовали звуковое ателье с занавесями на стенах и коврами на полу, в соседней комнате разместили съемочный и записывающий аппараты. Между комнатами врезали большое стеклянное окно. После всех приготовлений решили сделать кинопрограмму длительностью в полтора часа. И закипела работа...

«Бабы рязанские»

Первый публичный показ звуковых фильмов по способу А.Шорина прошел в Ленинграде 28 марта 1929 г. Чтобы зрителям было понятнее, что такое звук в кино, программист открывал сюжет о работах, ведущихся в лаборатории над записью фонограмм. За неимением диктора об этих работах рассказывал сам Шорин. Далее следовал ряд концертных номеров и озвученная одна часть немого фильма «Бабы рязанские».

Ленинградская газета «Кино» так отзывалась об этих первых шоринских звуковых фильмах: «Были показаны отрывки заснятых эстрадных номеров. Слышимость – безусловно хорошая, несмотря на некоторую нечистоту звука. Но и этот недостаток уже теоретически разрешен и в ближайшее время будет устранен и практически. Ленинградская фабрика «Совкино» совместно с инженером-изобретателем тов. Шориным приступает к засъемке специальной короткометражной картины»⁵.

На сеансе присутствовал председатель правления Всероссийского фотокинематографического акционерного общества «Советское кино» («Совкино») К.М.Шведчиков, который был в курсе достижений западного кино в области звука. Увидев и услышав результаты работы шоринской группы, он распорядился всячески способствовать их изысканиям. Теперь шоринцам уже не надо было выпрашивать остатки пленки. Напротив, давали целыми коробками. Плюс с помощью Н.Я.Гринфельда, директора ленинградской кинофабрики «Совкино»,

Кадр из кинофильма «Бабы рязанские»

Шорину закупили в Париже проекционный и съемочный (для немого кино) аппараты.

И вот после успешного дебюта шоринская лаборатория приступила к озвучанию всего фильма «Бабы рязанские». Картина «Бабы рязанские» вышла на экраны в декабре 1927 г. В фильме режиссеров Ольги Преображенской и Ивана Правова рассказывалось о несчастной судьбе молодой женщины-крестьянки в дореволюционной России. Главные роли в фильме исполнили молодые и обаятельные актрисы: Эмма Цесарская, Раиса Пужная и Елена Максимова. Прокат фильма был успешным, пользовался он популярностью и за рубежом. Видимо, поэтому команда Шорина и выбрала его для озвучивания.

Проходило оно следующим образом: «...демонстрировали на экране какую-нибудь одну часть немой картины. Музыканты, певцы и имитаторы подробно ее изучали, а затем по определенной программе, в соответствии с происходящим на экране действием, предлагали звуковой материал: пение, музыку, шумы, возгласы и т.д.

Как только такая программа была хорошо разучена, – одновременно с демонстрацией картины пускался звукозаписывающий аппарат, записывающий на пленку всё музыкальное и шумовое сопровождение»⁶.

Таким способом озвучивалось всё происходящее на экране, кроме речи актеров.

Разработка «Тагедфона»

В Москве, в Электротехническом институте вокруг группы Тагера

сплотились московские кинематографисты, желавшие научиться правильно использовать звук в кино. В первую очередь, это был Леонид Оболенский – «...самый аристократический, самый утонченный член нашего коллектива, человек всесторонних интересов – актер, режиссер, танцор, инженер, лингвист, историк искусств, фотограф, оператор (впоследствии звукооператор и звукооформитель)», – так отзывались об Оболенском известные советские кинодеятели Лев Кулешов и Александра Хохлова⁷.

В конце 20-х гг. Оболенский занимался режиссурой. Как раз в мае 1929 г. вышел на экраны его фильм «Торговцы славой». Тем не менее, Оболенский всерьез заинтересовался звукозаписью. Настолько серьезно, что осенью 1929 г. уехал в Германию изучать технологию звукового кино, где принимал участие в съемках одного из первых германских звуковых фильмов – «Голубой ангел» режиссера Джозефа фон Штернберга.

Заинтересовался изучением технических и творческих особенностей записи звука и кинорежиссер Всеволод Пудовкин. Работу в группе Тагера он воспринимал как проверку на практике своих теоретических выкладок.

Стремлением понять специфику производства звуковых фильмов руководствовались, видимо, и операторы «Межрабпомфильма» Григорий Кабалов и Анатолий Головня, снимавшие для группы Тагера первые звуковые фильмы.

Пробы по записи звука в Лаборатории проходили успешно, теперь разработчиков интересовало, как поведет себя аппаратура в условиях

натурных съемок. Для проверки 1 мая 1929 г. П.Тагер вместе с Л.Оболенским и работниками студии «Межрабпомфильм» произвели звуковую съемку первомайских торжеств. К сожалению, она оказалась неудачной. Виною тому недоработка аппарата записи, или некачественная проявка, неизвестно. Несмотря на неудачу, союз между Тагером и киноработниками «Межрабпомфильма» состоялся. Тагеру нужна была конкретная работа, а «Межрабпомфильм» интересовала возможность использовать аппарат Тагера для съемки звуковых фильмов. 12 июня 1929 г. киностудия «Межрабпомфильм» заключила договор с руководством Электротехнического института на право использования звуковой аппаратуры, сконструированной в институте П.Тагером и его коллегами.

2 августа 1929 г. произвели еще одну пробную запись на улице. В ней, как обычно, участвовали П.Тагер и работники «Межрабпомфильма»: Л.Оболенский, Г.Кабалов, В.Пудовкин и др. Звук записывался на разработанном Тагером аппарате записи звука СГК-5. На этот раз попытка оказалась успешной.

Первая установка Тагера для съемки звуковых фильмов, получившая наименование «Тагедфон», состояла из кино-фоно-аппарата, штатива, усилителя и микрофона. Как вспоминал позднее кинооператор Григорий Кабалов: «...Вес аппарата, примерно, вдвое больше обычного, так как внутренность его представляет два аппарата, соединенных вместе и работающих синхронно. В левой его части помещается обычный съемочный кино-аппарат с уменьшенным кадром 18x22 мм

Леонид Оболенский

Всеволод Пудовкин

Анатолий Головня

Григорий Кабалов

(против нормального 18x24 мм). <...> В правой части аппарата помещается механизм для съемки звука на непрерывно движущейся пленке. <...>

Обе пленки движутся с одинаковой скоростью (20 кадров в секунду), но одна из них продвигается толчками, а другая непрерывно. Аппарат приводится в движение вращением ручки или с помощью мотора, который помещен внутри аппарата. Звук улавливается микрофоном...»⁸.

К этому времени группы Шорина и Тагера узнали друг о друге, и между ними началась настоящая вражда за приоритет, и за то, какая из их систем является более совершенной. Хотя в существовании двух групп был и положительный момент: каждая из них делала всё возможное для улучшения своего способа записи звука. Здоровая конкуренция, так сказать. Руководство страны отнеслось к этому с пониманием, оно допустило существование двух коллективов со сходными задачами. Пока не ясно было, какая из систем совершеннее, 6 декабря 1929 г. на заседании кинокомитета при Совнаркоме приняли решение выделить обеим группам миллион рублей. Эти средства пошли на производство звуковой аппаратуры.

Американская звуковая система в Москве

Вскоре нашим разработчикам представилась возможность проверить качество своих записей. В начале сентября 1929 г. председатель «Амкино» Л.И.Монозон в рекламных целях привез из США в Москву звуковую аппаратуру «Фотофон», а также фильмы и литературу по звуковому кино. Советским кинороботникам было предложено заключить договор с фирмой на приобретение киноустановок. При сумме сделки в миллион рублей, фирма бралась содействовать внедрению звукового кино в стране и обучению группы наших специалистов.

Монозон сделал доклад о звуковом кино, затем начались сеансы американских фильмов «Царь царей» и «Король джаза». Вместе с ними Шорин решил показать и свои фильмы. Увы, их качество было

заметно хуже. Один из очевидцев вспоминал: «...когда на экране после жемчужной фотографии и безупречной репродукции звуков американских фильмов замелькали наши исцарапанные, грязные и вялые позитивы, то стало обидно за наших работников, тем более, что звуковая часть у нас была достаточно прилична и подавала определенные надежды...»⁹

Несмотря на отличные кинопоказы, договор с американцами не заключили, решили ориентироваться на собственные разработки. Приобрели лишь комплект звуковоспроизводящей аппаратуры для московского кинотеатра «Художественный».

Первый советский звуковой кинотеатр

Подстегнутые качеством американских фильмов, советские разработчики продолжили совершенствование своих систем. Пора уже было выходить из студий к широкому зрителю. Для этого нужен был кинотеатр звукового кино. И его открыли 5 октября 1929 г. в Ленинграде, на Невском проспекте, дом 72. До этого там был так называемый «Экспериментальный кинотеатр», который ненадолго переименовали в «Совкино», а затем уже в «Звуковой кинотеатр» (ныне «Кристалл Палас»).

При устройстве кинотеатра пришлось преодолеть немало технических трудностей. Всё было впервые. Например, на пути светового потока перед пленкой нужна была очень тонкая оптическая щель, которая бы не забивалась пылью. В этом помог оптик Яхонтов из оптической лаборатории. Усиков изготовил фотоэлементы. Первое время после монтажа донимали фоны и наводки. «Стоило только включить или выключить дуговую лампу, которая давала свет на экран, как это вызывало за экраном выстрелы, подобные взрывам гранаты. Нудный шмельный шум создавали осветительные провода, проходящие около усилителя. Даже телефонный разговор и звонки в аппаратной слышались с экрана.

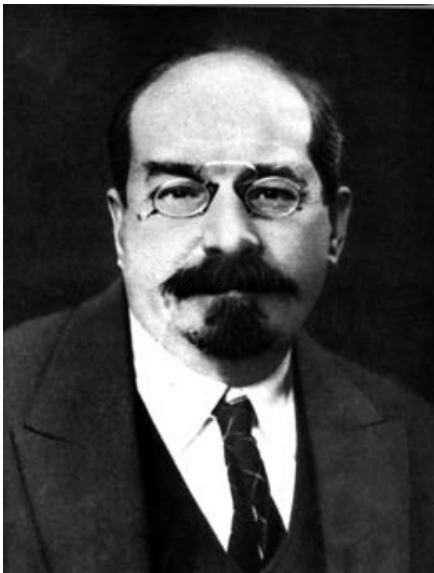
Мы заэкранировали провода, идущие к усилителю, поместили их в толстую металлическую трубу и

заземлили ее. Это помогло, но все-таки в тихих местах все эти помехи были слышны. Пришлось первую усилительную лампу усилителя поместить на самом аппарате. Тогда провода между «фотиком» (фотоэлемент – С.Н.) и первой лампой стали очень короткими, и все помехи как рукой сняло»¹⁰.

Чтобы поглотить лишние отражения от стен зала, их покрыли портьерами, на пол постелили ковры, закрыли материей и потолок. В зале поместили специальное кресло, сидя на котором звуковой техник должен был регулировать уровень звука в зале.

И вот наступило 5 октября 1929 г. – день открытия кинотеатра. Зал заполнился до отказа. Сначала выступил Шорин с коротким докладом о работе над звуком, далее начался сеанс. Как он был воспринят зрителями, эмоционально поведал сам Шорин: «Гаснет свет. Открывается занавес. Перед зрителями на экране появляется конференсье, он молча раскланивается. Все притихли. Слегка шумит экран. Чувствуется работа аппарата в камере. И вдруг неожиданно для всех конференсье начинает говорить. Шумное, дружное, как по команде, движение в зале. У меня что-то сразу сваливается с плеч, сердце бешено стучит, трудно дышать. Всё хорошо, всё в порядке! Несколько прибауток конференсье заставляют смеяться весь зал. Публика шумно реагирует. Все впились в экран и самым внимательным образом следят за всеми мелочами картины, старательно выискивая недостатки или особенности звукового кино. Мгновение, и на экране конференсье сменила приятная комната со стулом, поставленным посредине. К стулу молча подходит артист с гитарой в руке, садится поудобнее, укладывает на колени гитару. Быстрый взгляд в публику, привычные движения рук и вместе с ними вырываются живые звуки – первый аккорд. Опять же одновременное шумное движение в зале, на всех лицах улыбки.

Первое напряженное состояние у публики понемногу проходит, все начинают осваиваться с экраном, откуда приятно слышатся речь и музыка. Последний аккорд, артист встает и раскланивается. Вдруг, со-

А.В.Луначарский

вершенно неожиданно раздаются шумные аплодисменты. Публика почувствовала себя как в театре, артист кончил, его выступление провожают хлопками. Значит, действительно экран ожил.

На экране – цимбалисты брата Лепянские.

Успокоившись, иду в кинокамеру. В аппаратной очень людно. Резко и шумно трещит аппарат. Контрольный динамик настойчиво воспроизводит звуки картины. Механики, застыв у аппарата, то смотрят через смотровое окно в зал, то быстрым взглядом оббегают аппараты, проверяя все ли в порядке. Пока всё идет хорошо. Сейчас на экране появится артист Журавленко; необходимо посмотреть, как его встретит публика. Мы гурьбой выходим из аппаратной и бежим в зрительный зал через запасный выход.

Пропел и раскланялся Журавленко. Мощная волна аплодисментов охватила зал. Настроение у нас бодрое и радостное»¹¹.

Это был заслуженный успех. Шорину и его группе (Б.А.Смиренин, Н.А.Тимарцев, С.П.Обухов, М.А.Мошонкин, Лесников, Степанов, Е.Г.Яхонтов, Л.Г.Усиков и др.) открылась широкая дорога. К работе над звуковым кино подключили кинопредприятия и киностудии. В лаборатории начали делать три комплекта записи звука для трех основных киностудий страны (Ленинград, Москва и Киев). Изготавливали и звуковые приставки для кинопроекторов.

Отзывы на программу были самыми обнадеживающими. А.В.Луна-

чарский увидел в фильмах Шорина ростки нового социалистического кино. Он противопоставлял фильмы Шорина низкопробным, на его взгляд, зарубежным фильмам: «Конечно, невозможно сравнивать примитивное исполнение американско-итальянских теноров с прекрасным выполнением “Блохи” тов. Журавленко; точно так же наивнейшие комедийки или пошловатый, несмотря на декоративную затейливость, эпизод распятия Христа не могут идти ни в какое сравнение с такой исключительно талантливой и красочной картиной, как “Бабы рязанские” тов. Преображенской. Звуковое сопровождение, которым теперь обогащена эта картина, сделано с большим тактом. Никакой попытки превратить эту кинокартину в разговорную драму. Звук изображает бубенцы, хохот, смех и говор на пронсящихся тройках, шум толпы, подблюдные песни на свадьбе и т.п. Решающие же фразы даются по-прежнему надписями на экране»¹².

Трудности перехода к звуковому кино

Необходимость перехода к звуковому кино ясно понималась государственными органами. В «Правде» – основной газете советского периода – находим: «...Значение говорящего кино для СССР особенно велико благодаря особой протяженности, недостаточной транспортной сети и обилию глухих углов»¹³.

Тем не менее, в Советском Союзе звук в кино входил очень тяжело. Как раз в конце 20-х гг. произошла коренная перестройка организационно-управленческой системы советской кинематографии, в результате которой вопросы перехода к звуковому кино ушли на второй план. Другая причина заключалась в том, что страна с 1928 г. перешла к плановому ведению хозяйства. Был принят первый пятилетний план, в который, увы, расходы на звуковое переустройство кинематографа заложены не были.

Член правления АО «Совкино» И.П.Трайнин в 1929 г. побывал в Германии, где ознакомился с положением дел германской кинематографии. Она переходила к звуку. Трайнин понимал, что медлить нельзя. Советские фильмы широко демонстриро-

вались на Западе, а отставание в звуковом кино грозило потерей выгодного положения.

Поэтому 9–10 августа 1929 г. в Совкино состоялось Всесоюзное совещание киноорганизаций по вопросам звукового кино. На совещании решили сконцентрировать научно-технические силы и средства для более быстрого внедрения звука в кино. Был создан общий денежный фонд от разных организаций («Совкино», «Межрабпомфильм», ВУФКУ, «Белгоскино» и закавказские киноорганизации) в сумме 500 000 рублей, за ходом работ должна была следить специальная комиссия по звуковому кино («звуковая пятерка»), куда вошли представители перечисленных выше организаций.

Однако, через полгода деятельность «пятерки» прекратилась. В провале обвинили Трайнина. Не справился с поставленными задачами и Ардатов, преемник Трайнина. «Ардатов благодумствовал у руля руководства звуковой кинематографии, ни черта не делая и уверяя о благополучии советскую общественность. Только с лета 1930 г., в лихорадочной горячке и возмутительной бесплановости, при отсутствии какой бы то ни было системы организации, при отсутствии технически сведущих людей – началось в разных местах (Ленинград, Москва, Киев) строительство звуковых фабрик и ателье. <...> Мы в настоящее время, благодаря непримиримому правому оппортунизму Трайнинных и явному вредительству Ардатовых и примиренчеству со стороны всего правления Совкино, а потом и Союзкино, мы за четыре года топтания на месте не только не имеем сегодня хотя бы зачатков производственной базы для звуковой советской кинематографии как промышленности, но не имеем даже и экспериментальной базы»¹⁴.

Для съемок звуковых фильмов необходимы были специальные съемочные павильоны. С середины 20-х гг. в пригороде Москвы шло строительство будущего «Мосфильма». Пресса активно освещала его ход, называя «Мосфильм» «Советским Голливудом» или «Голливудом на Потылихе». Однако вскоре выяснилось, что в огромных павильонах студии, рассчитанных на одновременную съемку десяти немых филь-

мов, из-за отсутствия должной звукоизоляции невозможно было снимать одновременно несколько звуковых фильмов. Случился скандал. Руководителя строительства Анатолия Данашевского обвинили в растрате государственных средств и приговорили к расстрелу. Правда, потом заменили приговор на 10 лет лагерей. Студию пришлось перестраивать, и только к началу 50-х гг. «Мосфильм» смог в полную силу производить звуковые фильмы.

Средства на развитие звукового кино всё же выделялись, но явно недостаточные. В конце 1929 г. заводы приступили к производству звуковой аппаратуры, используя разработки Александра Шорина и Павла Тагера. Фильмы снимались, но съёмочное оборудование было настолько шумящим, что часто не давало возможности снять полноценный звуковой фильм. Ещё хуже обстояло дело с кинотеатрами, их переход к звуку затянулся на многие годы.

В отличие от западного, советское звуковое кино начиналось не с художественных фильмов, а с неигровых. Причем, произошло это в директивном порядке, а приоритет при этом отдавался фильмам научным, политехническим и хроникальным. Этими фильмами должно было коваться новое социалистическое самосознание масс. И если за рубежом основную ставку делали на развлекательные фильмы, то в Советском Союзе, как считали в Агитационно-пропагандистском отделе ЦК ВКП(б) (Агитпропе), акцент должен был делаться на идеологическом содержании выпускаемых картин. Поэтому зачастую главную роль в первых звуковых фильмах отводили «звучащему слову» партийных и государственных деятелей.

Правда, такой подход к звуковому кино длился недолго. В конце 1931 г. Сталин посмотрел фильмы «Путевка в жизнь», «Одна», «Златые горы», «Снайпер» и внес существенную корректировку в политику Агитпропа. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О советской кинематографии» от 8 декабря 1931 г. говорилось: «Задача советского кино заключается в том, чтобы создать кинокартины такого качества, чтобы обеспечить стремление рабочих и колхозников получить от кино развлечение, отдых, поднятие своего культурного

и политического уровня как строителя социализма»¹⁵.

То есть, как видим, «развлечение» и «отдых» тоже оказались на первых ролях, но при этом еще надо было, чтобы просмотр фильмов приводил к поднятию культурного и политического уровня зрителей.

Как правильно использовать звук в кино

Немало было сломано копий и в вопросе о способах использования звука. Мнения высказывались самые разные. Здесь хотелось бы привести взгляд на эту проблему наших ведущих кинодеятелей. Ещё в 1928 г. Сергей Эйзенштейн, Всеволод Пудовкин и Григорий Александров опубликовали статью-заявку «Будущее звуковой фильмы». Звук в кино они приветствовали. «Заветные мечты о звучащем кинематографе сбываются...» – так начали они свою заявку.

Однако надо учитывать, что под звуком мэтры понимали лишь музыку и шумы. Использование речи, по их мнению, было недопустимо, оно возвратило бы кинематограф к театру, лишив его всех завоеваний немого кино. Музыка и шумы, по мнению авторитетной троицы, надо использовать «контрапунктно»: «Только контрапунктическое использование звука по отношению к зрительному монтажному куску дает новые возможности монтажного развития и совершенствования. Первые опытные работы со звуком должны быть направлены в сторону его резкого несоответствия со зрительными образами»¹⁶.

Т.е. мастера считали неправильным при создании фильма использовать звуки, которые лишь иллюстрируют и поясняют кадр, не внося при этом никакой новой образной добавки. Звук, по их мнению, надо трактовать как «новый монтажный элемент», как новое средство, наряду с уже известными зрительными образами, помогающее в решении задач монтажа.

Одним из первых советских режиссеров, освоивших звук в кино, стал Абрам Матвеевич Роом. Он снял немало немых фильмов и был их ярким поборником. В 1929 г. журнал «Советское кино» устроил анкету для советских кинодеятелей с вопро-

сом: «Что можно сказать о говорящем кино?» Роом ответил: «...Если судить о том, что я видел (слышал) в Москве и Берлине, то это совершенная нелепость и чепуха. И ничего нового такое говорящее безобразие дать не может... Когда пропадает экранная тишина – пропадает 99 процентов кинематографа»¹⁷.

И вдруг, в 1929 г., после успешной демонстрации кинопрограммы Шорина, А.Роом получил от К.М.Шведчикова распоряжение снять звуковой фильм о достижениях советской промышленности. Пришлось Роому осваивать кино «говорящее». Он снял документальный фильм «План великих работ» («Пятилетка»), а также несколько короткометражных фильмов.

«План великих работ» («Пятилетка») был посвящен первой советской пятилетке 1928–1932 гг. В нем был показан ход выполнения взятых обязательств, и, как того требовали предписания Агитпропа, даны выступления видных государственных деятелей страны: Куйбышева, Ярославского, Буденного и др. Кроме того, Роом, как истый художник, включил в фильм немало «прекрасных видовых снимков»¹⁸.

Озвучивался фильм «Пятилетка» в лаборатории Шорина, над его звуковой частью работали Николай Тимарцев, Арсений Авраамов и Евгений Шолло. В фильме Роома присутствовали неочевидные для тех лет звуковые решения. К примеру, режиссер «Центрнаучфильма» и теоретик кино Юрий Закревский увидел в работе Роома не просто разговорный фильм, а «...образец полифонического использования звука и изображения, когда синхронная речь

А.М.Роом

и шумы говорящего человека в кадре смещаются на другие кадры, например, на изображение слушающих людей. <...> этот, довольно примитивный, вид монтажа положил начало развитию звуковой драматургии фильмов»¹⁹.

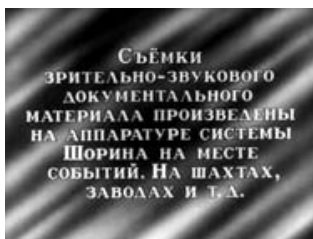
Первые советские звуковые фильмы, объединенные под названием «Звуковая сборная программа №1», были показаны в московском кинотеатре «Художественный» 6 марта 1930 г. В программу вошли следующие киноленты:

- речь А.В.Луначарского о значении звукового кино;
- документальный фильм «План великих работ» («Пятилетка»);
- рисованный фильм «Тип-Топ – звуковой изобретатель», повествующий о кругосветном путешествии с тон-аппаратом звукового изобретателя Тип-Тоба. Фильм являлся сатирой на политическую жизнь Западной Европы и США;
- марш С.Прокофьева из спектакля «Любовь к трем апельсинам»;
- несколько концертных номеров в исполнении хора, певцов-солистов, симфонического и джаз-оркестра, а также актеров кукольного театра С.Образцова.

Режиссерами указанных фильмов были Абрам Роом и Григорий Левкоев.

«Симфония Донбасса» Дзиги Вертова

Одним из первых советских документальных звуковых фильмов, снятых с использованием аппаратуры Шорина, стал фильм Дзиги Вертова «Симфония Донбасса» («Энтузиазм»). Из всех значительных режиссеров того времени Вертов был, пожалуй, самым подготовленным к приходу звука. Теоретически он стал обосновывать его еще в начале двадцатых годов. В тезисах статьи «Рождение “Кино-Глаза”» (1924) Вертов писал: «...весной 1918 г., – возвращение с вокзала. В ушах еще вздохи и стуки отходящего поезда... чья-то ругань... поцелуй... чье-то восклицание... Смех, свисток, голоса, удары вокзального колокола, пыхтенье паровоза... <...> И мысли на ходу: надо, наконец, достать аппарат, который будет не описывать, а записывать, фотографировать эти звуки...»²⁰

Кадры из кинофильма «Симфония Донбасса» («Энтузиазм»)

В течение почти десяти лет Вертова не покидают мысли о звуке, он говорит не только о Кино-Глазе, но и о Радио-Глазе и Радио-Ухе. Его фильмам, считает он, нужен монтаж не только явлений видимых, но и слышимых.

В 1929 г. Вертов совершил поездку по городам Европы со своими лекциями. Естественно при этом он посещал кинотеатры и знакомился с первыми звуковыми фильмами. В отчете о поездке он указал, что к постановке звуковой фильма он готов, осталось лишь изучить технику записи звука.

В это время ему предстояло взяться за фильм о Донбассе. Вертов стал настаивать на том, чтобы фильм был звуковым. Причем, Вертову нужен был не озвученный фильм, а фильм, в котором звучали бы настоящие, подлинные «голоса» всех тех промышленных предприятий, которые будут задействованы в картине. Т.е. ему надо было провести натурные съемки с записью окружающих шумов. В то время такая возможность просто отвергалась. К примеру, критик И.Соколов на страницах журнала «Кино и жизнь» «...с полной уверенностью предсказывал, что звукозапись в самой жизни, вне заглушенных стен тонательничего не даст, кроме звукового ханоса, бессмысленного нагромождения шумов. Эти предсказания были иронически сведены им в “теорию кошачьего концерта”»²¹. Такого же мнения придерживалось и большинство других кинодеятелей. Вертову предстояло разбить это заблуждение.

В Ленинград, в шоринскую лабораторию, группа Вертова приехала в марте 1930 г. и сразу приступила к звуко съемкам. Были сделаны запи-

си на вокзале, на площади и на заводах. 5 апреля все собрались, чтобы впервые услышать записанное. Результат эксперимента чуть позднее в журнале «Кино и жизнь» хорошо описал Шорин. Он отмечал, что впечатление от записи иной раз было такое, будто находишься не в студии, а на улице, заводе, вокзале, чувствуется даже воздух, глубина. Это была победа Вертова.

Фильм «Симфония Донбасса» должен был повествовать о строительстве социализма на Донбассе, о том, что происходит это не рабским трудом рабочих и крестьян, а по их внутреннему порыву, по их неодолимому желанию сделать жизнь как можно лучше и как можно быстрее.

Снимался фильм на заводах, шахтах и металлургических комбинатах Донбасса (Горловка, Макеевка, Лисичанск), а также в селе Бирюково (Луганская область). Задача перед киногруппой стояла сложная. Впервые надо было осуществить съемку на промышленных объектах с синхронной записью звука. Специально для «Симфонии Донбасса» по заказу Вертова Шорин изготовил мобильный звукозаписывающий аппарат.

О работе вспоминает оператор фильма Борис Цейтлин: «Работали мы в невероятно тяжелых условиях. Если вы знаете, что такое горячий цех завода, то вы наверное сможете себе представить, как трудно отыскать такое место в этом аду, где можно было бы поставить съёмочную, звуковую и осветительную аппаратуру так, чтобы ее не сшибли, чтобы ее не задела летящие с молниеносной быстротой куски раскаленной стали и железа, чтобы мы не мешали занятым на ответственной и тя-

желой работе рабочим и чтобы получалось не просто изображение, а изображение озвученное»²².

Звук для фильма, как уже указывалось, записывался на аппаратуре Шорина. Обслуживал ее работник шоринской лаборатории Николай Тимарцев. Позднее его сменил Петр Штро. Им помогали лаборанты Чибисов и Харитонов.

Звуковой ряд картины получился весьма разнообразным: классическая музыка, марши, песни, выступления рабочих, голос из радиоприемника. В целом «...звуковая дорожка фильма <...> была смонтирована по музыкальным принципам при помощи композитора Николая Тимофеева, который <...> создал нотную партитуру для записанных на аппаратуру Александра Шорина документальных шумов Донбасса и их трансформаций»²³.

Осенью 1930 г. фильм был смонтирован, и 7 ноября прошла его премьера. Однако, через три дня картину сняли с проката. Она оказалась чересчур затянутой. Вертов принял за ее перемонтаж и с 3100 метров сократил до 1800. 2 апреля 1931 г. была выпущена вторая редакция картины.

Реакция зрителей и критиков на фильм оказалась, в основном, отрицательной. Фильм называли «Какофонией Донбасса». Виктор Шкловский высказался убийственно: «Перейдя к звуковой кинематографии, Вертов дважды перегрузил зрителя: звуком и изображением. Зритель физически истребляется Вертовым во время просмотра картины. Это оглушающее кино»²⁴.

А виной всему было несовершенство звуковоспроизводящей аппаратуры кинотеатров. Она давала звук с такими искажениями шумов, что замысел Вертова терялся в них безвозвратно. Это было тем более обидно, что в студии звук был приемлемого качества...

В июле 1930 г. Вертов со своей картиной выехал за границу. Воспроизведение в берлинском кинотеатре было хорошего качества, зрители вполне могли оценить авторский замысел и активно приветствовали картину. Правда, шла она недолго, ее запретили германские власти по политическим мотивам. А Вертов благодаря содействию английского актера Айвора Монтегю

отправился в Лондон. Здесь его кинокартина тоже была принята замечательно.

В Лондоне Вертов встретился с Чарли Чаплиным. Он попросил Вертова продемонстрировать ему фильм. В дневнике Вертов записал: «17 ноября. Встреча с Чарли Чаплином. Прыгает во время просмотра. Что-то восклицает. Много говорил о фильме. Передал через Монтегю письмо – отзыв об “Энтузиазме”»: “Я никогда не мог себе представить, что эти индустриальные звуки можно организовать так, чтобы они казались прекрасными. Я считаю “Энтузиазм” одной из самых волнующих симфоний, которые я когда-либо слушал.

Мистер Дзига Вертов – музыкант. Профессора должны у него учиться, а не спорить с ним.

Поздравляю. Чарльз Чаплин”»²⁵.

Это было начало нового искусства – искусства звуковой кинематографии.

«Земля жаждет» Ю.Райзмана

Первым художественным фильмом, для записи фонограммы которого использовался звукозаписывающий аппарат Тагера, оказался

фильм Юлия Райзмана «Земля жаждет» («Два подкопа»). В нем рассказывалось о строителях оросительного канала в Средней Азии. Несмотря на природные трудности и сопротивление противников строительства, канал был прорыт – вода хлынула на жаждавшую ее землю. Вначале режиссер снял немой вариант картины, премьера которой прошла 26 октября 1930 г., а затем уже озвучил его.

Ю.Райзман приветствовал появление звука в кино (но не речи). Он полагал, что звука в кино ему как раз и не хватало. Поэтому, как только появилась возможность озвучить фильм, Райзман ее реализовал. К речи же он относился настороженно, считая что «...появление звучащего слова нарушает те выразительные средства кино, к которым мы все привыкли»²⁶.

Поэтому в картине присутствовало только несколько реплик, была еще грустная туркменская песня и шумовые эффекты: стук колес поезда, завывание ветра и др. Сопровождался фильм музыкальными иллюстрациями Рейнгольда Глиэра, Сергея Ряужева и Владимира Соколова.

Сделан был фильм на студии «Востоккино». Звукооператорами были А.Зайцев и С.Семенов. Режи-

Рекламный плакат
фильма «Земля жаждет»

Кадры фильма
«Земля жаждет»

сер по озвучанию – известный советский режиссер и сценарист Александр Мачерет, ассистенты режиссера по озвучанию В.Вод и М.Кац. Шумовое оформление осуществил Владимир Попов. Попов – артист МХАТа, многие годы занимавшийся шумовым и звуковым оформлением спектаклей. Он изобрел приспособления для имитации шума идущего поезда и пневматического гудка, имитатора шагов идущей толпы и многое другое. Все свои знания и умения он привнес в кино. Его вполне можно считать одним из родоначальников шумового озвучания кинофильмов.

Озвученный вариант картины «Земля жаждет» вышел в прокат 18 мая 1931 г. Он с успехом прошел по кинотеатрам страны. Попал и за рубеж. Однако здесь был принят не так горячо, как на родине. Из отзыва выходящей в Париже русской эмигрантской газеты «Возрождение» узнаем: «Техника фильма (“Земля жаждет” – С.Н.) так же примитивна, как и сценарий. Он не говорящий, а сонорный: говорят в нем очень мало, урывками, и слова доносятся глухо, как из-за ватной стены. <...> На всем фоне скуки, которую распространяет вокруг себя этот убогий фильм, есть только одно светлое пятно. Это – звуки воды, то льющейся тихими ручейками, то в оросительных каналах, то булькающей, то грозно шумящей. Надо сознаться, что такой верности, такого совпадения с природой не приходилось слышать ни в одном американском фильме...»²⁷. Всё же звуки воды журналисту из «Возрождения» понравились. Для первого озвученного фильма неплохо.

С большим вниманием и большим интересом к картине, похоже, отнеслись в Германии. Судя по надписи на рекламном плакате (см. пред. стр.) она там позиционировалась как «Монументальное звуковое кинопроизведение» («Das monumentale tonfilmwerk»).

К разработке звукового кино подключается студия «Белгоскино»

Желание снимать звуковые фильмы в то время было, видимо, столь велико, что в августе 1929 г.

Вадим Охотников

разрабатывать оборудование звукового кино начали еще и на студии «Белгоскино». В то время белорусская студия «Белгоскино» находилась в Ленинграде, занимая помещения бывшего театра «Кривое зеркало». Здесь была создана специальная лаборатория звукового кино. Группой разработчиков стал руководить Вадим Дмитриевич Охотников (1905–1964). Трудились в лаборатории также А.Г.Машкович, Евельня Косарев и другие сотрудники. Проведя большую исследовательскую работу, изобретатели остановились на использовании в качестве модулятора лампы накаливания, в которой питающее напряжение модулировалось бы звуковым сигналом. В чем-то они повторили идею В.И.Коваленкова, в патенте № 400 от 29 ноября 1922 г., также предлагавшего использовать лампу накаливания.

Однако, поскольку нить обычной лампы (как у Коваленкова) нагреваясь от тока звуковой частоты, долго остывала, и поэтому плохо передавала высокие частоты, В.Охотников и А.Машкович изготовили специальную лампу, в которой нить для более быстрого охлаждения, во-первых, была очень тонкой и, во-вторых, соприкасалась с массивной слюдяной пластиной. Благодаря использованию такой лампы, верхний предел частотной характеристики тракта записи удалось поднять до 3–5 кГц, что было приемлемо для речи, но все же недостаточно для правильной передачи музыкальных сигналов. Используя эту лампу, изобретатели построили аппарат для записи звука. Заявку на авторское свидетельство

под названием «Устройство для световой записи звуков» они подали 14 июля 1930 г. В целом система записи звука, использующая указанный выше аппарат, получила наименование «Рекордер».

Теперь можно было испытывать аппарат в деле. В 1930 г., к 13-й годовщине Октябрьской революции, режиссер Юрий Тарич, используя оборудование Охотникова и Машковича, снял первый на студии «Белгоскино» звуковой фильм под названием «Переворот». Состоял он из пяти сюжетов: речи председателя совнаркома Белоруссии Н.М.Голодеда «О достижениях социалистического строительства в БССР», декламации поэмы, небольшого концерта, кинохроники с синхронным звуком «Приключения Аленки на границе».

В фильме выступление Голодеда и хроника Минска были записаны с использованием шоринского оборудования, а всё остальное – на аппаратуре Охотникова и Машковича. Звукооператором картины был Николай Косарев, ему помогали П.Преображенский и А.Шаргородский²⁸. Записаны были две версии этого фильма – на русском и белорусском языках. Премьера с успехом прошла в Минске, в только что открытом первом звуковом кинотеатре города «Красная звезда» («Чырвоная Зорка»). В стране Советов это был четвертый по счету звуковой кинотеатр.

На это событие киностудия Белгоскино откликнулась изданием не-

А.Машкович

большой брошюры под названием «Пераварот. Першы беларускі гукавы фільм» («Переворот. Первый белорусский звуковой фильм»), в которой рассказала о работах Охотникова и Машковича: «Советская общественность уже знакома с звукозаписывающими аппаратами системы Шорина и Тагера. Совершенно оригинальной является конструкция съемочного аппарата изобретателей т.т. Охотникова и Машковича.

Год тому назад, в небольшой лаборатории Ленинградской фабрики Белгоскино т.т. Охотников и Машкович начали свои опыты по звукозаписи. Упорная работа завершилась блестящим успехом. Сконструированный ими аппарат, наиболее компактный из всех существующих, открывает новые возможности в развитии звукового кино. Первые подсчеты показали, что аппарат Охотникова и Машковича может конкурировать с лучшими заграничными аппаратами»²⁹.

«Новый Вавилон» Г.Козинцева и Л.Трауберга

Появление звука в кино вызвало к жизни еще одну профессию – композитор кинофильмов. В 1929 г. Григорий Козинцев и Леонид Трауберг, закончив немую картину «Новый Вавилон», решили ее озвучить музыкой, без использования шумов и речи. По их просьбе Адриан Пиотровский, руководитель Художественно-сценарного бюро Ленинградской фабрики «Совкино» (будущий «Ленфильм»), обратился к руководителям центрального правления АО «Совкино» с предложением установить систему заказов киномузыки профессиональным композиторами. «При таком методе, – писал Пиотровский, – мы не только избежим каких-либо трафаретов, но в большинстве случаев будем иметь действительно вполне художественное музыкальное произведение, а порою, полагаем, даже и весьма талантливое, особенно, если иметь в виду, что в Ленинграде имеется довольно много молодых и значительных музыкальных сил»³⁰.

К предложению Пиотровского прислушались. Режиссерам предложили самим выбрать композитора. Они выбрали тогда еще мало кому известного Дмитрия Шостаковича.

Для него это был уже не первый опыт в кино. С 1923 г. по 1925 г. в ряде ленинградских кинотеатров он выполнял работу пианиста-иллюстратора. Шостакович с интересом принялся за дело, и вскоре музыка была им написана. «Мысли были общими: не иллюстрировать кадры, а дать им новое качество, объем; музыка должна сочиняться вразрез с внешним действием, открывая внутренний смысл происходящего. Чего только не было напридумано! “Марсельеза” должна переходить в “Прекрасную Елену”, большие трагические темы контрастировать с похабщиной канканов и галопов», – вспоминал позднее Г.Козинцев³¹.

На премьере в Ленинграде Шостакович играл сам. Присутствующие на просмотре фильм и музыку Шостаковича приняли великолепно. Шостакович был счастлив: кино, как молодое искусство, в меньшей степени, нежели театр, было связано различными канонами и здесь ему можно было свободно экспериментировать.

Потом была премьера в Москве. Однако, здесь она не была принята зрителями. По воспоминаниям Трауберга «...Картину и музыку изругали. Нас обвинили в растрате денег, безобразии, пропаганде танцулек. Эйзенштейн и Александров безуспешно пытались нас поддержать. Шостакович отнесся к неудаче с выдержкой...»³².

Фильм всё же поступил в прокат, но ненадолго. Создатели ленты не учли одного обстоятельства. Когда Шостакович писал музыку, немой вариант картины уже был готов, а запись оркестра и создание фильмокопии со звуковой дорожкой средств не хватило. Поэтому решили, что музыку Шостаковича в кинотеатрах будет исполнять «живой» оркестр. Но музыканты, не имевшие возможности репетировать заранее, с сочинением Шостаковича не справились, их исполнение расходилось с происходящим на экране. «Поэтому и получалось: на экране похороны, а в оркестре канкан, или наоборот, на экране канкан, а в оркестре похороны. Один из зрителей в книге отзывов в кинотеатре “Аврора” оставил запись: “Дирижер был пьян”»³³.

Кадр из кинофильма «Новый Вавилон»

После трех дней показа фильм «Новый Вавилон» с проката сняли. Позднее на киностудии «Ленфильм» фильм был восстановлен с использованием музыки Шостаковича по его сохранившейся партитуре.

«Одна» Г.Козинцева и Л.Трауберга

Следующую свою картину «Одна» Г.Козинцев и Л.Трауберг изначально решили сделать звуковой, но без использования речи. «Мы обязательно хотели снимать фильм звуковым. Опыт музыки Шостаковича к «Новому Вавилону» необходимо было продолжать. Как и все наши товарищи, мы были против речи; диалог, казалось нам, вернет экран к сцене. Добытого – силы зрительной поэзии – отдавать было нельзя. Хотелось лишь усилить зрительные образы контрастом со звуковым рядом», – вспоминал Г.Козинцев³⁴.

Как и в «Новом Вавилоне», звук записывался на аппаратуре Шорина. Звукорежиссером фильма был приглашен Лев Оскарович Арнштам, считавшийся специалистом по всевозможным шумовым и музыкальным сопровождениям спектаклей. Арнштам окончил петербургскую консерваторию по классу фортепиано, его соучеником и со товарищем по консерватории был Д.Шостакович. В середине 20-х гг. они выступали таперами в петербургском кинотеатре «Баррикада»: сеанс – Шостакович, сеанс – Арнштам.

В помощники Арнштаму определили Илью Федоровича Волка. До этого И.Волк окончил ленинградский Технологический институт и участвовал в строительстве первой ра-

Кадры из кинофильма
«Одна»

диостанции. Другим звукооператором был выпускник радиотехнических курсов Иван Иванович Дмитриев.

Когда подошло время съемок, звуковое оборудование оказалось еще не готово, поэтому весной 1930 г. группа уехала на Алтай снимать фильм в немом варианте. А в это время подросло шоринское оборудование. Его надо было куда-то устанавливать, поэтому первым делом взялись за возведение звукового ателье. «На самом шумном участке Ленинградской кинофабрики построили небольшое ателье. Его облицевали изнутри фанерой, фанеру затянули огромным количеством мягкой фланели, повесили плакаты «не входить!» – и ателье было готово»³⁵.

В новом ателье в течение полугода, пока группа находилась на Алтае, Арнштам и Волк осваивали запись звука. За несколько месяцев было сделано превеликое число экспериментов. Потом перешли к синхронным съемкам, сняв и записав песни и игры студентов Ленинградского института народов Севера.

3 октября 1930 г. возвратившаяся с Алтая группа Трауберга и Козинцева приступила к досьемкам и звуковым работам. Последние не обрадовали. Вот как об этом вспоминал позднее Григорий Козинцев: «Мы уехали в далекую экспедицию на несколько месяцев, признаков оборудования для звуко съемок еще нельзя было заметить. Когда мы вернулись, знаки новой технической эры уже были видны. Они ужасали. На самом шумном дворе “Ленфильма” в ателье с тонкими стенками монтировалась громоздкая аппаратура. Люди неведомых специально-

стей потребовали сценарий. Оказалось, чтобы получить в фильме звук шагов, необходимы особые приборы: подлинный удар палкой по полу или же звон реального будильника не получается – утверждали специалисты по звуку. Шумовики конструировали сложные аппараты, издававшие странный скрежет и причудливое брнчание. <...>

Мы приступили к звукозаписи. В нескольких сценах хотелось усилить решающие места громко сказанной фразой. Однако даже отдельные кадры не удалось снять синхронно: шум камеры заглушал голос. На камеру одели огромный полярный ватник; шум изменил характер, но записывался не менее отчетливо. Тогда была сооружена несурзкая будка на колесах, она напоминала по внешности пивной ларек. Внутренность будки обили толстой стеганой байкой противного голубого цвета. В ларек с трудом втаскивали камеру: снимать нужно было через оконное стекло. Сперва долго уговаривались со звуковиками, сидевшими в отдельной комнате, о сигналах начала съемки. Зажигались панические красные огни, завывала сирена, звуковики и мы расходились по своим помещениям (они в комнату, мы с Москвиным – в будку); двери задраивали как вход в подводную лодку»³⁶.

Как уже указывалось, Козинцев и Трауберг не собирались использовать в фильме речь, однако по ходу его создания в этом возникла необходимость. Решиться на это было нелегко. Вспоминает Елена Кузьмина, исполнительница главной роли в фильме: «И вдруг мои режиссеры и учителя, которые были главными противниками слова, которые считали, что слово обкрадывает вырази-

тельность движения, заставили меня что-то произнести вслух. Это было равносильно какому-то постыдному поступку. Да и голос у меня был тоненький»³⁷.

Однако, в полной мере записать необходимые реплики не удалось из-за несовершенства звуковой техники: несмотря ни на какие ухищрения шум камеры мешал записи речи. Поэтому, в результате, фильм был озвучен лишь несколькими репликами и первой фразой из песни на стихи Николая Заболоцкого «Какая хорошая будет жизнь».

Оставалось по максимуму использовать музыку, что и было сделано. «Зато увеличилось количество музыкальных эпизодов, сопровождавших действие. Увлеченные открывающимися возможностями звучания непосредственно в кадре, Г.Козинцев и Л.Трауберг не скупились вводить музыку, где только можно было, поручая ей многие смысловые, драматические акценты»³⁸.

Рассказывала картина о молодой учительнице, получившей назначение на Алтай, и уехавшей туда, несмотря на ожидающуюся свадьбу и устроенную жизнь в городе. На Алтае она вступила в борьбу с местными кулаками...

Начинался фильм с крупного плана будильника, такого знакомого советским людям. И вдруг этот будильник начал звонить! В зале сразу, как правило, наступало радостное оживление. Трезвонивший будильник как бы говорил: просыпайтесь, наступила новая эра – эра звукового кино.

Первый просмотр фильма «Одна» состоялся в ленинградском кинотеатре «Спленид-Палас» 10 марта 1931 г., после чего был устроен диспут для рабочих и служащих кинофабрики «Союзкино». После просмотра фильма, видимо, дорабатывали, т.к. на экраны он вышел лишь 10 октября 1931 г.

«Путевка в жизнь» Н.Экка

В 1931 г. вышла в прокат «Путевка в жизнь» – картина, которая вошла в золотой фонд не только отечественного, но и мирового кинематографа. Кинокартина, в которой звук уже был на достаточно высоком уровне. Записан он был на аппарату-

ре системы Павла Тагера. Информация об этом была вынесена в заглавные титры картины.

Режиссер «Путевки в жизнь» – Николай Эрк. Настоящая его фамилия Ивакин. Он был офицером царской армии. Опасаясь преследования новых властей, взял фамилию умершего школьного товарища. После гражданской войны учился у Мейерхольда, затем перешел в кино. Закончил кинотехникум, где преподавали Кулешов, Эйзенштейн и Пудовкин. После чего прошел «звуковые курсы» под руководством Павла Тагера.

Как режиссер снял короткометражный фильм «О свинье, которая картину писала», дикторский текст в котором читал обладатель замечательного голоса, известный русский и советский актер Василий Качалов. В следующей картине Эрка – «Путевке в жизнь» – сопроводительный текст тоже читал Качалов.

В отличие от ряда предыдущих фильмов, Николай Эрк начал снимать «Путевку в жизнь», как картину полностью звуковую, т.е. с использованием речи. Съёмки начались в конце июня 1930 г. Звуковые работы тогда, естественно, были в новинку, поэтому требовали усиленного внимания. Павел Тагер, по отзывам очевидцев, добиваясь технически совершенных фонограмм, съёмочную площадку практически не покидал.

Чтобы заглушить работающие механизмы камеры, на нее одевали солидные боксы. Актер Михаил Жаров, великолепно сыгравший в «Путевке в жизнь» бандита Жигана, вспоминал: «Записали пробу моего голоса. Я пел песенку “Голо-

ва ль ты моя удалая, долго ль буду тебя я носить!” под трио гармонистов Макарова, Попкова и Кузнецова и двух гитаристов из театра Мейерхольда.

После того, как оператор навел фокус и приготовил съёмочный аппарат, на него надевали бокс – громоздкое сооружение из свинца с войлочной прокладкой, чтобы в микрофон не попадал треск аппарата. Бокс подносили на носилках и надевали на съёмочный аппарат сверху и только после этого “заглушения” начиналась синхронная звуковая съёмка. Но бокс не всегда одевался удачно, он был настолько тяжёл, что штатив съёмочного аппарата часто не выдерживал, ножки раздвигались, и аппарат садился под тяжестью бокса. Всё начинали сначала. И так это продолжалось иногда по несколько раз. Но все были энтузиастами, и беды никого не угнетали. И как оператор Василий Пронин не уговаривал закутать одеялами свой аппарат, клянясь “всеми богами”, что треска не будет, Нестеров – звукооператор – ничего не хотел слушать. Он ужасно волновался и требовал, чтобы бокс обязательно одевали на аппарат»³⁹.

Звукооператором картины был Евгений Нестеров, консультантом по звукозаписи – Леонид Оболенский. Музыка написал советский композитор Яков Столляр.

К записи звука Нестеров подошел очень ответственно. По отзыву кинокритика Ростислава Юренева: «Новое выразительное средство – звук – тоже использовано по-разному. В начале реплики действующих лиц слишком коротки, многозначительны, произносятся медленно,

скандированно, если шумы – шаги, стук колес, пение птиц, кваканье лягушек – звучат нарочито, чересчур отчетливо, то в лучших сценах и слово, и шумы, и музыка достигают подлинного синтеза с изображением»⁴⁰.

Несмотря на то, что картина была говорящей, она сопровождалась пояснительными надписями – своеобразная дань немому кино. Видимо, сразу отойти от сложившихся канон было нелегко.

Премьера фильма прошла 1 июня 1931 г. в московском кинотеатре «Колосс», оборудованном звуковой киноаппаратурой «Тагетон SGK-4». Фильм имел колоссальный успех. Советская писательница Лидия Либединская вспоминала: «...вдруг <...> появился анонс, что будет первый звуковой фильм. Это даже никто не мог себе представить. И поверьте мне, что это было не меньшим событием, чем потом полет Гагарина в космос. <...> И вот мы с отцом пошли в кинотеатр “Палас” <...> И действительно, когда раздались с экрана и звуки музыки, и человеческая речь – это было потрясением»⁴¹.

Фильм ясно показал, что не только музыка и шумы, но и речь может быть полноправным конструктивным элементом звукового ряда кинопроизведений. Это стало очевидно и для тех мастеров кинематографа, которые еще совсем недавно ратовали за кино звуковое, но не говорящее. Как отмечал Григорий Козинцев: «Еще теплилась надежда <...> что звук можно посадить на цепь и приручить, что можно жить и дальше по-старому, а звуковое кино заменит и даже усовершенствует оркестр в кинотеатре. Но жизнь уже сделала свой выбор. Толпы осаждали кассы: чумазные беспризорники из “Путевки в жизнь” распевали свои бластные песни»⁴².

«Встречный»

С.Юткевича и Ф.Эрмлера

Еще одним ранним звуковым кинофильмом, снятым с использованием шоринской аппаратуры, явился фильм «Встречный» режиссеров Сергея Юткевича и Фридриха Эрмлера. Примечателен фильм тем, что его фонограмма была записана с помощью аппарата, изготовленного

Кадры из фильма «Путевка в жизнь»

Кадры из кинофильма
«Встречный»

И.Волком и А.Москвиным. Изучив устройство шоринского записывающего устройства, Илья Волк, имевший за плечами Технологический институт, видимо, нашел способ улучшения его работы. Совместно с А.Москвиным они изготовили новый аппарат записи, названный ими МВ-2, и использовали его не только на фильме «Встречный», но и на некоторых других, последующих фильмах⁴³.

Все же, видимо, доработки И.Волка и А.Москвина не были существенными, так как в титрах «Встречного» указано, что звук был записан на аппаратуре инженера Шорина.

Примечателен «Встречный» еще и тем, что его можно назвать первым советским по-настоящему говорящим фильмом. По мнению русского киноведа и кинокритика Марка Зака «...до “Встречного” ни в одном фильме герои столько не говорили. Слово неожиданно для многих заявило о своем равноправии с ракурсом, монтажом и актерской пластикой»⁴⁴.

Ответственно подошли к работе со звуком режиссеры фильма. Актер Владимир Гардин, сыгравший во «Встречном» мастера Бабченко, вспоминал, что Ф.Эрмлер «...Впервые снимая звуковую картину, <...> сразу же сумел оценить силу и значение слова, правду интонаций и выразительность живого человеческого голоса. Он неизменно требовал чистоты и ясности записи каждого слова; верности интонаций, тембров голосов. С самого начала съемок “Встречного” было определено правильное отношение к звукотехнике: Техника хороша в искусстве, когда ее присутствие не ощущается»⁴⁵.

«Встречный» посвящался советскому рабочему классу, его новому отношению к труду и повествовал о встречной инициативе рабочего коллектива выполнить план в более короткие сроки. Илья Волк на этом фильме выступил уже в роли звуко-режиссера, а Иван Дмитриев – звукооператора.

Ранние звуковые фильмы студии «Белгоскино»

Продолжалась работа над звуковыми фильмами и на студии «Белгоскино». Здесь в декабре 1931 г. Юрий Тарич создал небольшой звуковой кинофильм «Поэма имени освобождения». Фильм содержал кинохронику гражданской войны и фрагменты одного из немых фильмов Тарича, и сопровождался чтением поэмы белорусского советского поэта и критика Андрея Александровича. Текст поэмы читали актеры Л.Давидович и Ю.Колчанов. Композитор фильма – Е.Тикоцкий.

А в 1932 г., видимо, убедившись в достаточном качестве звука и надежности «Рекордера» – аппарата

записи звука Вадима Охотникова – Белгоскино запустила в производство сразу несколько звуковых полнометражных картин.

Тут же на это событие отозвалась пресса. В заметке «Ударник рабочей смекалки», опубликованной в 1932 г. в газете «Кино», сообщалось, что «На ленинградской кинофабрике Белгоскино существует весьма скромная звуколаборатория.

Эта лаборатория, поистине, сыграла огромную роль в развитии на фабрике производства звуковых картин. Работником фабрики т. Охотниковым сконструирован, построен и пущен в эксплуатацию звукозаписывающий аппарат “Рекордер”. Аппарат чрезвычайно прост и портативен. На этом аппарате фабрика уже записывает одновременно 4 звуковые картины, и не было случаев срыва съемок по вине аппарата. <...>

Все эти работы т. Охотников, вместе с небольшой группой товарищей – Евельнем Косаревым и др. сделал буквально голыми руками. Все сложнейшие детали, все материалы группа добывала и делала своими руками»⁴⁶.

Первой из игровых картин в производство был запущен агитационно-пропагандистский художественный фильм «Слава мира». Он сразу задумывался звуковым. В нем использовалась музыка, значительное место было отведено речи персонажей и шумам. Рассказывал фильм о том, как антифашисты одной из западноевропейских стран сорвали погрузку оружия, предназначенного для борьбы с Советской Россией.

Режиссеры «Славы мира» – Владимир Вайншток и Аркадий Кольцатый. В фильме снимались Леонид

Кадры из кинофильма
«Печать времени»

Кмит, Софья Магарилл и Андрей Лаврентьев. Композитор – Алексей Животов. Снят фильм был только на русском языке (без белорусского) из опасений нерентабельности. Премьера прошла 23 марта 1932 г.

3 октября 1932 г. на экраны страны вышел кукольный кинофильм с фонограммой по системе В.Охотникова – «Печать времени» режиссера Георгия Кроля. Рассказывал фильм о живущих у самой границы пионерах. Под видом нищих и обычных советских граждан в город проникают шпионы. По фильму пионеры проявляют бдительность и срывают планы противника. Музыка к картине написал Сергей Митин. Оркестром в фильме руководил Исаак Дунаевский. Звукооператором был Николай Косарев, его помощником – П.Янин. В титрах фильма значится: «Звукозапись по системе В.Охотникова».

Вскоре после «Печати времени» в прокате появилась еще одна звуковая картина – «Возвращение Нейтана Беккера». Ее премьера состоялась 6 декабря 1932 г. Режиссеры фильма Рашель Мильман-Кример и Борис Шпис. Композитор Евгений Брусиловский. В ролях: Соломон Михоэлс, Давид Гутман, Елена Кашницкая, Борис Бабочкин, Анна Заржицкая и др.

Картина рассказывает о том, как после 28 лет работы в США в родное местечко возвращается каменщик Нейтан Беккер. Здесь Нейтан вместе с другими жителями городка устраивается работать на одну из строек Первой пятилетки. На стройке он вызывает на соревнование местного камешника и... проигрывает. Удрученный Нейтан ожидает отказа в приеме на работу, однако его способ кладки кирпичей всем понравился больше, чем у его соперника, и Беккера берут для обучения молодежи. Фильм является одним из первых советских фильмов на производственную тему...

Киноленту можно отнести к категории частично озвученных. В ней есть музыка, присутствует речь актеров. Но вот окружающие шумы даются весьма скупо. Телега едет

Кадр из кинофильма
«Возвращение Нейтана Беккера»

бесшумно, люди тоже ходят, не издавая звуков. В то же время, в сцене, когда Беккер, произнеся гневную тираду, переворачивает на землю скамью с грудой кирпичей, их грохот слышен хорошо. Поэтому складывается впечатление, что в фильме присутствуют только те шумы, которые попали в микрофон во время записи речи. И никакие другие шумы в звуковую дорожку специально не добавлялись.

Звуковая система «Рекордер» В.Охотникова, А.Машковича и др. дальнейшего развития не получила. Всё же системе с модулятором на лампе накаливания сложно было конкурировать с более совершенными звуковыми системами Шорина и Тагера. К недостаткам «Рекордера» Охотникова можно отнести ограниченный частотный и динамический диапазоны, и повышенный уровень нелинейных искажений.

По системе Охотникова были сняты еще две картины: драма режиссера Бориса Шребера «Первая любовь» (1933) и комедия из жизни студенчества режиссера Сергея Герасимова «Люблю ли я тебя?» (1934), после чего студия перешла на систему «Тагелефон» Павла Тагера. По этой системе на Белгоскино, в частности, были сняты первый по настоящему звуковой фильм «Первый взвод» (1933) режиссера В.Корш-Саблина и фильм «Поручик Кижж» (1934) режиссера А.Файнциммера. Звукооператором этих фильмов являлся Николай Косарев...

Заключение

Когда система «Рекордер» была признана неперспективной, Вадим

Охотников некоторое время продолжал заниматься созданием и совершенствованием различной звуковой техники в собственной лаборатории в г. Ленинграде. А с 1938 г. он перешел на работу в оборонную промышленность, где разрабатывал новые образцы вооружений.

Не получила дальнейшего развития и система П.Тагера. Фонограммы переменной плотности и переменной ширины, получаемые в системах Тагера и Шорина, могли считываться одними и теми же проекторами, поэтому какое-то время существовали совместно. Затем, после того, как выяснилось, что точность копирования фонограммы переменной ширины в меньшей степени зависит от условий проявления и фотографических свойств киноплёнки, приоритет перешел к системе Шорина. А от фонограммы переменной плотности, использовавшейся в системе Тагера, и от самой системы «Тагелефон» постепенно отказались...

Фонограммы ранних звуковых фильмов были далеки от совершенства. Всё потому, что советский кинематограф становился звуковым в непростых условиях. Не хватало средств, звуковой техники и обученных кадров. Работу звукорежиссеров выполняли профессиональные музыканты, звукотехниками становились радиотехники или работники других смежных специальностей. Т.е. нужны были учебные заведения для обучения как киносъёмке и монтажу звуковых фильмов, так и по их прокату.

Власти старались исправить ситуацию. Как сообщала газета «Кино и жизнь»: «Группа из 35 человек режиссеров и операторов слушает лекции профессоров Лифшица, Богуславского, приват-доц. Тагера, инж. Шорина, Васильева, Попова и др. Все эти лекции стенографируются и рассылаются по киноорганизациям СССР»⁴⁷.

Открывались и новые учебные заведения. В Ленинградском кинофототехникуме открылся факультет инженеров звукового кино, первый выпуск которого состоялся в 1931 г. Позднее его преобразовали в Ленинградский институт киноинженеров.

Обучали студентов работе со звуковым оборудованием в кинотехникумах Ростова, Витебска, Томска, Воронежа и др.

Для повышения качества звуковых фильмов необходимы были единые стандарты. Их выработка происходила при участии П. Тагера, в 1932 г. перешедшему работать в Научно-исследовательский кинофотоинститут (НИКФИ).

Совершенствовалась и технология производства звуковых фильмов. Для более качественного сведения воедино нескольких фонограмм понадобилась соответствующая аппаратура. В 1934 г. к Шорину обратились режиссеры С. Эйзенштейн, А. Довженко, Г. Александров и др. с просьбой создать аппарат перезаписи звуковых фонограмм с нескольких пленок на одну. Они писали: «Вы, Александр Федорович, можете дать нам прекрасное оружие. <...> Оружие это – аппарат перезаписи. Он является ценнейшим наполнением того богатого арсенала Ваших изобретений, которые теснейшим образом связали Ваше имя с лучшими достижениями советского кино. <...> Зная Вашу культуру и талант изобретателя-энтузиаста, мы уверены, что Вы сделаете всё, чтобы поставить в ближайшее время сконструированный Вами аппарат перезаписи на службу советского кино»⁴⁸.

И Шорин изготовил его. Он спроектировал комплект аппаратуры перезаписи звука, состоявший из трех фильмфонографов и кинопроектора, соединенных общим приводным валом, что обеспечивало синхронность работы всех аппаратов. Теперь можно было микшировать несколько сигналов, например, реплики, музыку и шумы...

Примечания:

1. Ершов К.Г. Санкт-Петербургскому государственному университету кино и телевидения – 90 лет! // Звукорежиссер. 2008, № 8, с. 75–77.

2. Коваленков В.И. Ленинградская экспериментальная электротехническая лаборатория. URL: <http://istmat.info/node/29347#> (дата обращения 07.11.2014).

3. На премьере фильма «Дон Жуан» реж. Алана Кросленда, прошедшей 6 августа 1926 г., впервые в истории кинематографа качество звука было достаточно высокого уровня. Эта премьера показала, что звук в кино имеет право на существование.

4. Шорин А.Ф. Как экран стал говорящим (воспоминания изобретателя). Под ред. Б.Н. Коноплева. 1949. С. 60.

5. Кино, № 15, 9 апреля 1929. Цит. по: 1929 год в кино. 28 марта URL: <http://www.rudata.ru/wiki/>

1929_%D0%B3%D0%BE%D0%B4_%D0%B2_%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%BE (дата обращения 07.11.2014).

6. Шорин, с. 69.

7. Кулешов Л., Хохлова А. 50 лет в кино. М., 1975. С. 85.

8. Кабалов Г. Цит. по: Отчет о научно-исследовательской работе «История киноотрасли в России: управление, кинопроизводство, прокат». URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/697568-13-ministerstvokulturi-rossijskoy-federacii-federalnoegogosudarstvennoe-byudzhethnoe-obrazovatelnoe-uchrezhdenie-vis.php> (дата обращения 11.10.2014).

9. Анощенко Н.Д. Звучащая фильма в СССР и за границей. Цит. по: Урвалов В.А., Шошков Е.Н. Александр Федорович Шорин. Отв. ред. Н.С. Щербakov. 2008. С. 58.

10. Шорин, с. 72, 73.

11. Там же, с. 74–76.

12. Луначарский А.В. У звучащего полотно // Огонек, № 48 (348), 1929 г. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-kino/u-zvuchashego-polotna> (дата обращения 29.08.2014).

13. Говорящее кино. Правда. 1 февр. 1927.

14. В.Ф.: РГАЛИ, ф. 2497, оп. 1, д. 43, л. 111–112. Цит. по: 1931 год в кино, 4 мая. URL: http://www.rudata.ru/wiki/1931_%D0%B3%D0%BE%D0%B4_%D0%B2_%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%BE (дата обращения 02.10.2014).

15. Марголит Е.Я. Феномен агитпропфильма и приход звука в советское кино. URL: <http://www.kinozapiski.ru/data/home/articles/attache/255-266.pdf> (дата обращения 11.09.2014).

16. Эйзенштейн С., Пудовкин В., Александров Г. Будущее звуковой фильмы. URL: http://lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZHEZVSHNTEJN/sbudushchee_zvukovoj_filxmy.txt (дата обращения 09.06.2012).

17. Лебедев Н.А. Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918–1934 годы. 1965. гл. 6. URL: <http://www.bibliotekar.ru/kino/index.htm> (дата обращения 21.09.2014).

18. Р. Я.: Новое русское слово (Нью-Йорк), 1931, 31 мая. Цит. по: 1931 год в кино, 30 мая.

19. Закревский Ю.А. Цит. по: Чернышов А.В. Киномызыка: теория технологий. URL: http://mediamusic-journal.com/Issues/3_2.html (дата обращения 12.11.2014).

20. Дзига Вертов. Рождение «Кино-глаза». Цит. по: Рошаль Л.М. Дзига Вертов. М., 1982.

21. Соколов И. Цит. по Рошаль.

22. Цейтлин Б.Б. Заговоривший немой. Смена, № 17 (193), июнь 1931 г. URL: <http://smena-online.ru/stories/zagovorivshii-nemoi/page/2> (дата обращения 13.10.2014).

23. Чернышов А.В. Истоки медиамызыки // ЭНЖ «Медиамызыка». № 1 (2012). URL: http://mediamusic-journal.com/Issues/1_1.html (дата обращения 8.01.2015).

24. Шкловский В. Есть звуки, нет ленты. Цит. по: Рошаль.

25. Чаплин Ч. Цитата по: Шкловский В.Б. За 60 лет. Работы в кино. 1985. С. 89.

26. Райзман Ю.Я. Вчера и сегодня. Рассказ о творческом пути. М., 1969. С. 15.

27. Р. Я.: Возрождение (Париж). 1933, 15 сент. Цит. по: 1933 год в кино, 22 сент. 1933 год в кино. URL: http://www.rudata.ru/wiki/1933_%D0%B3%D0%BE%D0%B4_%D0%B2_%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%BE (дата обращения 19.11.2014).

28. Пераварот. Першы беларускі гукавы фільм. Белдзяржкіно, 1930.

29. Там же.

30. Хентова С.М. Шостакович в Петрограде-Ленинграде. Л., 1979, с. 95.

31. Козинцев Г.М. Глубокий экран. 1971. С. 120.

32. Хентова, с. 97.

33. Мусский И.А. 100 великих отечественных кинофильмов. URL: http://thelib.ru/books/musskiy_igor_anatolevich/100_velikih_otechestvennyh_kinofilmov.html (дата обращения 10.10.2014).

34. Козинцев, с. 151.

35. Арнштам Л. Как я стал режиссером. Цит. по: Арнштам Лео Оскарович // Энциклопедия отечественного кино. URL: http://old.russiancinema.ru/template.php?dept_id=15&e_dept_id=1&e_person_id=1587 (дата обращения 08.02.2015).

36. Козинцев, с. 156–157.

37. Кузьмина Е. О том, что помню. М., 1989, с. 252–253. Цит. по: Хэнсен С. «Audio-Vision» О теории и практике раннего советского звукового кино на грани 1930-х годов. URL: http://www.sabine-haensgen.de/pdfs/Haensgen_Audiovision.pdf (дата обращения 15.01.2015).

38. Хентова, с. 99.

39. Жаров М. Цит. по: Отчет о научно-исследовательской работе...

40. Юрнев Р.Н. Путевка в жизнь. Советский экран, № 11, июнь 1981. Цит. по: Кино-Театр.ru URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/art/kino/2175/> (дата обращения 27.04.2015).

41. Либединская Л. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/cicles/cinema/russian/RoadToLife.asp> (дата обращения 24.04.2015).

42. Козинцев, с. 161.

43. Бутовский Я.Л. «Ленфильму» – 70 лет. ТКТ. 1988, № 11, с. 58–59.

44. Зак М. Художественное кино первой половины 30-х гг. Цит. по: Встречный // Энциклопедия отечественного кино. URL: http://2011.russiancinema.ru/index.php?e_dept_id=2&e_movie_id=http://2011.russiancinema.ru/index.php?e_dept_id=2&e_movie_id=1205 (дата обращения 17.07.2015).

45. Гардин В. Воспоминания. Т. 2. М., 1952. Цит. по: Встречный.

46. Лео. Ударник рабочей смекалки. Кино, № 28, 18 июня 1932.

47. Кино и жизнь. 1 января 1930 г. Цит. по: А.Разумный. У истоков... 1975. С. 120.

48. Шек Т.В. «Чем-то он мне напоминал Эдисона...» (К 100-летию со дня рождения А.Ф.Шорина). ТКТ. 1990, № 12, с. 55–60.

СИБИРСКИЙ ДЕСАНТ

(О ЛЮДЯХ, ПОСВЯТИВШИХ ЖИЗНЬ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМУ КИНО УРАЛА)

XX ВЕК – ВЕК НАУЧНОГО КИНО

Екатерина ЛЕСНИКОВА

Член Союза
кинematографистов России.
г. Екатеринбург.

У кино Урала славная история. Художественные фильмы Свердловской киностудии знают и любят многие в нашей стране. Знаменитая школа уральской документалистики нашла свое продолжение и отклик зрителей в творчестве молодых кинематографистов. Мировую известность завоевала екатеринбургская анимация. Но редко кто сейчас вспомнит, что одной из ярких страниц в истории становления Свердловской киностудии и кинематографа на Урале было научное кино. Еще совсем недавно никому не надо было объяснять, что это за жанр, ведь научно-популярные фильмы можно было увидеть перед началом киносеанса в любом городском кинотеатре или сельском клубе. Промышленные предприятия, научные организации, школы, вузы проявляли к ним огромный интерес и широко использовали в своей деятельности. Сейчас фильмы научной тематики производятся штучно и не доходят до зрителя. Жанр этот предан забвению, несмотря на его большие достижения и славную историю. XX век с его великими открытиями в науке и технике, медицине, естествознании, с мощным развитием производства, с его грандиозными стройками и стремлением к звездам породил удивительный жанр киноискусства, рождение которого было замечено всеми – научное кино. Появление научного кино было велением времени. Над

ним трудилось множество создателей. Оно имело миллионы благодарных зрителей, росло вместе с веком, бурно развивалось, постоянно открывая новые формы и средства выразительности. Научно-популярное кино при своем зарождении служило чисто научным целям. Зоркий глаз кинокамеры дал возможность показать в динамике недоступные для непосредственного восприятия события и явления. Дальние страны, горы и пустыни, повадки зверей и птиц, мир насекомых, морская фауна, обычаи разных народов становились благодатным материалом для киносъемок. Зрителей привлекала вдруг открывшаяся возможность увидеть своими глазами никогда не виданное, необычайное. Ранние фильмы: «Извержение вулкана Этна» (Франция, 1909); «Жизнь бабочек» (Италия, 1911); «По Волге», (Россия, 1912) – оказались настолько интересными зрителям, что возникла мысль о создании подобных фильмов для широкой публики. В России тоже быстро убедились в больших исследовательских, учебных и популяризаторских возможностях научного кино. В 1896–1898 в Петербурге, Одессе, а после и в других городах России получили распространение просветительские киносеансы. Важный вклад в развитие научно-популярного кино в России в дореволюционный период (1911–1916 гг.) внес научный отдел кинофаб-

рики А.А.Ханжонкова. Фильмы «Инфузория» (режиссер В.Н.Лебедев); «Распространение электромагнитных волн вибратором Герца» (режиссер Н.В.Баклин) и другие отличались серьезным содержанием. Технические средства кино давали небывалые возможности показать недоступные простому глазу процессы, протекающие в живой и неживой природе, наглядно продемонстрировать действие физических законов, принципы работы машин. Киносъемка с помощью микроскопа позволила увидеть удивительный мир мельчайших организмов. Процессы, длящиеся неделями, благодаря замедленной съемке, уплотнялись до нескольких минут. На глазах зрителей из семени появлялся росток, формировались стебель и листья, распускался цветок. Происходило чудо значительного расширения границ мира, доступного рядовому зрителю.

Постепенно складывались специфические познавательные и эстетические свойства научно-популярного кино, его социальные функции. К середине 20-х годов количественно возросло производство учебных и научно-популярных лент, расширилась их тематика, обогатился художественный язык. В одном и том же фильме могли быть использованы кинохроникальные кадры, актерские сцены или мультипликационные вставки.

С появлением звука, цвета, усовершенствованием оптики открывались всё новые исследовательские и эстетические возможности.

Интерес к научно-популярному кино не оставил в стороне и мастеров художественного кино. Наиболее важным достижением в научно-популярном кино в 20-е годы стал фильм

В.И.Пудовкина «Механика головного мозга» (1925).

В годы Великой Отечественной войны ведущее место в советском научно-популярном кино заняла военная тематика. Всего за 1941–1945 годы было выпущено свыше пятисот военно-учебных фильмов. Как справедливо отмечал известный советский киновед В.Н.Ждан: «...за годы Отечественной войны сформировалась новая отрасль советской кинематографии, поставившая себя на службу фронту и боевой подготовке». В послевоенное время выпуск фильмов, посвященных науке, увеличился во всем мире. В СССР научно-популярное кино превратилось в мощную отрасль кинематографа. Интенсивно работали студии, выпускающие научные фильмы: Московская, Ленинградская, Киевская. Для производства учебных и научно-популярных фильмов в 1948 году была перепрофилирована Свердловская киностудия. Выпускались фильмы по биологии, зоологии, медицине, географии, физике, химии и другим наукам, а также фильмы, затрагивающие многие важные проблемы народного хозяйства, в особенности – сельского хозяйства.

Ведущее положение в научно-популярном кино занял документальный стиль, требующий, чтобы материал подавался не как сумма готовых истин, а в виде непосредственно наблюдаемых фактов, осмысление которых происходит в процессе просмотра. Научно-популярное кино убедительно показывало, что многие проблемы науки затрагивают интересы всего человечества. Научно-популярное кино сближалось и с художественным. Широко использовались актерские средства. Это было связано с харак-

терным для научно-популярного кино интересом к общественной роли науки, к личности ученого. Но всё же документальный, а не актерский показ человека в научном фильме оказался наиболее убедительным.

Заметным явлением в послевоенном научно-популярном кино стали фильмы о выдающихся деятелях науки, о процессе научного творчества («Жизнь и научные труды Пастера», режиссеры Ж.Пенлеве, Ж.Рукье, Франция, 1952; «Николай Амосов», режиссер Т.А.Золоев, СССР, 1970; «Замочная скважина в вечность», режиссер Д.Янг, США, 1974). Экран рассказывал о романтике научного поиска, раскрывал сам процесс научного творчества. Научно-популярный кинематограф отличался большим тематическим и видовым разнообразием. Была выпущена серия искусствоведческих картин о мастерах живописи, созданы ценнейшие кинодокументы по истории отечественного театра. Фильмы эти имели громадную культурную и познавательную ценность.

В 50–60-е гг. в научно-популярном кино важное место заняли передовые отрасли науки: ядерная физика, химия, космонавтика, кибернетика, молекулярная биология («Власть над веществом», режиссер Сутеев, 1959; «Мозг и машина», режиссер Райтбурт, 1960; «Снова к звездам», режиссеры Боголепов и Косенко, 1961; «В глубины живого», режиссер Клигман, 1966). Большое распространение получили географические, видовые фильмы. Это многочисленные кинокартины о путешествиях по СССР, составившие своеобразный географический киноатлас («По Волге», «По Дону», «Алтай», «Лесной край» и другие).

В 60–70-е годы кино активно включилось в экологическое воспитание, представляя зрителям результаты насилия человека над природой и призывая осознать необходимость борьбы за ее спасение. В 70–80-е годы научно-популярное кино в стремлении усилить свое влияние на мировоззрение людей достигло заметных результатов в объяснении научной картины мира, в распространении информации о новостях науки и техники («Морские сороковые», режиссер Д.Армстронг, Великобритания, 1975; «Черные дыры в космосе», режиссер К.Обрешков, НРБ, 1978). Получают широкое развитие научно-публицистические и научно-художественные фильмы с использованием всех выразительных средств (игровых, документальных, мультипликационных). Их авторы стремятся сочетать научную основательность с доступностью, занимательностью и зрелищностью. Не удивительно, что дело такого масштаба и значения привлекало к созданию учебных и научно-популярных фильмов многих и многих талантливых людей. Среди них были не только кинематографисты по образованию, но и представители самых разных профессий и отраслей научного знания и производства: инженеры, гуманитарии, журналисты, геологи и другие. Многие из них стали профессиональными и успешными режиссерами, сняли немало фильмов, связанных не только с их прежним родом деятельности.

Научно-популярное кино делали люди широко и всесторонне образованные, поскольку этот род деятельности требует от авторов широкого кругозора, непрерывного развития и самообразования. И этим научное кино привлекало многих. Но в

мире постепенно происходила грандиозная подмена ценностей. На излете века романтика научного поиска сменилась прагматикой сиюминутной выгоды. Стремление к звездам уступило место поиску легких путей к преуспеянию, обогащению и комфорту. Человек-создатель в массовой культуре и общественном сознании уступал место обывателю и потребителю. На Россию эти новые «ценности» обрушились лавинообразно. И одним из первых эта лавина погребла под собой научно-популярное кино. И почти никто не заметил, как оно ушло из нашей жизни. И в современной России научно-просветительское кино до сих пор пребывает в глубоком упадке. По ТВ демонстрируются, как правило, фильмы иностранного производства. Российская же кинопродукция, претендующая на это название и навязываемая телезрителю некоторыми каналами ТВ, отличается явно выраженным лже- и антинаучным характером («Великая тайна воды», «Плесень», «Обвиняется Чарльз Дарвин», «Универсум Виктора Петрика» и т.п.). Но будем надеяться, что так будет не всегда.

Возрождение России, ее новая индустриализация с необходимостью потребует от наших сограждан новой мобилизации сил, широкого кругозора, целеустремленности, овладения новыми, умениями, стремления к знаниям, научному поиску.

Список литературы:

- Брызгалова И.А. Документальный фильм «Дело всей жизни», 2013 г.
Бирюков Е.М. «От «Пролеткино» до «Сильвы» (к 50-летию Свердловской киностудии). «Вечерний Екатеринбург», 18.03.1993.
Ватолин В. «Кино в Сибири. Люди. События. Факты. 1896–2012».

«Люди – веки новосибирского кинематографа». «Вечерний Новосибирск» 22.01.2011.

Головнев И.А. Об А.А.Литвинове. Вестник Уральского отделения РАН, 2012. № 1.

Дерябин А.С. «О фильмах-путешествиях и Александре Литвинове» // Зеленое спасение: Вестн. Вып. 11. Алматы, 1999.

Зеличенко Б.Е. «Так начиналась киностудия». Газета «Вечерний Свердловск», 10.07.1976 г.

«Тропы Литвинова». «Советский экран», № 20, 1983 г.

«История города: Новониколаевск-Новосибирск» (исторические очерки). Т. I. Новосибирск, 2005. Издательский дом «Историческое наследие Сибири».

Кириллова Н.Б. «Феномен уральского кино. Екатеринбург. 2003 г.

Лапшин Я.Л. «Кинолента длиною в жизнь». Воспоминания. Очерки истории Урала, вып. № 61. Банк культурной информации. Екатеринбург, 2010 г.

Материалы Центра документации общественных организаций Свердловской области.

Материалы архива Свердловской областной организации Союза кинематографистов Российской Федерации.

Материалы Музея Свердловской киностудии.

Материалы электронных СМИ «Кино в Сибири», г. Новосибирск;

Ряпусова Д.Н. «Киноиндустрия Урала в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1953 гг.)».

Тургенева Г.М. Беседа с режиссером записана Л.Н.Эглитом 25.06.1996 года в музее Свердловской киностудии.

Эглит Л.Н. «Экран, который не врет. Ему служила Лидия Плоцкая». «Уральский рабочий», 22.03.2013.

Шеваров Г.Н. «Я видел, я слышал, я помню... Репортажи, очерки, интервью, сценарии. 1959–2009». Изд-во УРГУ им. А.М. Горького. Ф-т журналистики, Екатеринбург, 2009 г.

(Продолжение следует).

«ПРОСТО ЖИВЕМ В РОССИИ...»

Андрей КОМЛЕВ

Член Союза писателей
России, г. Екатеринбург.

ГОРЕСТНОЕ

1

В готовности списать на власть вину
вопрос из телестудии поставлен:
кто выиграл великую войну —
простой народ или диктатор Сталин?

По сути так и не наоборот —
осилить столь великое несчастье
не смог бы никакой другой народ,
а наш бы смог и при другом начальстве.

Но всё ж дела не поменять местами,
не передернуть в трескотне идей —
жестоко вел страну к победе Сталин.
А кто-то на Руси берег людей?

И как нам одолеть иной недуг,
вовек не потеряв бесценный дар свой?
В пылу демократических потуг
не поплатиться вновь бы государством.

Да не остаться впредь
восточным царством...

2

А смотришь на старинные портреты,
что в платье европейское одеты —
охотно деда шлют свои приветы,
обличьем поясняя: чьи мы дети...

Но если вспомнить, как не обозлиться —
уж сколько нам на западе грозили,
и сколько европейских коалиций
несли «цивилизацию» в Россию.

Что ж получилось? — где-то лет за триста
да вопреки велениям Петра:
в Европе мы и в Азии — туристы.
И главный смысл давно постичь пора.

Но снова спор — куда направить судно,
какая даль желанна впереди?
Увы, судьба геройская беспутна.
И от которых впрок смыкать ряды?

Вот вздумается — всё, пожалуй, просто,
покуда зримо поле муравы —
не плыть, а на своем стоять форпостом
во благо упований мировых.

Нет, рай земной не поднесут на блюде.
Пора застоя обернется злом.

Да без реформ случится революция.
И вновь свое заветное — на слом.

Как сочетать традиции, новации,
распределять природное обилие?
Пускай умолкнут бурные овации.
Пускай страдальцы смогут жить
стабильнее...

Я памятник воздвиг бы не воителю,
но мудрому не грозному правителю —
который, никого не обобрав,
достаток дал бы да реальность прав.
И этим бы улучшил общий нрав...

МИМОЛЕТНОЕ

В остатке лета
выйти на балкон.
Посмотришь прямо,
кверху и в наклон:
от горизонта —
тучки с облаками,
а из газона —
сучки с кобельками.

Проникновенно
тянется шансон.
И это
полуправда, полусон.
Вот слева вьются
липовые листья,
и многие их лица
дышат близко...

Покуда с высоты
ведешь обсчет —
повсюду ты
и что-нибудь еще.
Кружат витрины,
вывески, машины.
Плывут сквозь август
женщины, мужчины...

Пускай квартал
уходит по прямой.
В покои за стеной
шагнешь домой.
Вновь местность
под прозрачной занавеской
таинственна,
что под фатой невеста.

ВЫБОР

...Ратовали,
понимая, что врут,
а полагалось врать:
мол, человек
человеку друг,
он же товарищ, брат.

Нынче
как будто не дураки
рады вещать воочию:
дескать, все люди
везде враги,
жить нам всегда по-волчьи.

В сущности
на путях прогресса
мир преуспел
не очень...
Национальные интересы
выше
надежд всеобщих.

Стало быть,
силовой напор
сменится
сытой ленью...
Да не сулит
вдохновенных гор
лагерное мышление.

ЗАГАДКА

Так уж сошлось в семнадцатом,
затем — в девяносто первом:
свободы жаждалось нациям —
таинственным подвижимы нервом,
войска не стреляли в мятежников.
Хоть вроде бы — те же и те же они.

Хоть сплошь подавлялись бунты.
Да снова людей до кипения
томили злосчастные будни,
и полнились чаши терпения...

Рухнули две державы.
А нет, не узришь до корня
их механизмы ржавые...
Мимо смурные-покорные
тянутся что есть силы...

Просто живем в России.

С ЮНОСТИ

...Бывали танцы в клубе,
с весны по осень — в парке.
Площадки, точно клумбы,
а выше — клубы пара.
И придирались парни,
чьи головы, что клубни.

Но подбирались пары
и после танцверанды

шептались — будто любят,
запрятаны в парадных...

А нынче вспомнить рады
совсем иные люди,
что уж не скажут правды
и неповинны в блуде.
Да мимо дискотеки
проходят из аптеки...

СЕНТЯБРЬ

1
А в календарь — опять сентябрь,
и скоро листопад.
Пускай засветится, как встарь,
сиянием лампад.

В мечтах — камин да канделябр,
да драгоценный сад...
Гадать — куда плывет корабль.
Шептаться невпопад...

Сентябрь. И ясная мораль,
и милосердый взгляд.

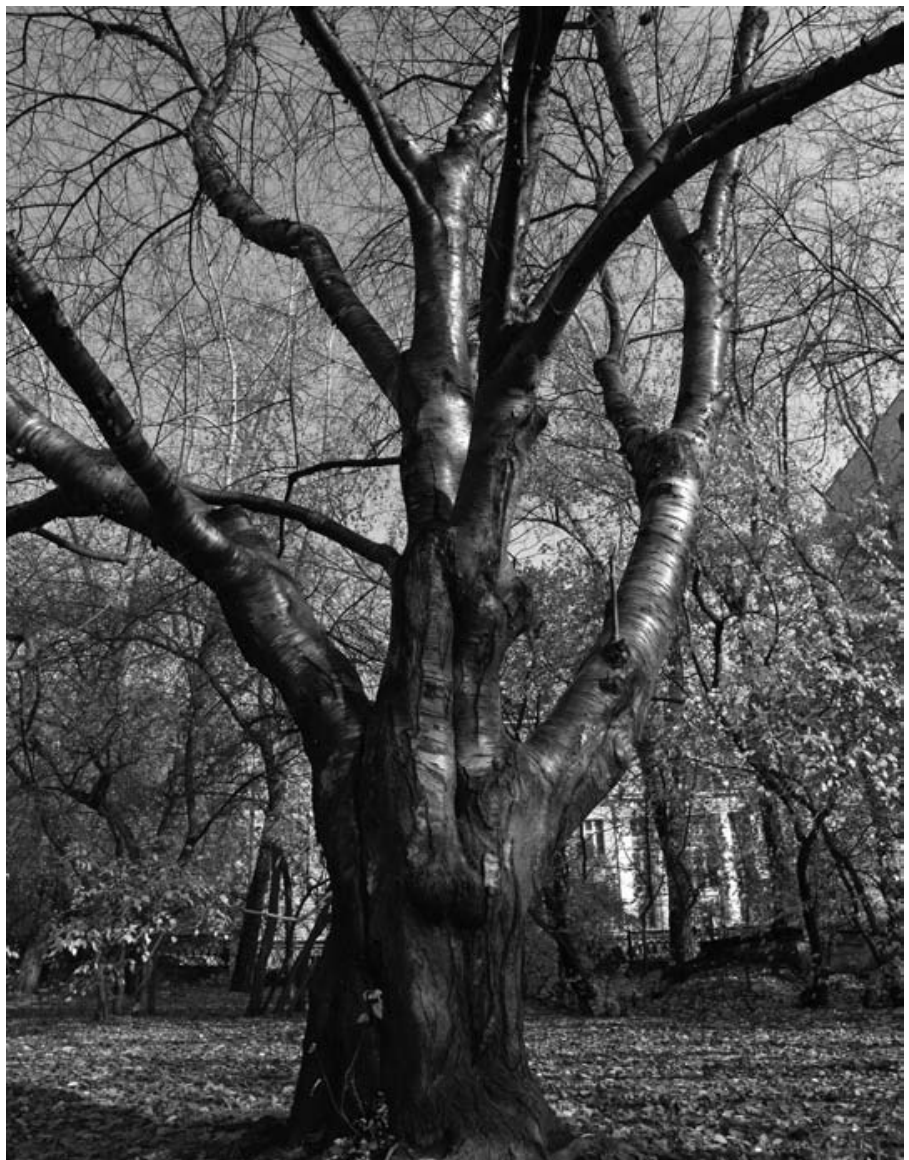
Пусть канет на небе журавль,
да прилетит назад.

2
И это не пустяк —
в наборе оборотном
даренные за так
осенние полотна.

Улыбкой на уста
да на сердце сугревом —
суть жаркого куста
и мирового древа.

И потому сентябрь
творит свои картины —
не путаясь в сетях
оконной паутины.

3
Лаком ласковый сентябрь —
коль, ценой не раздражая,
хороши по всем сортам
результаты урожая.

И уже не по жаре
накупить красивых фруктов
можно в собственном дворе.
Хочешь малых или крупных?

Раскрывай пошире рот,
сам — что плод созревший — молод.
И вкусив от сих щедрот,
без испуга примешь холод...

4
Ночью ощутив планетный ритм,
вне заботы о насущном хлебе —
выйдешь на безлюдье покурить,
поискать сигналы в темном небе.

Где-то есть созвездие Центавр,
что увидишь лишь весной на юге.
Первый месяц осени сентябрь
распростерся по земной округе.

От него сплошных чудес не жди,
даже если навевает вирши.
Но дожди зальют не без нужды.
И простудный чих — от знака свыше.

5
Вновь метется за летом табор
птиц, рашений, зверей и трав.
Потому, что теперь — сентябрь.
И таков у природы нрав.

А вершит мировую власть
органичная эта личность.
Впечатляет ее баланс,
где симметрия и цикличность.

И готов поэтапный план
возвращений — от рек по руслу...
Вот и осень, что пополам
восхищение сводит с грустью.

ЦЕНА

1
Сошлись разносолы
на стильном столе.
И водка сверкает
в хрустальном стекле.

Двоится избыток
улыбчивых лиц.
И смотрятся розы
сосцами девиц...

Плывут за окном
золотые огни
к неведомым далям
сквозь прошлые дни.

Возносится полночь
в небесную глубь...
Свидание помнишь
на старом углу?

2
Нет, не всё былое примитивно.
Вспомнить знаменательные дни.
Восхищали книги и картины,
разговоры с мудрыми людьми.

Виделись ландшафтные красоты.
И любовь несла куда-то высь...
Завлекали звездные высоты.
Но дороже собственная мысль.

Много раз напрасна и наивна,
и сегодня слишком далека.
Но тогда во благо и во имя
представала сутью на века.

3
Сознавать напряженно
каждый миг бытия.

Без житейских трезвонов.
Без глухого нытья.

Меж обычного сброда
новым листьям поверь.
Хорошо, что природа
не захлопнула дверь.

Почему-то прощая
вековые грехи...
На обжитом причале
у стихийной реки.

О ВЕРЕ

1
Две тыщи лет урокам христианства.
А стало ль меньше подлости и хамства?

Сейчас религиозны коммунисты —
враз просветлели до священных истин.

И негодяев многие примеры —
кто оприходовал приметы веры.

Молитв не бормочу... Однако дивно:
неужто жить паскудой не противно?

2
И со смиренной радостью
читать бы красу церковную.
Не тяготиться слабостью,
кланяться перед иконою.

Но только мирские мерзости
не отвести традицией...
Впредь бы остаться дерзостным,
мыслью отгородиться бы!

А так уж сложилось ранее,
со мною свои донине —
грехи православной морали:
уныние и гордыня.

3
Пока с небес всевидящее око
всевышнего невидимого бога
просматривает нас одновременно —
сойдется справедливость непременно...

Да сверху не бросают прокламации,
и вопрошают страждущие массы:
какому еврею поклоняться —
Христу Иисусу или Карлу Марксу?

И можно ли представить в отчет теле
размах ветхозаветного творца,
свершившего с начала до конца
сей грандиозный подвиг за неделю?

Но даже пусть не по библейским фразам,
вне ссылок на ученые труды —
а тешит верить в изначальный разум,
в гармонию природной череды.

СТАРАЯ ЛИНЗА ЛЕТОМ

Александр АВТАЕВ-УРАЛЬСКИЙ

Так, за рассказом, мы миновали главный вход Шабровского талькового комбината (ШТК и дошли до железнодорожной грузовой станции Тальковая. Свернув от станции вправо, направились через лес к карьеру, пересекая сохранившиеся отрезки узкоколейной железной дороги ШТК. На путях стояли вагоны-самосвалы (думпкары) узкой колеи и прочая заброшенная железнодорожная техника тех времен. Двинулись далее по этому, уже заросшему травой и мелкой порослью березок и сосенок, пути. Поскольку мы не знали, где находится вход в карьер, то нам пришлось обходить вокруг Старой линзы. Прошли мимо небольшого карьера по добыче то ли талька, то ли мрамора. По пути нам встретились мачты и опоры подвесной канатной дороги, проходящей над карьером. Через некоторое время мы увидели деревянную лестницу, ведущую вверх на территорию комбината. Как оказалось, это единственный вход в карьер. Далее мы заметили две параллельные тубы, идущие со дня карьера в сторону комбината над дорогой, и рельсы, спускавшиеся в карьер. Затем миновали еще две крутых деревянных лестницы, по которым спускаться надо было очень осторожно. И – вуаля... мы, наконец-то, на дне Старой линзы!

Бегло посмотрев вокруг, мы были поражены увиденным: огромная глубина карьера вкупе с оставшейся техникой завораживала и манила. С трудом верилось, что это сделал человек.

Карьер «Старая линза» представляет собой котлован, прорытый почти в монолитной тальковой глыбе, имеет глубину около 100 м,

ширину – до 500 м, длину – 400. Живописность карьеру придают гладкие отвесные стены, местами спускающиеся большими ступенями, формируя узор наподобие египетских пирамид. На южном склоне карьера имеется выход зеленого змеевика (его используют как декоративный материал и поделочный камень).

Карьер поддерживается в стабильном состоянии: невдалеке от «входа» находится насосная станция для откачки воды со дна карьера, не давая превратиться Старой линзе в озеро. За работой станции и за состоянием спускных лестниц следит человек на дне карьера. Теперь нам стало понятно назначение труб и рельсов: по этим рельсам спускали насосы и трубы для откачки воды после консервации карьера в 1974 г.

Когда-то стены карьера были нарушены грунтовыми водами, которые образовали несколько живописных водопадов. Самый большой и красивый расположен в углу на северо-западе карьера. Здесь образовался настоящий двухступенчатый водопад, столь редкий для Среднего Урала.

Когда мы подошли к водопаду, было часов 11 утра. Солнце уже окончательно проснулось и стало припекать. На наше счастье никого в карьере не было, и мы заняли наиболее подходящее для пикника место на ровном и свободном от травы и воды пространстве. Дно и склоны карьера постепенно зарастают молодыми сосенками, а в некоторых местах стенки карьера покрыты мхом. Кругом стояла звенящая тишина. Коля отправился осматривать водопад, девочки – играть в бадминтон, а я – исследовать карьер дальше.

На дне Старой линзы осталось старое оборудование: электромоторы, дисковая стальная пила, напоминающая огромную пилу «Дружба», лебедки, вагонетки и даже подъемные краны, в том числе зарубежного производства (экскаватор польской фирмы «Варынский»). Здесь можно увидеть пилы, которыми выпиливали тальковые блоки. Одна из них была изобретена в 1930-е годы коллек-

Вагоны-самосвалы узкой колеи.

тивом предприятия и получила название «пила Столярова». В Старой Линзе сохранились также рельсы узкоколейки, тележки, отдельные механизмы подъемника. На большой высоте, над карьером, протянута подвесная канатная дорога, по ней передвигались вагонетки, перевозящие тальковый кирпич на обогатительную фабрику и фабрику сухого помола.

С удовольствием уничтожив наш «тормозок», вдоволь набродившись по карьере и налюбовавшись красотами природы, мы обменивались впечатлениями и пришли к выводу, что воскресный наш поход удался на славу.

К полудню к карьере стали подтягиваться другие довольно многочисленные путешественники и отдыхающие. К тому же неприкрытое облаками солнце уже вовсю беспощадно жарило. Мы решили поворачивать в обратный путь. Теперь нам не пришлось искать дорогу: к конечной автобусной остановке в Шабрах вернулись через территорию комбината.

В

По этим рельсам спускали насосы и трубы для откачки воды.

Карьер «Старая линза».

Экскаватор польской фирмы «Варынский».

